

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Том 1

Москва
2022

УДК 323.22/.28+324+328.1+329
ББК 66.3(4)/66.3(8)+66.3пр1.1

П50

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Научный руководитель:
Д. В. Мосяков, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Ответственный редактор и редактор-составитель:
Е. М. Астафьева, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты:
Н. П. Малетин, д-р ист. наук, МГИМО
Е. А. Канаев, д-р ист. наук, НИУ ВШЭ

Коллектив авторов:
Д. В. Мосяков, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН, А. Ю. Другов,
д-р полит. наук, ФГБУН ИВ РАН, Л. М. Ефимова, д-р ист. наук,
МГИМО, В. А. Погадаев, канд. ист. наук, МГИМО,
Е. М. Астафьева, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН,
Д. С. Панарина, канд. культурологии, ФГБУН ИВ РАН

П50 **Политические** системы стран Юго-Восточной Азии. Том 1.
[Текст] : коллективная монография в 2-х томах / Ин-т
востоковедения Росс. акад. наук, Центр ЮВА, Австралии и
Океании [отв. ред. Е. М. Астафьева, науч. рук. Д. В. Мосяков]. –
Москва: ИВ РАН, 2022 – 304 с.

ISBN 978-5-907543-68-3

ISBN 978-5-907543-84-3

В первом томе коллективной монографии представлен анализ политических систем и моделей политического развития применительно к странам Юго-Восточной Азии. Особое внимание уделено процессам внутри-политического развития, формирования и функционирования политической системы в Индонезии, Малайзии, Сингапуре и на Филиппинах в XX–XXI веках. Книга рассчитана на широкий круг читателей, занимающихся проблемами исторического и политического развития стран ЮВА, а также на студентов, аспирантов и преподавателей.

УДК 323.22/.28+324+328.1+329
ББК 66.3(4)/66.3(8)+66.3пр1.1

ISBN 978-5-907543-68-3
ISBN 978-5-907543-84-3

© Коллектив авторов, 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Политические модели азиатских государств и обществ	5
§ 1.1. Типологизация политических систем и моделей политического развития	5
§ 1.2. Механизмы власти и политические модели в Сингапуре, Индонезии и Малайзии	29
§ 1.3. Особый путь Филиппин: поиски устойчивой политической модели	43
Глава 2. Республика Индонезия	56
§ 2.1. Становление и эволюция политической системы в XX веке	56
§ 2.2. Современные конституционные основы индонезийского государства. Органы власти	75
§ 2.3. Электоральная система	89
§ 2.4. Специфика партийной системы	96
§ 2.5. Религиозная ситуация	100
§ 2.6. Вооруженные силы	106
§ 2.7. Становление гражданского общества	112
Глава 3. Федерация Малайзия	123
§ 3.1. Становление и эволюция политической системы в XX веке	123
§ 3.2. Конституционные основы государства	130
§ 3.3. Органы власти	134

§ 3.4. Особенности избирательной системы	148
§ 3.5. Специфика партийной системы	156
§ 3.6. Становление гражданского общества	169
Глава 4. Республика Сингапур	175
§ 4.1. Становление и эволюция политической системы в XX веке	175
§ 4.2. Современные конституционные основы сингапурского государства. Органы власти.....	197
§ 4.3. Электоральная система.....	201
§ 4.5. Специфика партийной системы	211
§ 4.6. Становление гражданского общества	227
Глава 5. Республика Филиппины.....	234
§ 5.1. Влияние историко-культурного фактора на становление политической системы.....	235
§ 5.2. Становление и эволюция политической системы в XX веке	238
§ 5.3. Конституционный строй.....	251
§ 5.4. Структуры власти	259
§ 5.5. Избирательная система	269
§ 5.6. Партийная система	276
§ 5.7. Институты гражданского общества	285
Рекомендуемая литература	293

Глава 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ АЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ И ОБЩЕСТВ

§ 1.1. Типологизация политических систем и моделей политического развития

Когда мы сегодня говорим об исторических достижениях государств Юго-Восточной Азии, которые за относительно короткий временной период добились впечатляющих успехов в экономике, в качестве жизни людей, преобразовании инфраструктуры, повышении уровня образования, мы чаще всего обращаем внимание на правильные и последовательные внутриэкономические и внешнеполитические решения, которые, собственно, и привели к такому позитивному результату. Такой подход, однако, показывает только внешнюю сторону процесса, но часто оставляет без должного внимания другой аспект их очевидного успеха – политическую систему или точнее политические системы, а еще точнее механизмы власти, которые в них существуют. А ведь именно они и формируют модель развития – в их рамках принимаются важнейшие решения, которые собственно и обеспечивают успешное продвижение вперед. В этой связи анализ механизмов власти в странах ЮВА как важнейших элементов политической системы, представляет большой интерес, так как позволяет понять, как управляется то или иное государство ЮВА. Интерес представляет и взаимодействие политической системы и реального механизма власти. Анализ этих вопросов и посвящена данная глава учебника.

Но, прежде чем перейти к подробностям организации власти и механизмов ее реализации в государствах

ЮВА, следует определиться с ключевыми терминами и представлениями о власти, рассмотреть различные стратификации существующих ныне политических систем. Это непростая задача, так как само понятие политической системы не одномерно, существует масса различных дефиниций, причем, иногда на первый взгляд довольно странных, например, у Т. Парсонса, политическая система определяется «как “черный ящик”, внутреннее устройство которого не так важно, но который взаимодействует с окружающей его политической средой». Д. Истон представил политическую систему как развивающийся и саморегулирующийся организм, активно реагирующий на поступающие извне импульсы – команды.

Есть и намного более конкретные и предметные определения, например, что политическая система – это организованная на единой нормативно-ценностной основе совокупность отношений политических субъектов, осуществляющих власть, или совокупность государственных и негосударственных институтов и норм, в рамках которых проходит политическая жизнь общества, или способ узаконения государственного принуждения, как механизм регуляции взаимоотношений между людьми и даже как совокупность институтов, норм, идей, организаций, их взаимодействий, в процессе реализации политической власти. Эти, как и другие определения, передают сложность и многосторонность изучаемого нами явления. В любом случае, политическая система рассматривается как сложный механизм, который включает в себя отдельные элементы – подсистемы, каждая из которых охватывает определенную часть политического поля. Такие подсистемы – институциональная, нормативная, функциональная, коммуникативная и культурно-идеологическая не только формируют целостность самой политической системы, но и позволяют посредством выделения и сравнения этих подсистем установить их схожесть и различие,

проводить разнообразные сравнения в рамках их упорядоченной совокупности и целостности.

Следует отметить, что наиболее распространенную и принятую в современной политологии дефиницию политической системы сформулировал Габриэль Алмонд, который определил ее как «систему взаимодействия, которая выполняет функции интеграции и адаптации (внутри общества, вне его и между обществами) посредством применения или угрозы применения более или менее легитимного физического принуждения». Политическая система, по его мнению, является легитимной, поддерживающей порядок и преобразующей системой в обществе. Это узаконенная сила, пронизывающая все «входящие» и «исходящие» факторы общества и придающая ему особые свойства и смысл, обеспечивающая его сплоченность как системы.

Примечательно, что Г. Алмонд стремился исследовать прежде всего не динамику политических процессов, более важным он полагал понять процесс формирования и значение устойчивых структур политической системы. Термины «структура» и «культура» занимают главное место в его анализе, причем рассматриваются они в рамках компаративистских подходов. Под понятием «структура» Г. Алмонд подразумевает доступную наблюдению деятельность, которая формирует политическую систему. «Ту конкретную часть деятельности людей, которая участвует в политическом процессе, он называет роль. Роли — это единицы, из которых комплектуются все социальные системы, включая политическую. В связи с этим одним из основных компонентов политической системы является политическая роль. Конкретные совокупности взаимосвязанных ролей составляют структуры. Например, судья — это роль, суд — структура».

Из этих рассуждений Г. Алмонда мы можем сделать вывод о теснейшей взаимосвязанности роли и структуры,

то есть, иначе говоря, людей и сообществ, в которых они состоят. Важно, что характер их взаимодействия будет зависеть, как от качеств личности конкретного человека, так и от характера того же, приведенного Г. Алмондом в качестве примера, суда. То есть уже здесь на этом уровне взаимодействия возникает перспектива самых разнообразных политических опытов и стратегий в рамках формально однотипных политических структур. Из таких рассуждений Г. Алмонда вытекает важный вывод о том, что политические системы и механизмы власти суть не тождественные элементы. Одни и те же по устройству политические системы могут функционировать совершенно по-разному в силу того, что механизм власти, то есть роли людей в социумах могут быть совершенно различны. Страны Юго-Восточной Азии являют прекрасный пример этого феномена.

Нельзя не отметить также, что Г. Алмонд рассматривает политическую систему как структуру, активно действующую сразу на трех уровнях национального сообщества. Первый уровень – власть правительства над обществом, степень влияния на умы и поведение людей в интересах достижения правительственных целей. Он справедливо полагает, что именно демократическая система наиболее эффективна с точки зрения обратных связей с обществом. Он пишет, что именно в демократических политических системах на «выводы» регулирования, экстракции и распределения – то есть на совокупность мер, проводимых правительством, влияют «вводы» требований групп. Поэтому можно сказать, что демократии имеют более высокую реагирующую способность. С этим, безусловно, связана эффективность политической системы, то есть ее общая способность давать результат, создавать и размещать ценности.

Второй уровень функционирования политической системы отражает, по его мнению, то, что происходит в

ней самой, то есть, имеется в виду так называемый конверсивный процесс. Конверсивные процессы (или функции) – это способы превращения входящих факторов в исходящие, то есть нечто совершенно особенное – осмысление, понимание и действие – связанное не только с собственно системой, но и с качеством аналитической работы административного персонала, получающего и отправляющего обратно в общество определенные сигналы. Очевидно, что простой связи национального сообщества и структур, регулирующих его жизнь недостаточно для эффективной политики. Для этого следует проанализировать, как полученная информация от общества перерабатывается во властных структурах и какой отклик или реакцию она вызывает. При этом Г. Алмонд проходит мимо того очевидного факта, что конверсивный процесс в авторитарном обществе, объединенном вокруг лидера или группы лидеров, или какой-либо одной политической партии, оказывается, подчас, намного более эффективным, чем в условиях демократии, когда различные и часто противоположные политические интересы делают его крайне сложным и противоречивым. Вместо согласия разнообразных политических групп вокруг «генеральной линии» происходит борьба против «генеральной линии», которая часто идет явно во вред обществу. Кстати в странах ЮВА, как мы увидим дальше, одной из наиболее важных причин отказа от политической модели либеральной демократии в конце 1950-х годов стало как раз то, что возникла пропасть в рамках конверсивного процесса, который превратился в камень на пути развития и согласия в обществе. В конечном итоге он выродился не в систему взаимных балансов и компромиссов, а в систему, когда одна группа политиков навязывала другой чуть ли ни силой свою программу. Примеры Индонезии 1965 г. или Бирмы 1962 г. (свержение президента У Ну) или Таиланда начала

2000-х гг. (свержение премьер-министра Таксина Чиннавата) особенно показательны.

Но особенно актуальным для стран ЮВА представляется третий уровень в политической системе, сформулированной Г. Алмондом: «функция поддержания модели и ее адаптации», к которым он относит, прежде всего, «процесс социализации и рекрутирования, в ходе которого создаются новые роли и новые люди “врывающиеся” в политическую жизнь». В условиях демократической политической системы оба эти явления представляются намного более эффективными для повышения качества управления и адаптации, чем в авторитарной системе. В то же время нельзя не отметить и очевидные слабости, когда к власти приходят совершенно неподготовленные люди, которые за короткое время своего правления совершают серьезные ошибки, и связанный с их деятельностью кризис реально угрожает выживанию самой системы. Таким был, например, неудачный опыт на Филиппинах с бывшим комиком ставшим президентом Дж. Эстрадой (1998–2001 гг.), своими неумными тратами и коррупцией, похоронившим все достижения предыдущего правительства.

Очевидно, что приведенные нами теоретические построения Г. Алмонда, можно сказать классические для современной политологии, отнюдь не исчерпывают всю глубину анализа такого понятия как политическая система. Нельзя пройти мимо типологии политических систем, сформулированной Э. Шилзом. Интерес здесь представляет то, «что он между двумя крайними полюсами – демократией и тоталитаризмом выделил промежуточные формы, характерные для политических систем многих стран Востока».

На самый верх своей типологии Э. Шилз поместил модель так называемой «подлинной демократии» – политическую систему с относительно автономным парламентом, исполнительной властью, судами, дифференциро-

ванными и автономными заинтересованными группами, и средствами коммуникаций. Понятно, что он, как и Л. Пай и многие другие западные создатели разного рода типологий политических явлений и процессов под этой моделью имели в виду лучшие образцы эффективных сбалансированных и свободных политических систем стран Запада, которые должны были стать чем-то вроде труднодостижимого маяка для стран Востока. Некий недостижимый англо-саксонский идеал практически всех сторонников бихевиоризма с однородной светской политической культурой и высокоспециализированной ролевой структурой, выступает как вполне активное и самодостаточное общество, которое способно быть однозначно эффективным. В странах ЮВА, даже самых успешных, сформировать такое «идеальное» общество до сих пор не удалось, как, впрочем, и везде в мире, в том числе и в англо-саксонских государствах.

Чуть ниже в своей типологии Э. Шилз расположил менее эффективную политическую модель, названную «опекаемой демократией». В этой «опекаемой демократии» власть хоть и находится в руках бюрократической верхушки, но общий тренд и настроения социума свидетельствуют о потенциальном движении – по пути к более глубокой демократизации. Фактически речь идет о переходе путем переворота или массовых выступлений по типу «оранжевой революции» от существующего политического порядка к более демократической, а главное более прозападной политической системе. Этот процесс достаточно стандартен для многих стран в мире, и, в том числе для стран ЮВА, и часто сопровождается ожесточенной политической борьбой. Так это происходит в Таиланде и Бирме, где в результате общество для своего выживания, в конечном итоге, призывает армию для наведения порядка и сохранения определенного баланса сил в национальном социуме. Еще одним примером возможной трансформа-

ции в рамках «опекаемой демократии» может быть Вьетнам. Здесь с каждым годом все более усиливаются прозападные и проамериканские политические силы, опирающиеся на многочисленные НПО. Уже не стесняясь, многие люди в интеллектуальной среде, лидеры общественного мнения, говорят о неизбежном процессе так называемой демократической трансформации, то есть перехода власти от Компартии к прозападным политическим силам.

Еще одна модель по списку Э. Шилза – модернизирующаяся олигархия, когда демократические институты в политической системе отсутствуют, или они формальны, а власть принадлежит военным или гражданским бюрократам. При этом их власть он не рассматривает однозначно отрицательно, так как их цель – это модернизация экономики и соответственно общества. Такая модель довольно стандартна и при определенных допущениях вполне возможна даже для Сингапура, а также для Вьетнама, Лаоса, и Камбоджи, где местная бюрократия вполне успешно реализует задачи национального развития.

Кроме вышеописанных, Э. Шилз выделяет еще две актуальные консервативно-патриархальные модели – «"тоталитарной олигархии"» – как политической системы с концентрацией власти в руках правящей элиты, отсутствием автономных заинтересованных групп, тотальными формами социальной мобилизации и «"традиционной олигархии"», представляющей из себя династический или семейный режим, который негативно относится к любым изменениям и стремится к сохранению существующего порядка вещей». Для стран ЮВА модель «тоталитарной олигархии», хочется верить, уже позади и ужасы полпотовского правления в Камбодже (1975–1979 гг.) надолго отбили охоту к разного рода тоталитарным экспериментам по всему региону. Относительно модели «традиционной олигархии» – здесь очевиден пример Брунея, где монар-

хия на основе исторической харизмы активно и успешно борется за свое выживание.

При более широком анализе разных интерпретаций политических систем, которые можно встретить в государствах ЮВА, нельзя не обратить внимания и на очень точную типологию, предложенную еще одним известным западным политологом Ч. Эндрейном. Этот ученый выделяет четыре типа политических систем: народную (племенную), бюрократически-авторитарную, согласительную и мобилизационную. Классификация строится автором по трем принципам: 1) ценностные иерархии и интерпретация культурных ценностей, оказывающих воздействие на формирование политических приоритетов; 2) воздействие на политический процесс со стороны: правительства, политических партий, социальных групп внутри страны, а также различных иностранных институтов 3) политическое поведение национальных лидеров и масс.

В типологии Ч. Эндрейна народная племенная система, основанная на социальной однородности и общинной солидарности с руководством со стороны местных шаманов и племенных вождей, в странах ЮВА хотя и существует, но распространена очень дисперсно. Так живут отдельные племена горных кхмеров, и горных чамов, отдельные племена на бирманско-индийской границе, в лаосском высокогорье, и главным образом в индонезийском Папуа и независимой Папуа-Новой Гвинее. В силу объективных причин экономического и социально-политического развития такая модель организации общества, хотя и продолжает существовать, ее влияние очень невелико и даже в самых бедных странах Лаосе и Камбодже явно сходит на нет и вполне вероятно вскоре вообще исчезнет под давлением идущих в регионе перемен, либо останется как некий феномен какого-то отдаленного и крайне отсталого региона.

Вторая выделенная им модель политической системы – бюрократически-авторитарная – является сегодня чуть ли не основной для стран Юго-Восточной Азии, причем она может успешно действовать как в таком развитом экономически государстве как Сингапур, так и в неизмеримо менее развитой Камбодже. Как здесь не вспомнить Г. Алмонда с его концепцией «роли и структуры». Структуры общие, а роли, то есть люди совершенно разные. Для этой системы характерен бюрократический контроль как эффективная форма политического господства существующих правящих элит. Эта же бюрократия формирует и социальное ядро правящего класса, давно и тесно «завязанного» на американские ценностные ориентации и идеалы. Опять-таки если сравнить казалось бы несравнимое – Сингапур и Камбоджу, то мы увидим, что и там, и там дети высших руководителей проходили обучение в США: сын Ли Куан Ю – нынешний премьер-министр Сингапура Ли Сяньлун получил степень магистра государственного управления в Школе государственного управления имени Кеннеди Гарвардского университета, а сын Хун Сена – Хун Манет, недавно официально объявленный преемником отца на посту главы государства, окончил Военную академию США в Вест-Пойнте, где проходил обучение с 1995 по 1999 гг. Практически все окружение этих лидеров, составлявших ядро национальной бюрократии, следовало их примеру в воспитании своих наследников и поэтому неудивительна приверженность нынешних правящих элит таких разных стран западным политическим и жизненным ориентирам, тем более, что там, за время учебы они давно заручились важными связями и контактами.

Таким путем правящие элиты в странах ЮВА встраиваются в более глобальные объединения, формируя свой внешнеполитический курс в зависимости от общего тренда, задаваемого в Америке и Европе. Внутри страны бюрократическая верхушка действует по большей части до-

вольно жестко, в Сингапуре, например, местная бюрократия полностью контролирует политическое поле, сохраняет контроль над ключевыми экономическими активами и даже регулирует образ жизни большей части населения города-государства, оставаясь при этом интегральной частью глобального западного сообщества.

Нельзя пройти мимо и третьего по классификации Ч. Эндрейна типа политической модели – это аграрные индустриализирующиеся системы, которые также довольно широко распространены в странах Юго-Восточной Азии. «Характерными чертами таких систем является очевидное преобладание власти государства и лидера (принудительная власть у Ч. Эндрейна) над консенсуальной. При этом в таких обществах существует самостоятельность частных корпораций; ограниченный плюрализм – относительно скромная роль партий; коллективизм, преобладание интересов общества над интересами личности; элитарные взаимодействия социума с властью».

То, что описал Ч. Эндрейн, встречалось и встречается ныне в отдельных государствах ЮВА. Особенно актуальными для стран региона его выводы были применительно к 1950–1980-е гг. и соответствовали периоду быстрой модернизации и экономического роста. Во всех этих процессах вполне явно прослеживается направляющая рука власти, как, например, в Таиланде в 1950–1980-е гг. или в Индонезии в 1970–1980-е гг., в Малайзии в эпоху Махатхира Мохамеда, в Сингапуре в правление Ли Куан Ю, на Филиппинах в начальный период правления президента Ф. Маркоса в 1970–1980-е годы, и даже в Камбодже в период правления премьер-министра Хун Сена. Следует отметить, что в целом аграрно-модернизирующиеся системы оказались чрезвычайно эффективными, и их появление почти всегда означало позитивные социально-экономические перемены, связанные с развитием городов,

национальной инфраструктурой, повышением качества здравоохранения и образования.

Образцовой, с точки зрения Ч. Эндрейна должна была стать так называемая согласительная система. Судя по всему, Ч. Эндрейн полагал, что именно к этому образцу государственного и общественного устройства следует стремиться, так как именно он представлял собой воплощение демократических идеалов свободы и равенства. Политические отношения в рамках этой модели характеризовались высокой степенью плюрализма, конкуренции, политической активности граждан; свободным доступом к информации, участием граждан в выработке политического курса. Механизм власти выстраивался в ней как согласование интересов и как наличие правил и институтов, ограничивающих эскалацию конфликтов, а политика как игра с установленными правилами. Полагаю, что при описании согласительной системы Ч. Эндрейн по всей видимости, имел в виду либерально-демократический опыт западных демократий, возможно какой-нибудь Швейцарии, но к странам ЮВА все эти полумифологические элементы идеальной с его точки зрения политической системы, отношения не имеют.

Хотя какие-то отдельные элементы этой модели все-таки в странах ЮВА можно увидеть. Например, современная индонезийская консенсусная демократия, когда в результате выборов довольными должны остаться и победители и побежденные, как это было, например, в 2019 г. Тогда места в правительстве получили как противники, так и союзники Джоко Видодо – нынешнего президента, а его главный соперник даже стал министром обороны Индонезии. При большом допущении в Индонезии в плане законодательства сложившаяся политическая система обеспечивает реальную многопартийность и общие правила игры, высокую степень политической конкуренции при сохранении плюрализма и свободы слова. В Малайзии

политические процессы развиваются в том же направлении – механизм власти долгое время, находившийся в руках руководства одной доминантной партии постепенно разрушался и, в конечном итоге сложилась многопартийная система, с высоким уровнем плюрализма и свободы слова. Сегодня она превратилась в ключевой элемент развития малазийской демократии. Определенные шаги в этом направлении предпринимают и Филиппины, где политические партии, также как и в Индонезии, и в Малайзии формируют многопартийные блоки, в которых представлена большая часть политического спектра. Однако следует учитывать, что на Филиппинах этот процесс пока скорее формальный, поскольку политические партии в республике не имеют реальной политической силы, функционируют в основном только в ходе предвыборных кампаний, а члены партий формируют коалиции вокруг конкретных лидеров, а не идей.

Ч. Эндрейн выделяет еще и мобилизационные системы, имея в виду страны, выбравшие социализм как основу для модернизации. Он отмечает, что в таких системах можно наблюдать активное участие масс в политике, наличие идеологии, общей цели, контроль государства над ресурсами. Слабость такой системы он находит в том, что в ней нет ценностного консенсуса, а существующие ресурсы делятся между элитными группами. Он полагал, что проводимая в рамках такой системы политика приводит к конфликтам внутри общества, вызывает его поляризацию.

Следует сказать, что в отношении мобилизационной экономики и сопутствующей ей политической системы размышления Ч. Элдрейна выглядят не совсем убедительно и довольно поверхностно. Чувствуется, что в такой политической системе и при таком механизме власти пожить ему не удалось. Он видит одни минусы, но не может или не хочет оценить эффективность реального механизма

власти, роли и значения правящей партии, ее идеологии, сопряжения этой идеологии с национальной традицией, как это произошло, например, во Вьетнаме. Более того такие вещи как справедливость и социальное равенство, деятельность власти, направленная на то, чтобы достичь амбициозных целей и внутри страны, и за рубежом, также не учитывались им при оценке этой модели. А все это, между тем важные составляющие политического процесса, и они придавали и придают ныне мобилизационной системе на Востоке устойчивость и в целом очевидную успешность. В странах ЮВА мобилизационная модель не просто существовала, а была в одно время чуть ли ни доминирующей, когда почти половина стран региона занимались защитой собственного рынка, ограничением внешних инвестиций, развитием предприятий госсектора, ограничениями на частный бизнес в сельском хозяйстве и на многое другое. Такие страны как Вьетнам, Лаос, с некоторыми оговорками и Камбоджа все еще находятся в рамках этой модели, да и Мьянма ушла совсем недалеко. Кстати, по темпам экономического роста эти страны в числе лидеров в АСЕАН, практически все они ежегодно прибавляют ВВП на 6-7%, а Лаос даже на 7-8%.

Отдавая должное методологии и высокому уровню обобщений перечисленных выше концепций ведущих западных политологов, следует учитывать, что при всех их достоинствах они являются лишь плодом некоего синтеза, и в реальности политические системы и механизмы власти намного более разнообразны, чем в построенной ими виртуальной иерархии. Кроме того, следует отметить существование так и не решенной до настоящего времени проблемы механизма власти. Большинство западных политологов включают механизм власти в политическую систему, утверждают, что собственно политическая система и есть механизм власти. Но это не совсем так, и опыт стран ЮВА, как мы увидим дальше, служит этому подтверждением.

В большинстве этих стран механизм власти есть система руководства и управления, которая либо вообще не определяется законом, либо только частично описывается существующими и принятыми официально нормами и правилами. Как правило, механизм власти здесь – чаще всего удел небольшой и крайне влиятельной для данного общества группы людей, которая выстраивает политику исходя из своих интересов с учетом национальных интересов своей страны. Вопрос еще и в том, можно ли рассматривать механизм власти как самостоятельную политическую систему или ее можно назвать альтернативной существующей, или все-таки признать, что механизм власти – это существенно более узкое понятие, чем политическая система, и что его следует рассматривать отдельно, как скрытый источник власти. Эта проблема сегодня крайне актуальна, так как в силу очевидных трудностей, с которыми сталкивается публичная демократия и связанные с ней политические системы, мы наблюдаем процесс явного ослабления публичной власти и усиления власти скрытой, построенной на компромиссе интересов наиболее влиятельных групп и лидеров. Такие тенденции уже явно прослеживаются и в центрах демократии, например, в США, где уже многие говорят о так называемом «глубинном государстве», которое и решает ключевые вопросы развития.

Мнение об углубляющемся разрыве между публичной демократией и «глубинным государством», естественно, оспаривается западной историко-политологической мыслью. С ее точки зрения такой разрыв трактуется однозначно и крайне негативно: механизм власти вне политической системы – это зло, которое должно быть преодолено по мере укрепления демократических основ власти. В этой связи нельзя пройти мимо работ С. Файнера, в которых он проводит классификацию политических режимов, упоминая, в том числе, и так называемую «показ-

ную демократию», за спиной которой скрывается как раз реальный механизм власти.

Есть и еще одно довольно спорное утверждение относительно особенностей политического строя стран ЮВА. Существует мнение, что механизм власти в них, очевидно, не совсем тождествен традиционной политической культуре, пронизанной социальной иерархией и всецельной волей часто обожествляемого правителя. В традиционных монархических системах все ключевые решения принимались во дворце, окружением монарха, либо им самим. В Таиланде, например, до сих пор стремятся хотя бы внешне сохранить такую традицию. В противовес этому современные механизмы власти сконцентрированы, главным образом, в стороне от традиционных верхов и больше находятся в тени скрытых финансовых и военных, иногда даже и интеллектуальных элит и конкретных авторитетов. В конечном итоге механизм власти реализуется через консенсус влиятельных элит: партийных во Вьетнаме, кланово-регионально-религиозных в Индонезии, военных в Мьянме, семейно-клановых на Филиппинах, военно-олигархических в Таиланде.

Следует отметить еще и то, что в странах Запада механизм власти, подменяющий демократическую политическую систему, ее открытость и публичность, рассматривается как порок внутренней политики как нечто, что требуется ликвидировать. Такая жесткая позиция, нетерпимая к любым отклонениям от демократической модели, носит, очевидно, узко доктринальный характер и явно отдаляет построения западных политологов от той реальности, которая на самом деле существует. Они по большей части и всецело выступают за «идейную чистоту» публичной политики, за обеспечение максимальных свобод и возможностей отдельного индивидуума в рамках демократической альтернативы. Потому большая часть их работ не столько о скрытой власти, сколько о власти откры-

той, существующей часто формально, но это положение можно, как они полагают, изменить, путем улучшения администрирования обеспечения прозрачных процедур, понятных и открытых решений, борьбы с коррупцией и с альтернативными центрами власти. А вот как все это применить на практике, и возможно ли это вообще, часто остается без ответа.

Если пойти еще дальше, то мы обнаружим, что даже самые смелые политологические концепции и конструкции, попытки структурировать окружающую нас реальность, как, впрочем, и любые интерпретации ее образа, только подтверждают простой факт – реальность намного богаче и разнообразней любых теоретических построений. Этот вывод как раз и подтверждают страны Юго-Восточной Азии, с их разнообразием политических систем и механизмов власти, их причудливым взаимодействием и противостоянием, когда политическая система меняется, а реальный механизм власти нет.

Нельзя не отметить, что все эти государства существуют по большей части на стыке национальных традиций и процессов модернизации и глобализации, на тонкой грани региональной идентичности и откровенного национализма. Но именно из этого «кипящего котла» и появляются самобытные и мало на кого похожие политические режимы, которые оказываются вполне жизнеспособными и конкурентными, как это произошло, например, с камбоджийским режимом. Он начинался как не имеющая реальной власти марионеточная структура, а потом превратился в успешное, опирающееся на массовую поддержку национальное правительство. Другой пример – громоздкая многочисленная и сложно устроенная власть в Индонезии, которая оказалась вполне успешной и эффективной, особенно с точки зрения учета интересов большинства политических религиозных и региональных

групп, и уже второе десятилетие обеспечивает политическую стабильность в стране.

Таким образом, политическое поле стран ЮВА состоит как бы из двух ключевых частей. Первая – это то, что провозглашается, то что прописано в конституции или точнее конституциях, законах и постановлениях правительств. Второй уровень – это то, как формируется и осуществляется власть на самом деле, то есть как реально живет и управляется та или иная страна.

Такая постановка вопроса представляется очень актуальной, так как даже при поверхностном анализе их политической архитектуры, сразу же бросается в глаза огромная разница, между тем как работают механизмы власти и политическим антуражем, который как бы покрывает и скрывает эту действительность.

При этом следует отметить, что этот внешний антураж очень подвижен и, как это и водится в виртуальной действительности, легко меняется: конституции переписываются по многу раз, как это можно видеть на примере Таиланда, либо просто игнорируются, как например, в Камбодже, корректируются многочисленными поправками, как во Вьетнаме и Индонезии, а правительственные постановления часто просто отменяются. В этом демократическом навесе, легко меняется все – и система выборов, и форма представительства, и люди, часто формально назначенные править страной. В то же время остаются неизменными политические отношения внутри правящей элиты, балансы и контрбалансы реальной власти, неписанные правила, которые как раз и гарантируют компромисс и стабильность в стране.

Взять в качестве примера тот же Таиланд – перевороты и конституции, которые принимались одна за одной, военные режимы, перетекавшие постепенно в гражданские – все это в истории страны составляло внешний антураж власти. Ее реальный механизм, основанный на разде-

лении влияния и полномочий между собственно тайскими и китайскими политическими и военными группами при господстве столичной политической элиты Бангкока, оставался в принципе неизменным.

Для большинства стран региона можно говорить об одновременном существовании как минимум двух политических систем (формальной и реальной) и мало зависящей от них экономической системы, которая может быть либеральна и относительно прозрачна в рамках авторитарного режима (в качестве примера можно привести Сингапур), и наоборот – коррумпирована в рамках режима демократического (здесь наилучший пример – Филиппины). В связи с этим создается впечатление, что в странах ЮВА политическая система есть, по сути, самодостаточная и закрытая структура, существующая в своем политическом поле. Она может взаимодействовать, а может и не взаимодействовать с иной политической системой или суммой политических правил и понятий, существующих в одной стране. В качестве примера можно привести Камбоджу, где есть очень прогрессивная конституция, которая имеет мало общего с тем, как реально делается кхмерская политика.

Еще следует отметить, что всем своим историческим опытом страны ЮВА как бы подтверждают, что в современном мире нет и не может быть универсальных моделей развития, одинаково пригодных для всех стран и народов, как бы этого кому-то ни хотелось. Даже самый общий обзорный анализ эволюции политических моделей стран региона убедительно доказывает этот факт. Так, например, политическая система наиболее экономически развитого государства ЮВА – Сингапура, глубоко интегрированного в западный глобальный мир, казалось бы, должна быть выстроена на лучших демократических ценностях, примерах и идеалах. В конституции Сингапура так и утверждается, что это страна суверенной демокра-

тии и она существует на принципах демократии, уважения прав и свобод гражданина и разделения властей. Говорится еще про депутатов парламента, «избираемых гражданами Республики Сингапур на свободных и альтернативных выборах», про политические свободы граждан и свободу печати.

Но при ближайшем рассмотрении выясняется: все, что провозглашено в конституции, действительности мало соответствует, что у этой страны совершенно иная политическая система и соответственно политическая культура, что власть там практически наследственная, жестко авторитарная, прагматичная и рациональная. Об альтернативных выборах и реальной политической конкуренции и речи нет, так как на протяжении десятилетий все контролирует одна партия – Партия Народного действия (ПНД), которая возглавляется семьей многолетнего премьер-министра страны Ли Куан Ю. Какие-то альтернативные партии и депутаты, разрешенные властью, получают регулярно 2-3 процента голосов и явно никак не могут претендовать на серьезную оппозицию и реально оппонировать правящему режиму. Какое право на демонстрацию, когда сингапурцам регулярно напоминают, что «организация или участие в публичном собрании без разрешения полиции в Сингапуре являются незаконными и представляют собой правонарушения в соответствии с Законом об общественном порядке 2009 г.».

Реальный механизм власти в Сингапуре – это правящая семья и ее окружение, внутри которых и вырабатываются ключевые решения. Естественно нет никаких демократических процедур – верхушка власти формируется по принципам семейственности, личной преданности и, что немаловажно, из людей, обладающих необходимыми компетенциями. Система реальной власти сильно напоминает тоталитарные режимы коммунистических государств, где все ключевые вопросы решаются внутри узкой

группы лиц, состоящих в руководстве правящей партии. Только после достижения ими того или иного компромисса, вопрос для формального утверждения выносится в парламент. В коммунистических Вьетнаме и Лаосе все решается внутри верхушки правящей партии, и только потом выносится на народные собрания и Национальные ассамблеи.

На примере Сингапура прослеживается еще и очевидный дуализм – есть формально провозглашенная политическая система демократического представительства, которая существует как бы в вакууме и включается только для того, чтобы одобрить решения, принимаемые в рамках совершенно иного авторитарного и однопартийного политического порядка. Да и в отношении прав и свобод граждан – с одной стороны, демократические гарантии прав и свобод, зафиксированные в конституции, а с другой – принятие правительством разнообразных законов, которые жестко регулируют всю жизнь сингапурцев (от запрета курить на улице в неположенных местах и жевать жвачку, кормить птиц, ловить рыбу в черте города до жестких ограничений в покупке личного автомобиля). Все эти и многие другие странные регламентации относительно поведения и жизни людей, скорее напоминают архаично-патриархальный механизм взаимодействия общества с властью, чем отношения в современных социумах.

В идеологии государства тоже существует очевидная двойственность. Во внутриполитическом дискурсе вопросы соблюдения конституции и демократических прав граждан находятся на периферии общественного и информационного поля. В центре созидательные действия властей, вкупе с эффективной борьбой с коррупцией, которая выступает чуть ли ни главным противником процветания и стабильности. И следует признать, что такая проправительственная пропаганда крайне эффективна – к вопросам расширения своих прав и свобод люди в Син-

гапуре относятся по большей части равнодушно. К арестам нерадивых и нечестных чиновников и доказательствам эффективности власти – с большим воодушевлением и фактически легитимируют существующую власть. Кстати в соседней Малайзии ситуация складывается примерно так же. В центре общественного внимания борьба с коррупцией, которая в отличие от Сингапура в какой-то момент даже вышла из-под контроля властей и стала смертельным приговором многолетнему господству правительства Национального фронта.

Следует заметить, что малазийская оппозиция после объединения и первых успехов на выборах 2008 г. выступала с аргументированной критикой политических, экономических решений правящей партии, но когда в центр борьбы за власть были поставлены вопросы коррупции правящей элиты и стало известно, что премьер-министр страны Наджиб Раззак вывел из бюджета и использовал в своих целях около 1,4 млрд долларов, перевел их за границу, ситуация кардинально поменялась и большинство жителей Малайзии проголосовали на выборах 2018 г. против правившего десятилетиями Национального фронта.

Как мы видим на примере Сингапура и Малайзии, да и других стран региона вопрос коррупции и эффективности власти в глазах общественного мнения смотрится куда важнее вопросов защиты демократии и политических свобод. А из этого следует, что для большинства людей, проживающих в странах ЮВА демократия и гарантии их прав вторичны, а прагматизм, рациональность и эффективность власти первичны. Людям в странах ЮВА, как выясняется не так важно, как власть будет организована. Режим личной власти как у Дутерте на Филиппинах, одной партии как во Вьетнаме, Лаосе, доминантной партии как в Камбодже, военно-гражданской администрации как в Таиланде или просто военной как в Мьянме – власть везде априори может быть авторитарна и недемократич-

на. Важно другое, чтобы она была эффективна с точки зрения защиты национальных интересов, развития экономики и повышения уровня и качества жизни людей.

В Мьянме, например, армия малоэффективна в экономике, антидемократична и агрессивна во внутренней политике, но получает поддержку миллионов мьянманцев как единственная сила, которая в их понимании скрепляет всю страну, подавляя десятилетиями непрерывно тлеющий местный сепаратизм. В Таиланде армия и связанные с ней гражданские круги также крайне антидемократичны, но решительно и эффективно остановили сползание страны к гражданской войне, вернув стабильность и предсказуемость власти, и получив поддержку населения. В трех странах Индокитая авторитарная власть бывших (Камбоджа) и действующих коммунистов (Вьетнам и Лаос) к демократии и политическим свободам абсолютно враждебна, при этом она реально эффективна в сфере экономического роста и национального развития. На Филиппинах права граждан нарушаются с пугающей регулярностью, но президент Дутерте решителен и эффективен в борьбе с исламскими радикалами, с коррупцией и наркомафией и пользуется массовой поддержкой большинства филиппинцев.

Таким образом, мы видим, насколько предпочтения людей в странах ЮВА отличаются от тех, которые есть у жителей Европы и Америки. Другая история, другая культура, другие приоритеты. Видимо поэтому, рассмотренные нами политические модели реализуются на практике в странах ЮВА лишь частично и очень многие их положения просто повисают в воздухе, оставаясь больше декларациями, чем собственно действиями. Самое существенное то, что ценности демократии и свободы, ключевые для западных сообществ, для социумов стран ЮВА такого значения не имеют, то есть они не универсальны

по своей природе и не являются значимыми, по крайней мере, для политической культуры стран ЮВА.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Взгляды Д. Истона и Т. Парсонса на политический процесс и характер политических систем.
2. Как устроена фасадная демократия С. Файнера.
3. Типы политических систем в трудах Ч. Эддрейна.
4. Г. Алмонд – концепция роли и структуры.
5. Э. Шилдз и его политические конструкции.

Рекомендуемая литература:

1. *Истон, Дэвид.* Подход к анализу политических систем // Вестник Московского Университета. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 5. С. 17–37.
2. *Парсонс, Талкотт.* О социальных системах. М., 2002.
3. *Эддрейн, Чарльз Ф.* Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.
4. *Shils, Edward.* On the Constitution of Society. University of Chicago Press, 1982.
5. *Shils, Edward.* Center and periphery: essays in macro-sociology. University of Chicago Press, 1975.
6. *Easton D.* The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York, 1953.
7. *Almond, Gabriel and Powell, G. Bingham.* Comparative Politics. Boston: Little Brown, 1966.
8. *Almond, Gabriel A.* 1966. Political Theory and Political Science // American Political Science Review, 1966. No. 60 (4). Pp. 869–879.
9. *Almond, Gabriel A.* 1988. The Return to the State // American Political Science Review, 1988. No. 82 (3). Pp. 853–874.
10. *Samuel E. Finer.* Comparative Government. Baltimore: Penguin, 1970.

§ 1.2. Механизмы власти и политические модели в Сингапуре, Индонезии и Малайзии

Следует отметить, что мы выделяем эти три страны только в силу их географического положения на Юге Малаккского полуострова и примыкающих островах. С точки зрения организации политического процесса между ними существуют большие различия и можно сказать, что Сингапур стоит особняком, а Малайзия и Индонезия составляют группу стран с чрезвычайно сложной и громоздкой политической системой, которая, тем не менее, позволяет им стабильно существовать и последовательно развиваться. Более того, если мы чуть более подробно рассмотрим взаимодействие механизма власти и политической системы в этих странах, то увидим подтверждение нашего вывода о том, что в этих странах либеральные ценности до сих пор игнорируются, а на первом плане ценности эффективности и результативности административного управления, вопросы экономического развития и роста благосостояния людей. Достаточно посмотреть специфику бытия Сингапура, где существующий политический режим в своей внутренней экономической политике очень многое взял из опыта социализма. Например, плановую экономику, где власти всячески поддерживают и не допускают приватизации мощного государственного сектора, который служит одним из главных источников пополнения национального бюджета и находится под их полным контролем. В результате в стране сосуществуют либеральная финансовая система открытая и привлекательная для всех финансистов мира и госсектор в лице крупнейшей в Азии инвестиционной кампании TEMASEK Holdings, принадлежащей государству Сингапур с капиталом 173 млрд долларов. Все это составляет материальную основу господствующей власти, от которой она со-

вершенно не собирается отказываться, несмотря даже на то, что госсектор в либеральной экономике всегда рассматривался как очевидное зло.

Пример Сингапура показывает, что нет ничего невозможного и в стране сосуществуют параллельно механизм власти на основе семейного клана Ли Куан Ю и политическая система парламентской демократии как формальная власть будто бы что-то решающая, так и в экономике, либеральной вовне и государственно-капиталистическая внутри. Все это лишний раз подчеркивает своеобразие в устройстве этого города-государства, где правящей элите на основе чисто прагматических подходов уже много лет удается сохранять экономическое и политическое равновесие и обеспечивать достаточно высокие темпы экономического роста. В Сингапуре мы можем наблюдать настоящий парадокс – демократический абрис сверху и жестко авторитарная политическая система в реальности, либеральная финансовая политика, превратившая Сингапур в глобальный центр мировой торговли и многопрофильный жестко организованный госсектор, создающий большую часть ВВП.

Существенно иначе чем в Сингапуре функционирует политическая система Индонезии – крупнейшей и по территории, и по населению страны Юго-Восточной Азии. По уверению американцев, сегодня это самое демократичное и свободное государство в регионе и третья по численности населения (после Индии и самих США) демократия в мире. Для того чтобы подтвердить это Вашингтон пригласил Джакарту на виртуальный «Саммит за демократию», проведенный США 9–10 декабря 2021 г. с объявленной целью «обновления демократии внутри страны и противостояния автократии за рубежом». Из всех стран ЮВА на этом онлайн саммите присутствовали только лидеры Индонезии и Малайзии.

Нет сомнений, что в этом приглашении индонезийцам явно прослеживается желание американцев показать, что Джакарта скорее в их зоне влияния, чем в зоне влияния Пекина, они явно стремились идеологически отдалить Джакарту от Пекина, указать на ее близость Вашингтону. Но кроме этого Индонезия сегодня действительно одно из наиболее демократических государств Юго-Восточной Азии, в определении ее внутри- и внешнеполитического курса ключевую роль играют политическая конкуренция, политические свободы, построенная на основах парламентаризма политическая система во главе с президентом и парламентом.

Такая не характерная для большинства стран региона политическая система на протяжении почти 20 лет демонстрирует эффективность в плане сохранения стабильности в индонезийском социуме. Есть масса мнений относительно того, как и почему в Индонезии удалось создать устойчивые демократические институты. Мне особенно близка так называемая историческая концепция, которая говорит о том, что страна за прошедшие после обретения независимости годы успела попробовать несколько политических систем. Сперва – либеральную демократию с многопартийностью, сменами правительств, яркими политиками и минимальным экономическим продвижением вперед. Затем под властью президента Сукарно наступила эпоха направляемой демократии – авторитарного режима, который балансировал между коммунистами и прозападными силами во главе с правыми политиками и высшими армейскими офицерами. Направляемая демократия завершилась катастрофой 1965 г., когда в стране начался террор против коммунистов, сотни тысяч людей погибли, а третья по численности Компартия в мире была полностью ликвидирована.

К власти пришел военный режим генерала Сухарто, жестко контролировавший всю политическую сферу и до-

вольно успешно за счет ориентации на Запад и западных инвестиций развивавший национальную экономику. Однако и этот жестко авторитарный режим не смог пережить финансовый кризис 1997–1998 гг. и пал под гнетом коррупции и стремления людей, окружавших Сухарто, взять под личный контроль наиболее выгодные сферы экономики. После краха Сухарто были проведены демократические реформы, и на свет появились десятки партий и движений, в политической сфере с одной стороны возникло ощущение хаоса, но с другой масса национальных социальных и религиозных групп получили возможность участвовать в политическом процессе. Их появление и активность стали важной предпосылкой возвращения страны к демократическому политическому режиму. Ну и, конечно, этому способствовало разочарование правящих элит в возможностях авторитаризма.

Благодаря этому страна как бы естественным путем вернулась к демократии, но теперь, в отличие от 50-х годов уже с сильным индонезийским акцентом. Дело в том, что многочисленные новые партии стали формировать коалиции с другими более или менее крупными партийными структурами, причем коалиции все эти носили временный сиюминутный характер и направлены были исключительно на то, чтобы выиграть парламентские выборы и получить места в парламенте. Индонезийская политика стала напоминать некую игру, в которой участники постоянно меняют своих политических партнеров, и основной смысл деятельности каждой партии заключался в реализации именно ее интересов и предложений и продвижении ее политиков во власть.

Все последние выборы показывают феномен сложившейся естественным путем индонезийской консенсусной демократии, когда накануне президентских выборов формируются избирательные блоки, поддерживающие того или иного кандидата, включающие как крупные, так

и множество мелких партий. Эти блоки демократическим путем конкурируют друг с другом, но самое интересное происходит уже после выборов, когда и победители, и большинство проигравших партий проводят своих людей во власть. Идея в том, чтобы даже те политики, которые входили в проигравший блок все равно получили бы свой «кусочек власти».

Сложившаяся система работает так, чтобы минимизировать количество проигравших, и, соответственно, снизить политическую напряженность в стране. Взять хотя бы последние по времени выборы 2019 г. Красные линии политической системы были определены максимально жестко – все партии борются за национальные интересы и единство. На выборах победу с небольшим перевесом получил блок нынешнего президента Джоко Видодо. Оппозиционный блок не признал свое поражение. В стране начались уличные протесты, но одновременно оба блока приступили к переговорам, результатом которых стало то, что главный противник Джоко Видодо получил в правительстве важнейший пост министра обороны. Члены его партии вошли в состав правительства и других управляющих структур, даже отдельные партии, которые были на стороне проигравших, также получили места во власти. Остались недовольные, в данном случае радикально исламские партии, но политическая обстановка разрядилась, так как большинство партийных активистов так или иначе вошли во власть.

Из приведенного выше примера следует, что политическая власть в Индонезии реально публична, и, что зазор между политической системой и механизмом власти минимален. Внутриэлитный консенсус, который распространяется и на уровень большинства провинций, сформирован на основе действующего законодательства и конституции, и поэтому уже обозначенное нами, характерное

для стран ЮВА раздвоение формальных и реальных политических систем, здесь практически отсутствует.

Более того, сегодня вполне очевидно, что установленный Конституцией 1945 г. механизм власти с поправками 1998, 1999 и 2001 гг., которые зафиксировали вывод вооружённых сил из публичной политики, введение в стране реальной многопартийности и прямых президентских выборов вполне подходят индонезийской политической ментальности. Правда, с определенными корректировками, которые самым непосредственным образом связаны с реальным положением дел в стране. Дело в том, что созданная политическая система – достаточно громоздкая, и, в принципе, с точки зрения европейцев, довольно малоэффективна. Ее ядро составляет Народный консультативный Конгресс (НKK) – высший законодательный орган, который включает в себя постоянно действующий Совет народных представителей и периодически созываемый Совет представителей регионов.

В нынешнем составе НKK числится 620 депутатов. Совет народных представителей – СНП (Dewan Perwakilan Rakyat) – однопалатный парламент, в котором представлены партии, преодолевшие 4% барьер. Решения по тому или иному вопросу в СНП, как правило, принимаются на основе консенсуса. В случае невозможности его достижения вопрос выносится на рассмотрение специальной комиссии, а затем на голосование.

Совет региональных представителей – СРП (Dewan Perwakilan Daerah) – образован сравнительно недавно в соответствии с поправкой к Конституции Индонезии 1945 г. (ст. 22), принятой 9 ноября 2001 г. (поправки в Конституцию вносились 4 раза - в 1998, 1999, 2000 и 2001 гг.) Членами совета являются представители провинций (по 4 человека от каждой провинции), избираемые на беспартийной основе.

Исполнительная власть – кабинет министров, который формируется не партией, получившей большинство в парламенте, а президентом. Таким образом президент выступает ключевым коммуникатором политической системы. Он относительно свободен в своем выборе, и имеет возможность назначений в правительство исходя из собственных интересов. Это позволяет балансировать интересы победителей и проигравших. В кабинет входят, помимо президента и вице-президента, министры, министры-координаторы, государственные министры, генеральный прокурор, командующий ВС и государственный секретарь. Административные функции выполняет состоящий из пяти бюро генеральный секретариат во главе с генеральным секретарем. Оперативной работой занимаются генеральные директораты (в каждом по пять директоратов) во главе с генеральным директором. Контрольные функции – у генеральной инспекции в составе не более пяти инспекций во главе с генеральным инспектором. Кроме того, в крупных министерствах имеются подразделения исследования и развития. Структура и организация органов власти на местах копирует систему центральной власти. В провинции местная власть представлена губернатором и Советом народных представителей провинции (СНПП). Губернатор назначается президентом по представлению министра внутренних дел из числа двух-трех кандидатов, выдвигаемых СНПП. Члены СНПП избираются на выборах, которые совмещаются со всеобщими выборами. Их число колеблется от 45 до 100 в зависимости от численности населения провинции. При этом каждый кабупатен (административный район) должен быть представлен в СНПП хотя бы одним членом.

Мы специально так подробно описываем ключевые органы управления Индонезией, чтобы было видно насколько это сложная система, требующая массу управленцев и депутатов. Понятно, что эффективность таких

огромных «хуралов» крайне невелика. Но их роль в политической системе Индонезии оказывается намного больше, чем простое народное представительство. В условиях политической дробности страны, впрочем, как и географической, религиозной и национальной они служат пространством, где имеют представительство даже очень небольшие партии, которые подчас отражают интересы отдельных национально-религиозных и этнических групп. Смысл такой политической системы можно сформулировать примерно так – все должны иметь возможность участвовать и иметь свою долю в системе управления страной, желательно, чтобы даже самые незначительные интересы учитывались бы на общенациональном или региональном уровнях власти. Ведь очевидно, что для консенсусной демократии, чем больше номенклатурных позиций, тем лучше, тем шире возможность удовлетворить интересы как большинства, так и проигравшего меньшинства. Но это не игра с нулевой суммой, а эффективная форма общенационального компромисса. Вопросы эффективности при этом отходят на второй план, так как политическая стабильность является для сохранения власти и жизни страны куда более важным фактором.

Модель консенсусной демократии охватывает и правительство. Исполнительная власть в стране сильно раздута – масса департаментов бюро, комиссий и подкомитетов. Все это явно сделано для того, чтобы иметь возможность привлекать как можно больше политических активистов к управлению страной, давать возможность проигравшим партиям не столько оставаться в оппозиции, сколько тоже участвовать во власти. Чем больше мест, тем больше шансов договориться и разделить власть между многочисленными партиями, амбициозными лидерами, теневыми бизнес-структурами.

Как мы видим, в Индонезии сложилась сложная и трудно балансируемая политическая система, которая,

однако, обладает всеми признаками публичности свободы и ответственности. Она оказалась очень эффективна в плане сохранения внутренней стабильности и относительного единства элит. А это позволило Индонезии вполне успешно продвигаться вперед в плане экономического роста (примерно 5% ВВП в год), повышения уровня и качества жизни людей.

Малайзия по версии США – еще одна страна в ЮВА, которую в Вашингтоне рассматривают в качестве демократической. Ее представители также были приглашены на саммит демократий, так как в стране в последние годы произошли глубокие перемены. После десятилетий политического доминирования одной партии – Национального фронта – Малайзия перешла к конкурентным выборам, публичной политике, вступила в процесс сущностных перемен политических основ государства – отмены преференций для бумипутра – местного малайского населения и перехода к полноценному гражданскому обществу, где все национальные группы имели бы равные права и возможности во всех сферах. Выдвижение всех этих положений свидетельствует о возвращении уже на новом этапе развития к британскому проекту Малазийского союза, который был предложен сразу после окончания Второй мировой войны, но в 1946 г. был отвергнут традиционной малайской элитой, требовавшей предоставить именно малайцам особые права, по сравнению с китайцами и индийцами.

Сегодня эти две концепции организации общества – Малайзия как страна с преференциями для малайцев, и Малайзия как общегражданское государство, вновь на повестке дня. В рамках первой – формальная власть принадлежит главам малайских султанатов, которые формируют Совет правителей, избирающих нового короля, а также защищает многочисленные преференции в работе и обучении для малайцев. Кстати, по действующей с 1957 г.

конституции, Малайзия – конституционная монархия. Верховный правитель (король) избирается на 5 лет из числа 9 наследственных правителей (султанов) штатов Западной Малайи.

Но с 1940-х годов сохраняется и иной взгляд на устройство страны, который, благодаря пропаганде со стороны такого известного малазийского политического деятеля как Анвар Ибрагим, выступающего за общегражданское общество, стала актуальной как никогда ранее. Сторонники этой концепции выступают за формирование светского, а не сословного государства, демократической республики, в которой все национальности и в первую очередь основные – китайцы, индийцы и малайцы будут равны в своих правах. Такая модель общества и государства, которую активно поддерживают многие политические партии, представители бизнеса и даже часть малайской интеллигенции, полагаящая, что преференции малайцам несправедливы, и они и без них сами способны добиться жизненного успеха, превращается чуть ли ни в ключевую точку внутриполитической борьбы. Этно-авторитарный режим, ядро которого составляла Объединенная малайская организация (ОМНО), которая сосредоточила в своих руках механизм управления страной, оставшийся неизменным много десятилетий, подвергается сегодня жесткой и обоснованной критике. Указывается, например, что нахождение его годами у власти было обеспечено не благодаря выборам, которые носили формальный характер, а благодаря действовавшему на протяжении десятилетий закону о чрезвычайном положении, который фактически на корню ликвидировал любые попытки сформировать оппозицию правящему режиму слева и крайне ограничивал возможности любой оппозиции власти. Этот закон был принят еще против коммунистов из Компартии Малайи, воевавших против правительства и британских колонизаторов в 50-е годы. Но даже после того

как ситуация в стране нормализовалась, чрезвычайное положение заменили в 1960 г. Законом о внутренней безопасности, который разрешал без суда содержать в тюрьме до 2-х лет любого гражданина, если власти считали, что его действия угрожают национальной безопасности.

В связи с этим долгое время главным противником власти выступали радикальные исламские силы, стремившиеся ввести в стране шариатские законы. Это был очень удобный политический противник для Национального фронта (правящая партия в составе ОМНО), а также «карманных» партий представлявших интересы китайцев – китайской ассоциации Малайи (КАМ) и индийцев – индийского малайского конгресса (ИМК). Дело в том, что в силу своего радикализма сторонники исламизма в большинстве провинций не могли добиться уверенной победы. Светская оппозиция стала второй по значению политической силой только после выборов 2008 г., на которых она получила значимое число голосов. Но реальных шансов на победу у нее было мало, так как критика центрального правительства оставалась фактически под запретом. Только по мере того, как закон о чрезвычайном положении под давлением оппозиции практически перестал применяться в судебной практике и, в конечном счете, был отменен в 2013 г., у противников режима заметно повысились шансы на электоральную победу. У них появилась возможность без угрозы ареста говорить о разгуле коррупции и беззаконии правящего режима. Борьба с коррупцией и требование равенства всех граждан независимо от их этнического происхождения стали ключевыми в программе Партии национальной справедливости (ПНС), основанной в 1999 г. сторонниками Анвара Ибрагима – популярного политика и многолетнего оппонента правящих малазийских кругов, долгое время находившегося в тюрьме по разного рода надуманным обвинениям.

Усталость от многолетнего правления Национального фронта, коррупционные скандалы с ним связанные, вызывавшие возмущение в обществе, растущее недоверие к власти и ее эффективности, обусловили очевидное стремление к переменам, охватившее миллионы малазийцев. Такие настроения в конечном итоге выразились в оглушительной победе оппозиционных сил на выборах 2018 г., когда блок из трех оппозиционных партий во главе с ПНС одержал победу на парламентских выборах, лишив власти правивший десятилетиями Национальный фронт. Это событие стало эпохальным для политической системы Малайзии – многопартийная система из некоего фантома превратилась в реально действующий новый механизм власти. Старый механизм – когда все ключевые вопросы решались руководством ОМНО и реализовывались благодаря доминированию Национального фронта, ушел в прошлое.

В условиях новых политических раскладов, в борьбу за власть в стране вступили два ключевых игрока – консерваторы в лице Национального фронта и религиозных партий и либералы из ПНС и ее союзников. Произошла почти полная смена парадигмы политического развития от господства доминантной партии к положению, когда решения стали приниматься путем консультаций и переговоров, на основе компромисса нескольких партий. Политическая система все больше стала напоминать соседнюю Индонезию – когда мелкие и региональные политические партии примыкали к более крупным, и объединялись в политические блоки, которые стали играть ключевую роль в индонезийской политике. То же самое стало происходить в малазийской – Национальный фронт расширился с трех до тринадцати партий за счет присоединения небольших коммуналистских и региональных политических объединений. В противостоящий ему «Альянс Надежды», во главе с крайне популярным политиком,

бывшим премьер-министром Махатхиром Мохамадом вошли четыре партии, столько же сколько и в мусульманский блок, сильно проигравший на выборах.

Как и ожидалось, все эти блоки оказались крайне нестабильными политическими структурами и после выборов, входившие в них партии и группы, стали формировать новые альянсы, причем часто с бывшими политическими противниками. Такое «броуновское движение», осложненное политическими амбициями политиков, не способных подчас договориться друг с другом, привело к тому, что политическая картина, сложившаяся после выборов, постепенно сильно поменялась. Победивший блок раскололся, его лидера Махатхира Мохамада отправили в отставку, а его бывшие сторонники перешли в стан ОМНО, которая фактически вновь смогла вернуться к власти.

Но все эти события, совсем не означают, что механизм власти, основанный на договоренностях внутри верхушки ОМНО и учете интересов крупного китайского бизнеса, вновь стал определять судьбу страны. В отличие от прошлых десятилетий, ОМНО является важным, но не доминирующим участником правящей коалиции. Ее нынешние союзники могут в случае откровенного давления от нее отвернуться, и она вновь окажется за бортом малазийского правительства. Механизм власти все еще остается в сфере публичной политики, а это залог того, что в стране утвердилась демократическая и конкурентная модель организации власти. Другой вывод из малазийской реальности заключается в том, что без укрепления доверия между китайской, индийской и малайскими группами населения, переход к Малайзии, как к государству граждан, у которых равные права, маловероятен. Как отмечал российский политолог В.Ф. Урляпов, в национальных общинах люди боятся обострений, повторения межэтнических столкновений образца 1969 г. Поэтому при

ослаблении поддержки малайцами ОМНО, за доминантную партию голосуют китайские избиратели, опасаясь ослабления центральной власти. И, наоборот, когда китайцы отходят от поддержки Национального фронта и представляющей их там КАМ, за нее голосуют сами малайцы.

В целом, можно говорить о вполне определенном движении малазийского общества к положению, когда этничность перестает быть ключевым элементом социального позиционирования, и страна превращается из этноконфессионального и авторитарного государства в демократическое сообщество граждан. Понятно, что реформистские настроения части малайской интеллигенции, особенно тех, кто учился в Европе и США – одна из основ трансформации власти, также, как и позиция консервативных религиозных малайских сил – одна из основ сопротивления этой трансформации. Такое противостояние приводит к тому, что перемены в этой сфере, развиваются довольно медленно и противоречиво, а с возвращением ОМНО к власти можно сказать, что они почти остановились. Но это не означает, что вопрос Малайзии как сообщества граждан снят с повестки дня, хотя его реализация в ближайшее время становится все более проблематичной.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Сингапур: политическая система и механизм власти.
2. Основные модели политических систем, через которые прошло индонезийское общество после обретения независимости.
3. Механизмы власти и борьба за их обладание в новейшей истории Индонезии.
4. Особенности современной политической системы в Индонезии, ее плюсы и минусы.
5. Традиционная модель организации власти в Малайзии и причины ее краха.

6. Специфика малазийского общества и ключевой вопрос организации будущей политической системы страны.

Рекомендуемая литература:

1. Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
2. Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим. М., 1997.
3. Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии: XX век. М., 2005.
4. Гуревич Э.М. Политическая система современного Сингапура. М., 1989.
5. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира в первый». М., 2005.
6. Тюрин В.А., Цыганов В.А. История Малайзии. XX век. М., 2010.

§ 1.3. Особый путь Филиппин: поиски устойчивой политической модели

Политическая система Филиппин долгое время стояла особняком в ЮВА, так как с момента своего формирования под присмотром американской администрации в 30-е годы XX века, она оказалась в наибольшей степени близка к западным образцам. В 1934 г. Филиппинам была предоставлена внутренняя автономия, в 1935 г. была введена демократическая Конституция, практически все принципы и большинство норм которой были заимствованы из американского конституционного права. Строилась она на принципе «разделения властей», в соответствии с которым в стране были сформированы три формально независимых друг от друга ветви власти: законодательная (Конгресс), исполнительная (Президент и прави-

тельство) и судебная (судебные органы). Такой классический вариант демократической системы в отличие от других стран ЮВА действовал достаточно долго, так как в стране сформировалась правящая олигархия в лице столичной политической элиты, тесно связанной с американцами, которая стремилась превратить выборы в вопрос своих внутренних предпочтений, ставя то на более левых либералов, то на более правых националистов.

По крайней мере от окончания Второй мировой войны вплоть до середины 60-х годов такая система вполне справлялась с управлением филиппинским обществом, которое довольно сильно отличалось от других стран ЮВА, в первую очередь своей значительной социокультурной интеграцией в европейскую цивилизацию, более высоким уровнем жизни и развития экономики. Однако постепенно эти факторы, определявшие политическое развитие Филиппин в 1940-1950-е годы стали постепенно исчезать. Дело в том, что произошел рост влияния региональных элит, существенно менее вовлеченных в европейское социокультурное пространство, происходил и быстрый прирост населения, и, соответственно возросло число бедных и очень бедных людей. Кроме того, военные действия против исламских радикалов на Юге и против партизанских отрядов коммунистов из Хукбалахап (Народная антияпонская армия), а позже Новой народной армии на севере требовали консолидации власти и мобилизации всех сил на отражение этих угроз. Ведь к 1950 г. отряды Хукбалахап контролировали весь северный и значительную часть центрального Лусона и угрожали столице страны – Маниле. В условиях растущих вызовов и проблем, которые менявшие друг друга правительства от различных партий решить не могли, в национальном сообществе сформировался устойчивый миф о необходимости прихода к власти сильной руки, способной остановить явное ухудшение условий жизни людей, мобилизовать об-

щество на ускорение экономического роста и решение стоящих перед ним проблем.

Так появился феномен Фердинанда Маркоса, избранного президентом демократическим путем в 1965 г., переизбранного в 1969 г. и позже, в 1972 г. установившего свою диктатуру. Следует отметить, что это событие можно рассматривать как поворотное в истории Филиппин, оно стало в определенном смысле знаковым. Страна фактически вошла в общий тренд стран ЮВА, которые довольно быстро расстались с либерально-демократическими системами и начали поиски такого политического порядка, который бы в наибольшей степени устраивал местные элиты и отвечал бы объективным обстоятельствам, сложившимся в стране. Первым шагом в этом поиске, как правило, было установление авторитарного режима, чаще всего путем военного переворота. Так произошло в Мьянме, Южном Вьетнаме, Индонезии, Таиланде. Не было ни одной страны в ЮВА, где так или иначе не укрепились бы авторитарные основы власти. Филиппины были можно сказать последними, кто пошел по этому пути.

После переворота страна перешла фактически к режиму личной власти, которая укреплялась под лозунгом необходимости убрать всякие препятствия в виде оппозиции и независимых судов, разного рода ограничений для бизнеса. Маркос ввел чрезвычайное положение, превратив власть из демократической в авторитарную. Но при этом, и это очень существенный момент, механизм власти как был, так и остался в руках традиционной манильской элиты, к которой принадлежал и сам диктатор. В 1973 г. он в условиях чрезвычайного положения провел референдум, когда филиппинцы путем открытого голосования приняли новую конституцию, которая носила откровенно авторитарный характер, хотя и предусматривала переход Филиппин в перспективе от президентской формы правления к парламентской.

Первое время «наведение порядка в стране», казалось бы, придало сильный импульс национальному развитию, но вскоре выяснилось, что Ф. Маркос и его окружение превратились в главных коррупционеров, а Филиппины выбились чуть ли не в лидеры ЮВА по приобретению предметов роскоши. Естественно, что граждане страны все это прекрасно видели, и постепенно все больше людей стали выражать очевидное недовольство ростом благосостояния семьи диктатора, его окружения и многих чиновников правящего режима на фоне стагнации или даже падения их уровня жизни. Борьба с оппозицией и с теми активистами, кто выступил против Маркоса, успеха не приносила, а только вызывала дальнейшее падение авторитета власти и самого Ф. Маркоса. После убийства оппозиционного сенатора Бениньо Акино в августе 1983 г., который погиб на летном поле сразу же после возвращения из ссылки в США, события в стране приняли для Ф. Маркоса катастрофический характер. Миллионы людей вышли на улицы Манилы, и в результате так называемой бескровной революции в 1987 г. на волне массовых народных выступлений, которые были поддержаны католической церковью, Фердинанд Маркос был свергнут и бежал из страны.

Некоторые специалисты полагают, что революция 1987 г. была чисто филиппинским явлением, когда на сильной эмоциональной волне объединились самые разнородные силы и свергли диктатора. По форме это так, но, по сути, не совсем. Взять ту же Индонезию или Мьянму, или Камбоджу во главе с генералом Лон Нолом – везде авторитаризм, поддержанный в начале населением, в конечном итоге вызывал разочарование своими результатами и прежде всего тотальной коррупцией, которая охватывала политическую систему сверху донизу и приводила к парализации экономики страны.

Возврат Филиппин к положениям конституции 1935 г., с указанием на то, что страна – демократическое республиканское государство, в котором у граждан есть право на неприкосновенность частной жизни, право на свободу выражения мнения, свободу печати, свободу собраний и право на подачу петиций, право на политические убеждения и чаяния, что во все времена гражданская власть имеет верховенство над военной властью, было естественным ответом на крах авторитаризма. Но проблема заключалась в том, что эффективность власти после изгнания Ф. Маркоса никак не повысилась и проблемы – коррупция чиновников, рост бедности и неравенства, боевые действия против исламских радикалов и сепаратистов на Минданао, распространение наркотрафика и наркопреступности, медленные темпы экономического роста, не соответствовавшие стремительному увеличению числа граждан страны – как стояли, так и оставались нерешенными на протяжении всех сменявших друг друга правительств в 1990–2000-е годы.

Неудивительно поэтому, что в обществе опять возникла иллюзия того, что снова необходим режим личной власти и успешный авторитарный правитель, который смог бы если не все, то часть этих проблем успешно решить. Так появился феномен Родриго Дутерте – сильного человека с Минданао, которому молва приписывала огромные успехи и в борьбе с радикалами-сепаратистами, и в улучшении жизни людей в провинции Давао, где он был губернатором. Кроме того, в нем видели человека и сильного политика, причем, не системного политика, который скорее противостоял традиционной элите, чем с ней солидаризовался.

В 2016 г. Родриго Дутерте победил на выборах, в которых приняло участие 44 миллиона избирателей. За него проголосовало 16 с половиной миллионов, а за представителя традиционных элит Мар Рохаса почти 10 миллионов.

По сравнению с выборами 1946 г., когда голосовало чуть больше 2 миллионов человек, или 1969 г., когда избирали Ф. Маркоса, и голосовало 8 миллионов – разительное отличие. Демографический взрыв сильно изменил Филиппины, которые преодолели планку в 100 миллионов человек, и, соответственно многочисленные новые поколения не могли не изменить политическую обстановку в стране. Но удивительно то, что как в 1946 г. механизм власти оставался в руках традиционных элит, так и в 2016 г. перед приходом Р. Дутерте ситуация по-прежнему не менялась – представители семей Рохасов, Ромуальдесов, Маркосов, Акино, Осменя и многих других продолжали доминировать в политике, контролировать и либералов, и националистов.

Р. Дутерте пришел к власти примерно так же как в Таиланде Таксин Чиннават, в Индонезии Джоко Видодо – то есть как человек со стороны, противостоящий местной политической олигархии. Первоначально Дутерте оправдывал такое о себе впечатление, утверждал, что люди из Манилы много обещают, но ничего не делают, на выходные демонстративно уезжал из Манилы в Давао – как он объяснял «на свежий воздух», часто бывал откровенно груб с оппонентами. В широко рекламируемой борьбе с наркомафией за год уничтожил без суда и следствия почти 7 тыс. человек, когда разрешил убивать наркокурьеров прямо на месте где они были пойманы. Однако построить авторитарный режим ему не удалось, впрочем, как и решить насущные проблемы страны. Он так и не победил наркомафию и коррупцию, не снизил уровень бедности. Он не сокрушил сепаратистов на Минданао, не вернул острова в Южно-Китайском море, которые так и остались под контролем Китая.

Но при всех его странных иногда выходках и заявлениях он, в конечном итоге оказался прагматиком и реалистом и использовал свое положение для того, чтобы при-

соединиться к традиционной правящей элите. Это стало ясно, когда его дочь Сара Дутерте согласилась баллотироваться на пост вице-президента страны в дуэте с сыном бывшего диктатора Ф. Маркоса, выдвигавшегося на пост президента. На выборах 2022 г. они добились убедительной победы, причем в них приняли участие 56 миллионов человек. Тем самым Р. Дутерте как бы сам отдал ключи от власти в руки традиционных элит, признал, что в условиях Филиппин авторитарный стиль правления к успеху не приведет. И что проблема власти в стране заключается во многом в том, что она с трудом пытается решить вопросы экономики и политики, сохранения приемлемого большинством уровня жизни в условиях крайне высокого демографического роста и преобладания молодых избирателей, активно выступающих за радикальные перемены. Тот факт, что после изгнания Ф. Маркоса в стране больше никаких революций не произошло можно отнести к тому, что механизм власти при всех обстоятельствах находился в руках правящей элиты. Доказательством этого может служить отставка президента Эстрады, обвиненного осенью 2000 г. в незаконном обогащении. Тогда именно закулисные маневры по его удалению, вылившиеся в выход тысяч людей из возглавлявшейся им партии, отставки глав Сената и палаты представителей, предотвратили сползание страны к новой революции. Сегодня же все более явственен новый консенсус – выход из политического тупика по индонезийско-малазийской модели – с формированием больших политических коалиций, с участием во власти многих партий, полным размытием системы двухпартийной власти. Как мы уже отмечали, в таких условиях власть становится менее прозрачной и менее эффективной, но она способствует большей стабильности в стране, открывает возможность даже мелким партиям и группам участвовать в политическом процессе.

Подводя некоторые итоги проведенному исследованию, можно сказать, что страны Юго-Восточной Азии за период после обретения независимости прошли длинный и сложный путь развития. Он характеризовался значительными переменами в социальной сфере, в сфере экономики, в сфере демографии и в сфере культуры, образе жизни миллионов людей. Естественно, что все эти изменения не могли не отразиться на том, как управляются эти государства, на их политических системах и на механизмах власти. Все эти ключевые структуры государства также прошли длительный и сложный путь развития, эволюционируя так, чтобы в каждый конкретный момент истории соответствовать реальностям, существовавшим в каждой отдельной стране. В этой связи становится очевидным, что модели организации власти, сформулированные западными политологами, лишь отчасти отражают реальность и политический опыт стран ЮВА. Они, к сожалению, очень западноцентричны, рассматриваются в определенной статике и иерархии и не отражают самого процесса перемен – то есть движения политических систем и механизмов власти во времени, их тесную связь с событиями, происходящими в той или иной, стране, с потребностями развития самого государства.

В отдельные моменты политического развития стран ЮВА мы можем найти выведенные ими соответствия теории и практики, но в целом можно сказать, что эволюция политических систем развивалась в силу менявшихся условий жизни, появлявшихся новых вызовов для правящих режимов и всего национального социума. Эволюция политических систем в странах ЮВА была не продуманным заранее процессом движения от одной успешной и теоретически разработанной модели к другой. Она была «бегом» по «целине» с ошибками, неудачами и с постоянным поиском соответствия политического механизма в

широком смысле слова и реальности в которой в каждый момент времени находилась та или иная страна.

Все это как раз и объединяет все разнообразие политических систем в странах Юго-Восточной Азии. Они могут быть и вполне демократическими как в Индонезии и в Малайзии, могут быть авторитарны как во Вьетнаме и Лаосе и псевдodemократическими как в Сингапуре и Камбодже, могут быть построены так, чтобы армия и военные играли в такой системе ведущую роль как в Таиланде и Мьянме. Но при всем внешнем отличии этих систем друг от друга их объединяет процесс постоянной эволюции от либеральных форм организации власти через авторитаризм к системам более удобным для национального развития.

Их объединяет еще и то, что практически везде существует, так сказать, двухэтажная модель организации власти. На одном этаже конституция, выборы, партии, демократические законы и уложения, а на другом в большинстве национальных социумов активно и эффективно действуют механизмы власти, основанные на никак не связанных с законом понятиях, на традиции, на авторитете того или иного человека, финансовых возможностях тех или иных личностей и кампаний. Такая общность в различии очень напоминает ситуацию в религиозной сфере. Христиане во Вьетнаме и на Филиппинах, мусульмане в Индонезии и Малайзии, буддисты махаяны во Вьетнаме и буддисты хинаяны в Камбодже, Таиланде, Мьянме и Лаосе – все они объединяются общим кругом представлений о культе духов-хранителей общины и культе предков как семейном культе, которые существуют всюду, вне зависимости от мировой религии, доминирующей в том или ином регионе. Так что различие и сходство в культуре и представлениях людей по поводу власти в государствах Юго-Восточной Азии имеют глубокие историко-культурные корни, и они проявляются и в сегодняшнем мире.

Еще один вывод состоит в том, что страны ЮВА в постколониальную эпоху перепробовали различные варианты организации власти, что они постоянно стремились сформировать такую политическую систему, которая с одной стороны сохраняла бы их связь с западными стандартами демократии, но с другой – в наибольшей степени отражала бы особенности национальных сообществ. Некоторые из них, как, например, Индонезия, Малайзия и Филиппины уже почувствовали «землю под ногами», найдя искомое сочетание политической стабильности, экономического развития и демократического устройства, когда механизм власти переходит в сферу публичной политики. В отношении большинства других стран региона можно сказать, что они все еще находятся в поиске и им предстоит длительный путь к удобной и понятной для большинства граждан системе власти.

Еще одно важное наблюдение, о котором нельзя не упомянуть. Дело в том, что механизм власти в рассмотренных нами странах менялся существенно реже, чем модель политической системы. В Индонезии, например, на всем пути от либеральной до направляемой демократии механизм власти оставался в руках президента Сукарно и его окружения, как, впрочем, и после переворота 1965 г. – в руках генерала Сухарто и окружавших его военных. При этом, какая в стране политическая система – многопартийная или всего лишь трехпартийная, как при Сухарто, какая расстановка политических сил в парламенте, даже популярность того или иного политика, мало что значили. Причина этого проста: в стране непрерывно сохранялся и постоянно воспроизводился определенный тип механизма власти, вполне понятного местной элите, сконцентрированного в руках авторитарного правителя и его окружения. Только события 1998-1999 гг. и последующее формирование сложной, но вполне эффективной системы власти, основанной на публичной демократии, существенно

изменили местоположение механизма власти, который после ликвидации авторитарного правления по большей части перешел уже в сферу публичной политики. Есть и другие примеры, когда, несмотря на все усилия гражданского общества и прозападных активистов переместить механизм власти в сферу публичной политики, успех не достигается. Он остается в руках военной верхушки, как в Таиланде и Мьянме, или авторитарного правителя и его партии, как в Камбодже, либо сохраняется вне публичной сферы, как во Вьетнаме и Лаосе. В Брунее механизм власти как был, так и остается в руках правящего султана и его окружения. Из этих примеров мы можем сделать вывод о том, что в странах ЮВА мы до сих пор наблюдаем сильнейшие элементы традиционного общества и традиционного порядка. Это связано с тем, что механизм власти вне политического поля публичной демократии означает господство традиционных, региональных, этнических, профессиональных или любых других политических кланов, опирающихся скорее на традицию, нежели чем на закон и порядок. В то же время говорить о том, что для стран ЮВА механизм власти вне публичной политики – явление постоянное, а модели политических систем – переменное, которые легко сменяются под давлением и в интересах господствующих политических сил, было бы не совсем правильно. Как мы установили, политический процесс в странах региона развивается, что подразумевает постепенно изменение политических порядков в сторону большей демократии и большей роли и значения гражданского общества. Примеры Индонезии, Малайзии и Филиппин, где механизм власти в конечном итоге сконцентрировался по большей части в сфере публичной политики, только подтверждают этот вывод.

Еще одним важным выводом проведенного анализа является подтверждение того факта, что для гражданского общества в странах ЮВА важнейшим критерием леги-

тимности власти является ее эффективность. На примере политического процесса в странах ЮВА мы видим, что такие понятия как свобода и демократия не являются универсальными, что то, что составляет ядро западной политической культуры, не является чем-то очень значимым для людей в государствах ЮВА. Они, как показывают политический опыт и история, готовы поддерживать любую власть, которая может обеспечить спокойствие, порядок и повышение уровня жизни даже при том, что она сформировалась абсолютно незаконно через военные перевороты или подтасованные выборы.

И еще хотелось бы отметить, что рождающиеся на наших глазах громоздкие и, казалось бы, малоэффективные политические системы, с десятками, если не сотнями политических партий, которые, подчас и партиями не назовешь, а скорее региональными, профессиональными, этническими группами влияния, с обилием выборных мест и чиновничьих постов, на самом деле вполне эффективны. Они обеспечивают самым широким слоям местных политических активистов и групп влияния возможность участвовать в политическом процессе. В связи с этим они намного больше чем другие политические системы формируют стабильную реальность в национальных социумах – Индонезии, Малайзии и уже на Филиппинах, где большинство желающих участвовать в политике может этого добиться.

А идея политического консенсуса, когда цель политических усилий состоит в том, чтобы минимизировать число недовольных, чтобы даже проигравшие партии и кандидаты могли найти себя в политическом процессе, и участвовать в реальном управлении страной, или хотя бы каким-то ее регионом, придает демократическому опыту трех стран ЮВА оригинальность и новизну.

Так что, можно сказать, что страны ЮВА и сегодня остаются в поиске наиболее равновесных и эффективных

моделей своего политического развития, что процесс политической эволюции не закончился и, как представляется, мы еще увидим новые и оригинальные формы организации власти и политической жизни социума в этом регионе мира.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Особенности формирования политической системы Филиппин.
2. Феномен Фердинанда Маркоса.
3. Механизм власти и его взаимодействие с политической системой Филиппин.
4. Контуры будущего политического устройства Филиппин.

Рекомендуемая литература:

1. *Левтонова Ю.О.* История Филиппин. XX век. М., 2012.
2. *Сумский В.В.* Фердинанд Маркос. Зарождение, эволюция и упадок диктатуры на Филиппинах. М., 2002.

Глава 2. РЕСПУБЛИКА ИНДОНЕЗИЯ

§ 2.1. Становление и эволюция политической системы в XX веке

Рассматривая политическую систему страны, важно установить, по крайней мере, два фактора – какие господствующие слои в этой системе заинтересованы, и в какой степени массы готовы принять ее. Политическая система Индонезии, ее современное состояние должны рассматриваться также с учетом специфических особенностей формирования индонезийской нации, ее исторического опыта, наследия и условий современного развития.

Республика Индонезия по численности населения (около 274 млн человек по данным переписи на декабрь 2021 г.) занимает четвертое место в мире после Китая, Индии и США. В отличие от этих материковых стран Индонезия расположена на более чем 17 тыс. островов с протяженностью вдоль экватора 5 110 км с запада на восток и 1888 км с севера на юг, между Тихим и Индийским океанами. (Точное число островов установить невозможно, поскольку оно постоянно меняется под воздействием морских течений). Заселены лишь немногим более 6 тысяч островов.

На острове Ява в 2020 г. проживали 56,10% населения, о. Суматра – 21,68%, о. Сулавеси – 7,36%, на Калимантане (Борнео) – 6,15%, о. Бали и прилегающем регионе Нусатенггара – 5,54%, на Молуккских островах и Папуа (индонезийская часть острова Новая Гвинея) – 3,17%.

В 2022 г. индонезийский парламент по инициативе президента Джокко Видодо принял решение о переносе к

2024 г. столицы из Джакарты, находящейся на западной Яве, на Восточный Калимантан. Мотивировалось это решение необходимостью избавиться от яваноцентризма в развитии государства и общества, способствовать выравниванию экономического и социального уровней регионов. Это решение вызвало неоднозначную реакцию, учитывая, что Джакарта (до 1949 г. Батавия) была традиционным центром страны, с ней связаны важнейшие события в истории Индонезии.

По оценкам индонезийских специалистов, в стране насчитывается до 500 этносов, народностей, говорящих на почти 600 языках и наречиях. Государственным является индонезийский язык, в основе которого лежит малайский язык, издавна служащий средством межэтнического общения. Преимущество его провозглашения государственным языком заключается в том, что ни один из крупных этносов не получил в этом смысле преимущество над другими. Самые многочисленные из этносов – яванцы (до 47%), сунданцы (западная Ява – 13%), мадурцы (6%), малайцы (ок. 5%), минангкабау (ок. 4%), китайцы (4%), батаки (2%) и другие. Большинство населения принадлежит к малайско-полинезийской расе, которая по мере продвижения на восток постепенно уступает место папуасско-меланезийской расовой группе с отчетливо выраженными негроидными чертами

Китайская диаспора играет особую роль. Составляя относительно небольшую часть граждан Индонезии, этнические китайцы фактически занимают доминирующие позиции в частном секторе экономики, торговли, финансов. Это в ряде случаев, в особенности, при осложнении общей политической и экономической ситуации неоднократно служило причиной стихийных или спровоцированных выступлений городских низов.

Осуществляемая в течение ряда десятилетий политика переселения жителей с перенаселенных Явы и Маду-

ры на другие острова привела к возникновению диаспор мигрантов, преимущественно на Суматре, Калимантане и в восточных провинциях, в частности, Папуа. Отношения с коренным населением не всегда складываются гладко. В ряде случаев конфессиональные и культурные различия ведут к конфликтам между переселенцами и местными жителями, поскольку мигранты нередко социально более динамичны.

Население Индонезии исповедует шесть официально признанных религий – ислам (до 88%, главным образом сунниты; по численности мусульманской общины Индонезия занимает первое место в мире), христианство (католики и протестанты, около 9%), индуизм балийского толка (1,7%), буддизм (0,7%), конфуцианство (около 1%). Свыше 1% составляют анимисты. Конфессиональная принадлежность часто совпадает с этнической. Ислам исповедуют в основном такие многочисленные этносы, как яванцы, сунда, минангкабау, малайцы, ачехцы.

Христианство исповедуют преимущественно коренные жители Амбона, тоба-батаки (северная Суматра). Индуисты в большинстве своем жители острова Бали, где эта религия приобрела некоторые специфические черты, буддизм исповедуют китайцы, в меньшей степени яванцы. Конфуцианство, которое приобрело официальный статус лишь в конце 1990-х гг. после падения военно-авторитарного режима «нового порядка», является религией практически исключительно китайского меньшинства. В стране имеются также православная и иудейская общины, не имеющие официального статуса.

Индонезийским верующим в значительной их части присущ синкретизм, и, обозначив в качестве своего вероисповедания, например, ислам (религия вносится в специальную графу в паспортах и видах на жительство), едва ли не большинство верующих придерживаются одновременно традиционных верований, которые в ряде случаев об-

ладают не меньшим влиянием, в особенности, в сельской местности. Индонезийское общество является многоукладным, и это значит, что поведенческие, этические, правовые нормы даже среди приверженцев одной религии могут существенно различаться. Самый яркий, но не единственный пример – синкретизм мусульман Явы и крайняя ортодоксальность жителей провинции Аче (северная оконечность острова Суматра).

Значительное влияние на общественное развитие населения островов и формирование их политической культуры оказали период индуистской цивилизации (проникновение брахманизма и буддизма относятся к середине первого тысячелетия) и приход ислама – в конце XIII – начале XV вв. Примером живучести индуистских традиций служит тот факт, что основой государственного герба Республики Индонезии является птица Гаруда, на которой летает индуистский бог Вишну. В словарном составе индонезийского языка немало заимствований из санскрита, а также из арабского языка, пришедших с исламом.

Полиэтнический, полирасовый, поликонфессиональный и даже полицивилизационный характер индонезийского общества объясняет, почему на гербе Индонезии высечен девиз «Единство в многообразии» (другой перевод – «Различны, но едины») как едва ли не самая главная задача государства при построении его политической системы. Полицивизационное общество означает, что речь идет о сосуществовании вполне современного уровня развития на большинстве островов, в особенности, в городах, с практически почти первобытным укладом, например, в глубинках Папуа. Все политические режимы, действовавшие в независимой Индонезии, ставили одной из главных задач создание такой системы, которая обеспечивала бы сохранение единства нации, при часто весьма различном видении оптимальных путей к этой цели.

Что касается колониального периода индонезийской истории, то метрополия – Нидерланды – отнюдь не находилась в первых рядах европейских промышленных держав, и колония интересовала ее прежде всего, как источник природных и минеральных ресурсов, а не как рынок сбыта производимых товаров. Отсюда отсутствие заинтересованности в развитии в колонии платежеспособного спроса, покупательной способности, а, следовательно, и повышения социального и культурного уровня населения. Отсюда же известная консервация общинной культуры, норм и концепций, чему весьма способствовали общинные отношения в рисосеянии как главной отрасли сельского хозяйства, которые, однако, не исключали весьма жестоких и массовых антиколониальных восстаний. Заметим, что идеализация общинного уклада как издревле и навсегда присущего индонезийскому обществу до сих пор весомо присутствует в полемике консервативного крыла элиты в условиях, когда страна уже достаточно далеко продвинулась по пути капиталистического развития. В то же время, общинные отношения сохраняются в индонезийской деревне, в особенности, на Яве.

Становление политической системы независимой Индонезии исторически делится на пять этапов. Первый – период освободительной войны 1945–1949 гг., который в Индонезии часто фигурирует под названием «физической революции». За ним следует пора либеральной парламентской демократии (1950–1959), ей на смену пришла «направляемая демократия» (1959–1965), которую сменил «Новый порядок» (1965–1998). Современный период, начавшийся в 1998 г., в Индонезии обычно именуется эпохой реформ.

Первая конституция Республики Индонезии была принята 18 августа 1945 г. на следующий день после провозглашения независимого государства. Она была весьма лаконичной, что официально объяснялось необходимо-

стью возможно скорейшего принятия основного документа как символа государственности. Но сыграло свою роль и стремление сделать конституцию приемлемой для возможно более широкого круга сил, участвовавших в национальной революции.

Лидеры независимой Индонезии в большинстве своем имели европейское или равное ему образование, полученное на родине (например, первый президент независимой Индонезии Сукарно окончил Технологический институт в Бандунге). Поэтому они формировали политическую систему из классических современных элементов, но приспособливали их к индонезийским условиям, как они их понимали.

В преамбулу основного закона были включены пять принципов национальной идеологии «панча сила»:

1. Вера в Единого Бога-вседержителя;
2. Справедливый и цивилизованный гуманизм.
3. Единство Индонезии.
4. Демократия, направляемая стремлением к достижению единогласия на основе консультаций и представительства.
5. Социальная справедливость для всего народа Индонезии.

Мусульманские лидеры согласились снять свое предложение о дополнении первого принципа словами «с обязанностями для мусульман соблюдать требования шариата». Важно отметить, что утверждение принципа религиозности в преамбуле основного закона было сделано с употреблением нейтрального термина «Бог» (по индонезийски “Tuhan”, дословно «Господь»), присущего всем верованиям, а не мусульманского «Аллах».

В соответствии с конституцией индонезийское государство было провозглашено унитарным. Суверенная власть принадлежала индонезийскому народу и осуществлялась через верховный орган – Народный консуль-

тативный конгресс (НKK), который должен был собираться на сессии не реже одного раза в пять лет. В Конгресс входили члены парламента – Совета народных представителей (СНП), избираемые на всеобщих выборах, и представители регионов, а также представители различных общественных групп (последнее понятие не раскрывалось). В функции НKK входили утверждение и изменение конституции и основных направлений государственной политики, а также избрание на пятилетний срок (с возможностью переизбрания на новые сроки, число которых не ограничивалось) президента и вице-президента.

Президент был главой правительства и верховным главнокомандующим вооруженными силами, имел право издавать законы с согласия парламента.

Конституция провозглашала равенство граждан перед лицом закона и власти, их право на труд и достойный уровень жизни. Указывалось, что граждане Республики имеют право на собрания и объединение в организации, выражение своего мнения устно и в печати, регулируемое законом.

Глава, посвященная общественному благосостоянию, гласила, что экономика Индонезии строится на основе совместных усилий, основанных на принципе «семейности». Отрасли производства, имеющие важное значение для государства и широких слоев населения, принадлежат государству. Земля, вода и содержащиеся в них природные богатства также принадлежат государству и в максимальной мере используются для блага народа.

До проведения выборов Конгресса и парламента в стране действовал Центральный национальный комитет Индонезии в качестве высшего органа власти. Президентом Индонезии был провозглашен Сукарно, самый известный и популярный деятель национального движения, подвергавшийся репрессиям со стороны колониальной власти.

Политическая система, заложенная в конституции 1945 г., была по сути своей народнической, ее создатели исходили из необходимости прочного национального единства и социального равенства. Предполагалось, что Индонезия сможет, идя по собственному пути, миновать капиталистическое развитие. Эта идея имела особую актуальность в момент принятия основного закона в преддверии освободительной антиголландской войны, продолжавшейся до 1949 г., хотя полного единства в рядах антиимпериалистического фронта достичь не удалось.

При анализе эффективности созданной в 1945 г. политической системы Индонезии необходимо в полной мере учитывать традиционную политическую культуру, с которой население страны вступило в пору независимого развития, и которая в известной мере сохранялась до последнего времени. В соответствии с этой культурой власть не представляла собой сугубо социальный феномен и отчуждена от населения и его волеизъявления. Власть есть проявление космической силы, называемой «секти» (благодать). Она нисходит на правителя и позволяет ему находиться во главе страны. Это отнюдь не исключает ситуацию, когда неудачи правителя создают впечатление, что он вследствие каких-то ошибок лишился благодати, а вместе с ним и его подданные. В принципе эта концепция власти мало чем отличается от монархии, самодержавия. Авторам первой конституции приходилось «по умолчанию» учитывать этот фактор и увязать его с более современными и демократическими формами правления.

В стране сформировалось большое число партий вопреки намерениям Сукарно, считавшего, что однопартийная система более соответствовала бы особенностям индонезийского общества. Политическая система нового государства была в целом парламентской – кабинет министров был ответствен перед Центральным национальным комитетом.

Четырехлетняя антиколониальная война закончилась в 1949 г. признанием Нидерландами независимости Индонезии, однако индонезийской стороне пришлось пойти на серьезные принципиальные уступки. В соответствии с навязанной ей новой конституцией, унитарное государство преобразовывалось в Соединенные штаты Индонезии, в которое Республика Индонезия входила в качестве одного из 16 штатов. Каждый из них имел двух представителей в сенате СШИ. В палате представителей СШИ Республика имела треть мест (на ее территории проживало 40% населения).

Соединенные штаты Индонезии формально имели статус равноправного члена Нидерландско-Индонезийской унии, номинальной главой которой была королева Нидерландов. Уния, однако, была оформлена скорее, как договор между двумя государствами, а не как их объединение. Общими органами были постоянный секретариат и арбитражный суд. В Республике Индонезии продолжала действовать конституция 1945 г.

Федеральная система и уния были в целом негативно восприняты большинством индонезийцев с их националистическим сознанием. 19 мая 1950 г. была принята новая конституция, в соответствии с которой Индонезия стала унитарной парламентской республикой. Правительство формировалось в зависимости от соотношения сил партийных фракций в парламенте – однопалатном Совете народных представителей. Полномочия президента существенно ограничивались в сравнении с основным законом 1945 г. Были разделены посты главы государства и главы правительства, утверждены либерально-демократические принципы – ответственность кабинета перед парламентом, многопартийность, наличие оппозиции, возможность смены кабинета путем вынесения вотума недоверия в парламенте. В стране действовало множество партий.

Отсутствие опыта и соответственно культуры парламентской демократии, в том числе и в рядах политической элиты, большое число партий, разрастание бюрократии и связанная с этим коррупция, частая смена кабинетов породили нарастающее разочарование населения в парламентской системе. Одновременно произошла известная поляризация политических сил. Парламентские выборы и выборы в Учредительное собрание в 1955 г. показали, что большинство избирателей поддерживает четыре партии – Национальную партию Индонезии, мусульманские Машуми и Нахдатул улама (соответственно Консультативный совет мусульман Индонезии и Союз мусульманских священнослужителей) и Коммунистическую партию Индонезии.

В 1956–1957 гг. активизировались антиправительственные движения на Суматре и Сулавеси, во главе которых стояли командующие военными округами, пользовавшиеся поддержкой Запада, в частности, Великобритании и США, недовольных независимой внешней политикой Джакарты, провозгласившей принцип неприсоединения к военным блокам и выступавшей за преодоление в мире остатков колониализма. Большинство армии осталось на патриотических позициях, и мятежи вскоре были подавлены. Но эта дестабилизация обстановки дала повод президенту Сукарно предложить коренную реформу политической системы и перейти к «направляемой демократии». Поставив во главу угла сохранение национального единства и принцип, что в индонезийском обществе не может быть непримиримых противоречий, объявив парламентскую систему изначально чуждой индонезийской национальной самобытности, Сукарно выступил за создание правительства сотрудничества под своим руководством.

Большинство политических партий и командование вооруженных сил поддержали инициативу президента,

поскольку выступление против общепризнанного национального лидера, которым был Сукарно, тем более, в той нестабильной обстановке, представлялось бесперспективным. При этом все они рассчитывали, что передышка даст возможность упрочить свои позиции. Для подавляющего большинства индонезийцев ценности парламентской демократии не были приоритетными в сравнении с обещанной стабильностью.

Новая политическая система была введена в 1959 г. путем, в частности, возвращения к конституции 1945 г., представлявшей чрезвычайно широкие полномочия главе государства. Отложив на неопределенное время выборы в парламент и местные органы власти, Сукарно без голосования назначил членов Совета народных представителей и Народного консультативного конгресса, который получил название временного, поскольку был создан путем назначения, а не выборов. В 1963 г. Конгресс провозгласил Сукарно пожизненным президентом.

Основой новой политической системы Сукарно провозгласил единство трех главных политических течений – националистического, религиозного и коммунистического (индонезийское сокращение – НАСАКОМ). Деятельность партий была ограничена рамками государственной политики и идеологии панча сила, которая в силу своей специфики и широты возможного толкования, зависящего от соотношения политических сил, способна стать основой для самых различных режимов и политических систем, что и подтвердилось впоследствии. При этом партиям не возбранялось придерживаться своей идеологии, коль скоро их деятельность не выходила за рамки государственной политики и идеологии.

Был создан Национальный фронт, в который вошли девять партий, в том числе Национальная партия Индонезии, Нахдатул Улама и Коммунистическая партия Индонезии. Машуми и Социалистическая партия Индонезии,

выступившие против «направляемой демократии», были распущены указом президента. Для урегулирования разногласий в деятельности органов власти, политических партий и общественных организаций предлагался как соответствующий национальным традициям метод консультаций в целях достижения приемлемого для всех сторон решения. Решающая роль в достижении консенсуса отводилась президенту. Режим «направляемой демократии» приобретал отчетливо выраженный авторитарный характер.

В связи с имевшими место в некоторых провинциях мятежами Сукарно ввел на всей территории страны военное положение. Результатом было весьма значительное возрастание политической роли вооруженных сил, прежде всего сухопутной армии, на которую были возложены основные функции обеспечения порядка и стабильности в стране. Это позволило генералитету и офицерскому корпусу вместе с крупным чиновничеством получить доступ к конфискованной у иностранных компаний собственности и стать органичной частью того слоя, который получил в политической полемике название «бюрократической буржуазии». В 1961–1965 гг. было осуществлено коренное переоснащение вооруженных сил, в первую очередь военно-морского флота и авиации, для которых Советский Союз поставил вооружение, на одно-два поколения превосходившее те средства, которыми Индонезия обладала до этого, включая сверхзвуковые истребители, подводные лодки, ракетные катера и др. В обучении индонезийских военнослужащих в Индонезии и СССР участвовали сотни советских военных инструкторов.

Целью развития индонезийского государства провозглашался «индонезийский социализм», который обозначался как отличный от капиталистического и социалистического укладов и соответствующий индонезийской самобытности.

Система «направляемой демократии» была внутренне глубоко противоречивой. Провозгласив идеалы национального единства и социальной справедливости, борьбы против империализма и колониализма, за экономическое развитие и процветание, новая система оказалась неспособной выработать реалистическую программу осуществления этих идеалов. НАСАКОМ оставался лозунгом, поскольку сохранились коренные социальные противоречия, разделявшие партии националистического и религиозного (прежде всего мусульманского) направлений и коммунистов, представлявших весьма реальную массовую политическую силу. При этом, хотя концепция НАСАКОМ формально предполагала равноправное участие представителей всех трех течений в управлении страной, фактически коммунисты мест в исполнительной власти (кабинете министров) не получили.

В этих условиях в Индонезии сложилось противостояние двух политических лагерей. С одной стороны, президент Сукарно как носитель националистической и антиимпериалистической идеи, провозглашаемых идеалов социального равенства и справедливости, чья харизма, несколько поблекшая в последние годы, была все же достаточно значительной. За ним стояли массовая компартия, Национальная партия и широкие круги националистически настроенных масс.

Им противостояли армейское командование, чиновничья верхушка, крупные и средние землевладельцы, выступавшие против проводившейся правительством аграрной реформы.

В ночь на 1 октября 1965 г. произошло выступление группы офицеров президентской охраны, которые арестовали и расстреляли шесть высших офицеров сухопутной армии, обвинив их в заговоре против президента, и объявили о переходе власти в стране к Революционному совету. Лидеры Компартии были осведомлены о готовив-

шейся акции, но не были ее инициаторами или прямыми участниками. Сукарно, во всяком случае, не воспринял ее как враждебную его интересам и положению и по некоторым данным был осведомлен о ее подготовке.

Это выступление было весьма скоро подавлено армией, командование которой воспользовалось им, чтобы обвинить коммунистов в попытке государственного переворота и развернуть жесточайший террор против левых сил. Поставив вне закона не только Коммунистическую партию, но и левое движение в целом, армия устранила с политической арены единственного реального соперника на ее пути к власти. Начав свои действия под лозунгом защиты президента Сукарно от заговора коммунистов, генералы затем взяли курс на отстранение Сукарно от власти, что завершилось его смещением в 1967 г. Ему на смену пришел генерал Сухарто, который в качестве командующего Стратегическим резервом сухопутной армии фактически в октябре 1965 г. принял на себя функции командующего армией и возглавлял политическую кампанию. Установившийся режим его лидеры называли «Новым порядком» (не смущаясь тем, что так назывался режим в нацистской Германии), в противовес «Старому порядку», который возглавлял Сукарно. Эти названия бытуют до сих пор.

Покончив с левым крылом политического спектра и наложив запрет не только на Коммунистическую партию, но и на ее идеологию, армия в принципе сохранила все основные элементы «направляемой демократии» как политического режима, доведя ее авторитарный характер до самого высокого уровня. Были сохранены в силе конституция 1945 г. и панча сила, ставшая единой и единственной идеологией, а политическая система «Нового порядка» получила наименование «панчасилаистская демократия», причем пять принципов были объявлены первоисточником всего законодательства в стране. Учитывая мно-

говариантность толкования этих принципов, они становились обоснованием любых самых жестких мер по упрощению режима.

Высшей целью политической системы нового режима была провозглашена стабильность во имя экономического развития. Официальная позиция по проблеме прав человека заключалась в том, что они должны пониматься иначе, чем их трактуют на Западе, в соответствии с этическими, моральными и социальными нормами, традиционно присущими индонезийскому обществу. Во главу угла по официальной версии должны быть поставлены общественные интересы и благополучие нации в целом, а не личные или групповые устремления. Таким образом, нормы, присущие общинному укладу рисосеяющей индонезийской деревни, становились основополагающими в интересах капиталистического развития, которое было стратегической целью «Нового порядка».

Фактически единственным носителем власти и политической инициативы стала индонезийская армия, что было оформлено в виде доктрины «двойной функции» вооруженных сил. В соответствии с этой доктриной они наряду с выполнением военных задач объявлялись самостоятельным политическим институтом. В этой связи нужно иметь в виду некоторые весьма важные факторы. Индонезийская армия (прежде всего сухопутные войска) возникла в ходе освободительной войны 1945–1949 гг. как партизанское движение, обладавшее значительной самостоятельностью, не зависевшее от центральной власти в плане оперативного руководства и материального обеспечения и напрямую устанавливавшее отношения с населением. Отсюда психология и культура самодовлеющего политического института в сочетании с ощущением мессианства, которое настойчиво, хотя и латентно, поддерживается военной элитой вплоть до настоящего времени. В отличие от флота и авиации, индонезийские сухопутные

войска после 1949 г. практически не выступали в качестве орудия защиты от внешней угрозы, но неоднократно действовали при подавлении внутренних мятежей.

Военному сословию присуще кастовое ощущение превосходства над «цивильными» слоями, жесткая иерархия в сочетании с патриархальностью, которые при возможности распространяются и на общественные связи. Политический консерватизм сочетается в офицерском корпусе со стремлением к научно-техническому прогрессу.

Такова философия, с которой армия взяла на себя руководство огромной страной. Был создан самостоятельный военный аппарат, стоявший над всеми другими органами власти. Два раза в год проводилось совещание высшего командного состава вооруженных сил, на котором рассматривались важнейшие политические и экономические проблемы. Вопросы поддержания порядка и обеспечения безопасности регулировались Оперативным командованием по восстановлению безопасности и порядка, которое возглавлял лично президент Сухарто. Бюро по проведению специальных операций занималось работой с политическими партиями и общественными организациями.

В Совете народных представителей, сформированном по итогам выборов, проведенных в 1971 г., из 460 депутатских мандатов 75 были отданы представителям военных, которые не участвовали в голосовании. Генералы и старшие офицеры, как отставные, так и находившиеся на действительной службе, занимали ключевые посты в правительстве и государственном аппарате в центре и на местах. Весьма показательным было введение института сержантов-наставников в сельских районах. В задачи унтер-офицеров с присущим этому чину уровнем образования и политическим кругозором был вменен контроль над поведением жителей деревень, их настроениями, соци-

альной обстановкой, появлением в сельских поселениях новых лиц и т.п. Сержанты-наставники были подчинены местному военному командованию, т.е. действовали помимо гражданских органов власти.

С целью поставить под контроль тот сектор экономики, который контролировался китайской диаспорой, были жестко ограничены права этнических китайцев, включая запрет на конфуцианство, преподавание китайского языка и использование иероглифов. Китайцев вынуждали менять свои имена на индонезийские.

Обеспечив с помощью жесткого контроля более чем убедительную победу на выборах 1971 г., президент Сухарто коренным образом преобразовал партийную систему. Четыре мусульманские партии были объединены в Партию единства и развития, которой не было разрешено включить в свое название упоминание о религиозной основе. Четыре светских партии, среди них крупнейшая Национальная партия Индонезии и две христианских, объединились в Демократическую партию Индонезии, которая тоже была лишена права включить в свое название определение «Национальная». Когда в 1996 г. ДПИ во главе с Мегавати Сукарнопутри, дочерью первого президента Индонезии, заняла излишне самостоятельную (с точки зрения лидеров режима) позицию, военные напрямую вмешались в ход партийного съезда и добились отстранения М. Сукарнопутри от руководства партией.

Как показано выше, роль правящей партии фактически взяла на себя военная элита. Роль партии власти, в которой должно было формально воплощаться волеизъявление населения, была возложена на Объединенный секретариат функциональных групп (индонезийское сокращенное название Голкар). Он официально не являлся политической партией, а фигурировал как объединение организаций, которые в рамках политической системы представляли различные слои населения – рабочих, крестьян,

молодежи, предпринимателей. В соответствии с официальной концепцией «Нового порядка», индонезийскому обществу чуждо деление на классы, в нем присутствуют группы населения, каждая из которых выполняет свои функции. Если политическим партиям запрещалось создавать свои отделения на уровне ниже центров провинций и действовать в сельской местности, а также создавать общественные организации под своей эгидой, то на Голкар такие ограничения не распространялись, поскольку формально эта организация не была партией. Опираясь на политическую, административную и материальную поддержку власти, Голкар неизменно и с большим перевесом выходил на первое место на всех выборах. Так, в 1971 г. его представители занимали 261 место в парламенте из 460, что в сочетании с 75 мандатами, принадлежавшими военным, обеспечивало режиму безоговорочную поддержку и позволяло ему придать всей политике конституционное оформление.

Голкару удалось найти достаточно эффективный курс, прежде всего в среде чиновничества, в результате чего, превратившись после смены режима в 1998 г. в политическую партию, эта организация, например, в 2019 г. заняла второе место на выборах, получив 15% парламентских мандатов.

В соответствии с официальной концепцией, наличие оппозиции противоречило бы природе индонезийского общества, и соответственно всякая деятельность в этом смысле была фактически запрещена.

Предусмотренные конституцией органы власти – Народный консультативный конгресс и Совет народных представителей – функционировали под неусыпным наблюдением военных структур. На протяжении более 30 лет президентом страны оставался генерал Сухарто. Его избирал Конгресс на безальтернативной основе путем достижения консенсуса, навязанного правящей армией.

Политическая система, созданная армией, не стала гарантией от возникновения и проявления массовых протестов. Такие протесты возникали со стороны студенческих организаций, выступавших против нарушений прав человека, и мусульманских масс. В условиях запрета на все идеологии помимо официальной, в том числе и на социально-радикальные, и углубления имущественных различий ислам становился едва ли не единственным носителем идеи социальной справедливости и равенства перед Всевышним.

Главная слабость «Нового порядка» заключалась в органической неспособности правящей военной элиты адаптировать политическую систему к социальным и политическим изменениям, которые претерпело индонезийское общество в результате в целом успешного развития экономики и капиталистических отношений и одновременно углубления социальных и имущественных различий, неизбежного повышения образовательного уровня. Кроме того, (и этот фактор сохраняется до сих пор) официальной идеологии становилось все труднее противостоять потоку информации и идей, исходившему от средств массовой информации (в наше время к этому добавился интернет).

Финансово-экономический кризис 1997–1998 гг. стал толчком, который продемонстрировал, что военно-авторитарный режим исчерпал себя. Массовые выступления против властей вынудили Сухарто 21 мая 1998 г. подать в отставку. Его место занял вице-президент Бахаруддин Юсуф Хабиби.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Особенности географического положения и национально-этнического состава населения, которые оказывают влияние на формирование политической системы в Индонезии.
2. Специфические особенности режима «направляемой демократии».
3. Основные социальные и политические черты режима «Нового порядка».
4. Индонезийская армия – политическая роль в обществе до 1998 г.

Рекомендуемая литература:

1. Губер А.А. Индонезия. Социально-экономические очерки. М.-Л., 1932.
2. Другов А.Ю. Политическая власть и эволюция политической системы Индонезии. М., 1989.
3. Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим. М., 1997.
4. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942–1965). М., 1970.
5. Сукарно. Политик и личность. М., 2001.
6. Цыганов В.А. История Индонезии. Т. 2. М., 1993.

§ 2.2. Современные конституционные основы индонезийского государства.

Органы власти

Смена президента стала прологом к изменению политического режима, но не была революцией в том смысле, что не привела к коренному изменению состава политической элиты – партийной, военной и религиозной. Не изменился, в частности, состав Народного консультатив-

ного конгресса и парламента. Однако кризис обнаружил неотложную необходимость существенных изменений политического режима и политической системы, и элитам пришлось идти на такие изменения, в некоторых случаях даже против собственной воли. В 1999–2002 гг. Конгресс принял четыре пакета поправок к конституции 1945 г., которая, как известно, за предшествовавшие более полувека изменениям не подвергалась.

В известном смысле это было результатом борьбы между необходимостью привести основной закон в соответствие с нормами демократии, прав человека, тем уровнем политического сознания, которого общество достигло в результате социального, экономического и культурного развития, и недостаточной готовностью элиты управлять страной с учетом новых условий.

В первоначальном виде была сохранена преамбула конституции, включая пять принципов государственной идеологии. Преамбула гласит, что основной закон призван обеспечить формирование власти (правительства), которая в интересах всей индонезийской нации способствует росту общественного благосостояния и уровня жизни, а также действует в интересах обеспечения безопасности во всем мире на основе принципов независимости, прочного мира и социальной справедливости.

Статья I конституции, по-прежнему определяя устройство Индонезии как унитарного государства, сопровождается пунктом, гласящим, что эта форма не подлежит изменениям. Это положение направлено, с одной стороны, против радикальных исламистов, ставящих своей целью создание исламского халифата, с другой – против сепаратистских движений, в частности, в Аче (северная оконечность острова Суматра), где сепаратизм носил исламский характер, и в некоторых восточных провинциях страны, прежде всего в Папуа.

Было внесено отсутствовавшее ранее положение о том, что суверенитет в Индонезии принадлежит народу и осуществляется в соответствии с основным законом, и что индонезийское государство является правовым.

В конституцию была внесена новая глава, трактующая обеспечение основных прав человека, о чем подробнее будет говориться ниже в разделе, посвященном становлению гражданского общества в Индонезии. Практически сразу же (в 1999 г.) были отменены дискриминационные ограничения прав китайского населения, разрешено использование иероглифов, конфуцианство было причислено к официально признанным верованиям.

Внесение поправок не положило конец разногласиям вокруг путей развития политической системы, и до сих пор продолжается дискуссия, в ходе которой консервативные критики реформ настаивают на том, что эти изменения, которые они называют излишне либеральными, не соответствуют самобытности политической культуры страны. Фактор национальной самобытности играет важную роль на всех этапах истории независимой Индонезии. Его используют как сторонники сохранения и развития национального культурного достояния, так и консервативные элементы, противники модернизации политической системы, апеллирующие к националистическим чувствам индонезийцев.

В 2014 г. Народный консультативный конгресс сформулировал и одобрил доктрину «Четыре столпа Республики Индонезии». К ним были отнесены государственная идеология панча сила, конституция 1945 г., государственный строй Республики Индонезии как унитарной республики и национальный девиз «Единство в многообразии».

Законодательная власть. В главу конституции о статусе Народного консультативного конгресса в рамках поправок было внесено положение о том, что в его состав

входят члены Совета народных представителей и члены Совета представителей регионов (новый орган, созданный в 2002 г.), которые избираются населением путем прямого голосования. Присутствовавшая ранее категория назначаемых депутатов была упразднена, что означало, в частности, отсутствие в законодательных органах представителей вооруженных сил.

К прерогативам НКК отнесены внесение изменений в основной закон и осуществление процедуры официального введения в должность президента и вице-президента, избираемых с 2004 г. на прямых выборах. Конгрессу предоставлены полномочия отстранять от должности президента и вице-президента до истечения их полномочий на основе соответствующих положений конституции, о чем будет сказано ниже. Для этого требуется наличие кворума в три четверти депутатов и решение должно быть принято не менее, чем 2/3 голосов.

Конгресс был лишен возложенных на него ранее прерогатив разрабатывать и утверждать документ «Основные направления государственной политики» на пятилетний период. В настоящее время такой документ отсутствует, но имеет место активная дискуссия вокруг вопроса о целесообразности возвращения этой функции НКК. Сессии Конгресса должны проходить не реже одного раза в год. Решения принимаются путем голосования.

В руководство Конгресса входят председатель, избираемый из числа депутатов Совета народных представителей, и четыре заместителя (по два от СНП и Совета представителей регионов).

Отмечается рост числа женщин среди членов СНП – если в 2000 г. они составляли 8%, то в 2019 г. эта доля превысила 20%. Насколько можно судить, это результат целенаправленной политики власти.

Совет народных представителей (парламент) избирается путем прямого голосования населения один раз в

пять лет, причем квота представителей от провинций не всегда пропорциональна числу избирателей – малонаселенные провинции пользуются относительным преимуществом, по сравнению, например, с яванскими. Сессии СНП должны созываться не реже одного раза в год. Парламент осуществляет законодательную и контрольную функции, на него также возложены принятие государственного бюджета и ратификация международных соглашений. Законопроекты до их внесения согласовываются между парламентом и президентом, и после их принятия в СНП представляются на подпись главе государства. Если президент не подписывает принятый закон в течение 30 дней, закон вступает в силу без его подписи.

В неотложных случаях глава государства имеет полномочия издавать постановления, имеющие силу закона, которые затем должны получить одобрение СНП на ближайшей сессии. Если такое одобрение не последует, постановление подлежит отмене. Это положение было включено в конституцию в рамках упомянутых выше поправок с целью ограничения полномочий главы государства.

Совет народных представителей не может быть распущен до истечения срока его полномочий.

Руководство Советом осуществляют председатель парламента и четыре его заместителя. Председатель избирается от партии большинства, а его заместители от фракций тех партий, которые занимают второе, третье, четвертое и пятое места. СНП формирует комиссии, занимающиеся разработкой проблем, входящих в его прерогативы. Члены комиссий активно выступают в средствах массовой информации по актуальным вопросам, отражая позицию своих партий.

Совет представителей регионов – новый орган в политической системе Индонезии сформированный в 2004 г. в соответствии с поправкой конституции, принятой в

2001 г. СПР имеет особое значение в условиях мультиэтнической, поликонфессиональной, полирасовой и поликультурной Республики Индонезии. Унитарное индонезийское государство в административно-территориальном отношении делится на 38 провинции, включая особый столичный район Джакарты (в 2022 г. рассматривается вопрос о создании еще трех провинций в Папуа – западная часть острова Новая Гвинея, принадлежащая Индонезии). Провинции входят в состав шести административных регионов, созданных с учетом островного характера территории страны, – Ява, Суматра, Калимантан, Малые Зондские острова, Сулавеси, Молуккские острова и Папуа.

Индонезия по конституции является унитарным государством, но некоторым провинциям предоставлен особый статус с учетом специфики их развития, этнического и религиозного состава населения, политической ситуации. Такой статус имеет провинция Аче на севере острова Суматра, в которой разрешено действие в полном объеме практически всех установлений шариата, Папуа, где необходимо противостоять существенным сепаратистским настроениям, а также особый округ Джокьякарты на Яве. Здесь губернатором традиционно избирается султан – потомок правителя, оказавшего большую поддержку республиканскому правительству в период национальной революции 1945–1949 гг.

Все провинции имеют в СПР по четыре представителя, избираемых на беспартийной основе. Состав палаты не должен превышать одну треть числа членов Совета народных представителей. СПР собирается на сессии не реже одного раза в год.

Полномочия СПР, как они определены в конституции, заключаются в подготовке для внесения в Совет народных представителей законопроектов по вопросам, связанным с местной автономией, отношениями между центром и регионами, развитием регионов, использовани-

ем местных природных и других ресурсов и финансовыми отношениями между центральной властью и провинциями. Предусмотрено внесение предложений по вопросам создания новых регионов или их объединения, а также законопроектов, касающихся налогообложения, образования и религиозных проблем.

Совету представителей регионов предоставлено право контроля над исполнением законов, связанных с указанной выше проблематикой, и внесения соответствующих предложений в парламент.

Учитывая особенности географического положения островной Индонезии, существенные этнические, культурные, религиозные и цивилизационные различия между провинциями, некоторые политические деятели и аналитики полагают, что функции Совета представителей регионов не должны сводиться лишь к внесению предложений в парламент, и считают целесообразным предоставить этому органу более самостоятельный и равноправный с СНП статус.

В целом, если полномочия Народного консультативного конгресса были в рамках реформ существенно урезаны, то, как можно судить по изложенному выше, прерогативы парламента расширились. Однако, по результатам регулярных опросов общественного мнения, Народный консультативный конгресс, Совет народных представителей и Совет представителей регионов пользуются сравнительно невысоким уровнем доверия общественности. В феврале 2022 г. они занимали соответственно 9-е, 10-е и 11-е места среди 12 главных институтов государства. Ниже их находятся только политические партии. Причин здесь, очевидно, несколько. Это, в частности, отсутствие в государстве парламентской культуры и традиции, которые не могли в достаточной степени развиваться в условиях предшествовавших режимов. Результатом стало поведение большинства политических партий, которые мало отли-

чаются между собой по своим программам, недостаточно социально ориентированы, и это отражается на их поведении в выборных органах, где они видят свою главную задачу в получении возможно большего числа мест в кабинете министров. В результате партии далеко не всеми избирателями воспринимаются как реальные выразители и защитники их жизненных интересов.

Президент. В ходе конституционной реформы 1999–2002 гг. тщательно рассматривался вопрос о прерогативах президента, поскольку предыдущий исторический опыт Индонезии показывает, что конституция в ее первоначальном виде создавала благоприятные возможности для авторитаризма.

Президент Республики Индонезии по конституции является главой исполнительной власти, в выполнении этой функции ему помогает вице-президент. Президент обладает правом законодательной инициативы, предоставляя законопроекты в парламент (ранее он издавал законы от своего имени, согласовывая их с парламентом), а также издает постановления правительства, подлежащие утверждению СНП.

В соответствии с конституцией посты президента и вице-президента могут занимать лица, которые являются гражданами Индонезии по рождению, не имеют гражданства других государств, не совершали актов государственной измены и обладают необходимым умственным и физическим здоровьем.

Президент и вице-президент избираются всеобщим голосованием единым мандатом (тандемом) и должны получить на выборах более 50% голосов в целом по стране. При этом за них должны проголосовать не менее 20% избирателей, по крайней мере, в половине провинций. Если ни одна пара кандидатов не набирает более половины голосов, проводится второй тур, в котором участвуют две пары, получившие наибольшую поддержку.

Срок пребывания у власти президента и вице-президента – пять лет. Возможно переизбрание, но не более чем на один срок. В 2022 г. развернулась дискуссия вокруг вопроса о целесообразности увеличить возможность избрания президента до трех пятилетних сроков, но большинство политических партий и общественность в целом выступили против этого изменения.

Порядок избрания главы государства путем всенародного голосования был установлен в 2001 г. До этого он назначался Народным консультативным конгрессом. Первым главой государства, победившим на всеобщих выборах, стал лидер Партии демократов генерал в отставке Бамбанг Юдойоно (2004–2014 гг.).

В соответствии с законом № 7 от 2017 г., tandem кандидатов на пост президента и вице-президента может выдвигаться политическими партиями или блоком партий, которые имеют не менее 20% мест в Совете народных представителей или получили не менее 25% голосов в целом по стране на предшествовавших парламентских выборах. В настоящее время ряд партий и движений выступают за отмену этого «порога», считая, что он ограничивает их права и состязательность в борьбе за пост президента.

Президент и вице-президент могут быть смещены со своих постов Народным консультативным конгрессом по предложению Совета народных представителей в случае нарушений закона – государственная измена, коррупция, мздоимство или иное тяжкое уголовное преступление, а также в случае неспособности исполнять свои обязанности. В последнем случае президента заменяет вице-президент на время, оставшееся до истечения пятилетнего срока. Народный консультативный конгресс избирает по его предложению нового вице-президента.

Если президент и вице-президент одновременно лишаются возможности исполнять свои обязанности, их

полномочия возлагаются на министра иностранных дел, министра внутренних дел и министра обороны, после чего в тридцатидневный срок Народный консультативный конгресс должен избрать новых лидеров государства.

Специальная статья конституции гласит, что глава государства не вправе распустить парламент или приостановить его деятельность.

Президент назначает и освобождает от должности министров, является верховным главнокомандующим вооруженными силами страны и назначает главнокомандующего вооруженными силами из числа армейских военачальников.

С согласия Совета народных представителей глава государства объявляет войну, вводит чрезвычайное положение, заключает мир и соглашения с другими государствами, предполагающие изменения законодательства или имеющие существенные финансовые последствия.

С учетом мнения парламента президент назначает послов и консулов, а также дает агреманы на назначение иностранных послов в Индонезии. С согласия Верховного суда он объявляет помилование и реабилитацию осужденных. Амнистия объявляется им с согласия парламента.

Президент формирует консультативный совет, в функции которого входит предоставление предложений и соображений главе государства.

Как уже говорилось, поправки, внесенные в конституцию после 1998 г., учитывали опыт предшествующих десятилетий и были призваны предотвратить возвращение к авторитаризму, который достиг своего апогея в период «Нового порядка» в 1967–1998 гг. со всеми его последствиями. В то же время, как показывают итоги опросов общественного мнения, президент как олицетворение государства, как институт, занимает второе место по уровню общественного доверия (85% в феврале 2022 г.), уступая только армии. Это в существенной мере объясняется

тем, что в настоящее время выборы главы государства осуществляются путем прямого голосования, и их итоги, как считается, отражают волю общественности. Но свою роль все еще играет сакрализация власти и ее носителей, присущая политической культуре индонезийцев.

В 2014 и затем в 2019 гг. президентом был избран Джоко Видодо. Это был первый случай избрания деятеля, не принадлежащего к традиционной гражданской или военной элите. Выходец из слоя среднего предпринимательства, он стал мэром г. Суракарта (Ц. Ява), а затем губернатором Джакарты. Его наиболее активно поддерживала Демократическая партия Индонезии (борющаяся), которую возглавляет дочь первого президента страны Мегавати Сукарнопутри.

Кабинет министров. Статья 17 конституции гласит, что президенту Индонезии в его деятельности помогают министры, которые назначаются и освобождаются от должности самим главой государства.

Главой правительства является президент, который, в частности, определяет целесообразность создания того или иного министерства. Официально кабинет министров формируется не на парламентской основе, но фактически с учетом соотношения мест, которое те или иные партии занимают в Совете народных представителей. Правительство не несет ответственность перед парламентом, его деятельность не нуждается в одобрении выборных органов – НКК, СНП или СПР, и эти органы не могут отправить кабинет в отставку. Все перемещения в составе кабинета осуществляются только президентом.

В правительство входят несколько министров-координаторов (каждому из них подчиняются несколько министерств и ведомств), министры, возглавляющие министерства, государственные министры (возглавляют различные ведомства либо курируют определенные государственные программы), министр – статс-секретарь, глава

президентский администрации, а также главы некоторых ведомств, которые по статусу приравниваются к министрам, в частности, генеральный прокурор. Число членов правительства определяется президентом по его усмотрению. В составе кабинета в апреле 2022 г. были четыре министра-координатора и 30 министров.

Фактически участие в правительстве является важной, если не главной целью практически всех партийных элит, поэтому нередки случаи их перехода от оппозиции к поддержке президента и его кабинета.

Судебная власть. В соответствии со ст. 24 конституции судебная власть в Индонезии является независимой и осуществляется при руководящей роли Верховного суда, в ведении которого находятся суды общей юриспруденции, религиозные суды, военные суды, судебные органы, занимающиеся вопросами, связанными с государственным сектором экономики, и Конституционный суд. Верховный суд выступает как высшая апелляционная инстанция по соответствующим делам.

Кандидатуры членов Верховного Суда (число кандидатов может достигать 60 человек) предлагаются парламенту Судебной комиссией. После одобрения парламентом они подлежат утверждению президентом. Судебная комиссия представляет собой независимый орган, члены которого назначаются и смещаются президентом с согласия парламента.

Председатель Верховного суда избирается судьями и утверждается в должности президентом. Верховный суд наделен функцией надзора за деятельностью остальных судебных органов. При Верховном суде действует Генеральная прокуратура во главе с Генеральным прокурором, которого назначает президент. Верховный суд полномочен оценивать соответствие законов конституции, принимать решения в случае конфликтов между государственными органами, оценивать обоснованность роспуска по-

литических партий и принимать решения в случае разногласий по итогам всеобщих выборов. В состав суда входят девять судей, кандидатуры которых выдвигаются Верховным судом, парламентом и президентом (по три кандидата) и затем утверждаются главой государства.

В Индонезии действует также система мусульманских шариатских судов. Низшая ступень – суды при мечетях, средняя – окружные шариатские суды, высшая – Верховный шариатский суд. На Яве и Калимантане сфера их юрисдикции ограничена вопросами брачно-семейных отношений, в остальных регионах к ним добавляются разбор тяжб о наследстве, а также вопросы, связанные с вакфами – пожертвованиями отдельных лиц или государства на религиозные и благотворительные цели. В полной мере правовые нормы шариата действуют только в провинции Аче.

Местное самоуправление. В административно-территориальном отношении Республика Индонезия делится на 38 провинций, которые в свою очередь состоят из округов (кабупатенов) и городских муниципалитетов, независимых от округов. Все территориально-административные единицы управляются на основе автономии, рамки которой определяются законодательством. Округа и городские муниципалитеты находятся на одном административном уровне.

Провинции, округа и городские муниципалитеты имеют местные представительные органы, которые управляют соответствующей территориальной единицей совместно с губернатором провинции, главой округа (по-индонезийски – бупати), мэром города. Эти органы уполномочены утверждать бюджет и решать другие вопросы, связанные с управлением регионом.

Главы регионов всех уровней избираются путем прямого голосования, включая губернаторов провинций, которые до 2005 г. назначались центром. Провинциальные

советы народных представителей избираются всеобщим прямым голосованием на пять лет.

В рамках демократических реформ после 1998 г. были существенно расширены prerogatives местных органов власти. Избрание губернаторов провинций, мэров городов и глав округов (кабупатенов) было полностью отнесено к ведению соответствующих территорий, причем бупати более не подотчетны центральному правительству в лице министра внутренних дел, который ранее был полномочен смещать бупати и мэров с их постов.

На исполнительные органы на местах возложена полная ответственность за ряд секторов, которые ранее были в ведении центрального правительства – общественные работы, здравоохранение, образование, культура, сельское хозяйство, промышленность и торговля, связь, инвестиции, экология, землепользование и др.

Регионы получили право оставлять себе 15% поступлений от добычи на их территории нефти, 30% от натурального газа и 80% от добычи других полезных ископаемых и лесоразработок. В апреле 2007 г. Конституционный суд Индонезии принял решение, в соответствии с которым центральное правительство и министерства лишены права отменять законодательные акты местных властей.

Перечисленные меры, расширившие самостоятельность местных органов власти, имели неоднозначные последствия. В ряде случаев их результатом стала возросшая зависимость местных властей, в частности, от местных радикальных исламистов и необходимость идти им на серьезные уступки с целью получения поддержки на выборах. Отмечался также и рост коррупции.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Назовите высшие представительные органы власти, их prerogatives и изменения, внесенные в рамках реформ после 1998 г.

2. Полномочия президента Республики Индонезии. Изменения после 1998 г. и причины их внесения в конституцию.
3. Судебная система Республики Индонезии. Полномочия судов различных уровней и шариатских судов.
4. Местное самоуправление. Порядок формирования местных органов и их полномочия.

Рекомендуемая литература:

1. Другов А.Ю. Индонезия на грани столетий (1997–2006 гг.). М., 2011
2. Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии, XX век. М., 2005.
3. Ефимова Л.М. Политические системы стран Юго-Восточной Азии. (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины). М.: Изд-во МГИМО, 2016.
4. Тюрин В.А. История Индонезии. М., 2004.

§ 2.3. Электоральная система

В 2001 г. в конституцию была внесена новая статья (22Е) о всеобщих выборах, которая гласит, что выборы в Индонезии являются прямыми, всеобщими, свободными, тайными, честными и справедливыми и проводятся один раз в пять лет. Подготовка к проведению выборов начинается не позднее, чем за 22 месяца до дня голосования. Основными организаторами выборов являются центральная и региональные избирательные комиссии, причем общенациональная комиссия является постоянным независимым органом. Комиссии формируются на всех уровнях вплоть до сельских поселений и действуют на постоянной основе при подчинении нижестоящих комиссий вышестоящим. Одновременно формируются независимые комис-

сии по контролю за проведением выборов, причем по закону в составе избирательных и контрольных комиссий должно быть не менее 30% женщин.

Избирательная система в Индонезии является смешанной. Пропорциональная система действует на выборах в центральный парламент и местные советы народных представителей. Кандидатов на этих выборах выдвигают политические партии. Выборы в Совет представителей регионов проводятся по мажоритарной системе в избирательных округах.

Активным избирательным правом в Индонезии пользуются граждане, достигшие 17-летнего возраста или моложе, если они состоят в законном браке. Система регистрации избирателей является достаточно открытой и эффективной. Индонезийские граждане, пребывающие за пределами Республики, регистрируются и голосуют в дипломатических представительствах Республики Индонезии в соответствующих странах.

Военнослужащие, находящиеся на действительной службе, не обладают ни активным, ни пассивным избирательным правом. Это мотивируется тем, что личный состав вооруженных сил не должен вовлекаться в политическую полемику или становиться объектом пропаганды и агитации. В то же время воинские формирования привлекаются к обеспечению порядка и безопасности в дни голосования.

Пассивное избирательное право. По действующему законодательству о порядке проведения выборов, для того чтобы баллотироваться для избрания в центральный парламент и региональные советы народных представителей, претендент должен быть гражданином Республики Индонезии, обладать в полном объеме политическими правами и обязанностями гражданина и достичь на день выборов 21-летнего возраста. Непременным условием является вера в бога, причем конкретное вероисповедание в законе не

фигурирует. Кандидат должен проживать на территории Республики, свободно владеть индонезийским языком (это требование объясняется тем, что для большинства граждан Республики индонезийский язык не является родным), иметь образование не ниже среднего, быть преданным принципам государственной идеологии и идеям Декларации независимости, провозглашенной 17 августа 1945 г. Он не должен иметь судимость по нарушениям закона, наказуемым тюремным заключением на срок пять лет и выше, должен находиться в полном физическом и ментальном здравии.

Кандидату надлежит быть готовым в случае избрания исполнять свои обязанности в течение полного рабочего дня, оставить должность, которую он занимал в государственном учреждении или учреждении, находящемся на государственном финансировании. Он должен быть членом политической партии, участвующей в выборах, баллотироваться для избрания только в один представительный орган и только в одном избирательном округе.

Право выдвижения кандидатов в советы народных представителей на всех уровнях принадлежит политическим партиям. Для участия в выборах партия должна преодолеть 2,5% проходной барьер на предыдущих выборах в центральный парламент. Партии, не преодолевшие этот барьер или вновь возникшие, должны удовлетворять следующим требованиям:

- зарегистрироваться в качестве политической партии;
- иметь отделения во всех провинциях;
- иметь отделения в 75% округов (кабупатенов) и городских муниципалитетов в каждой провинции;
- иметь отделения в 50% районов в каждом округе или городском муниципалитете;
- иметь не менее 30% женщин в составе центрального руководства;

- иметь не менее 1000 зарегистрированных членов в каждом округе или городском муниципалитете.

Требования, предъявляемые к кандидатам в депутаты на выборах в Совет представителей регионов, в целом совпадают с теми, что действуют на выборах в парламент. Кандидатом может стать гражданин Индонезии не моложе 21 года, верующий в бога, свободно владеющий индонезийским языком, имеющий образование не ниже среднего, приверженный государственной идеологии и Конституции 1945 г. и идеям Декларации независимости 17 августа 1945 г. Он не должен иметь судимость более 5-летнего срока, быть физически и психически здоровым, быть готовым работать на этом посту полный рабочий день и потому не может совмещать статус депутата с постами в государственных институтах. Кандидат имеет право баллотироваться только в один выборный орган (СНП или СПР) и только по одному избирательному органу.

Избирательные округа для выборов в Совет народных представителей устанавливаются в рамках провинции, кабупатена, городского муниципалитета или группы кабупатенов и городских муниципалитетов. Число депутатов устанавливается точно для каждой провинции и избирательного округа вне обязательной зависимости от численности населения (в некоторых случаях известное преимущество предоставляется провинциям с относительно небольшим населением). Число депутатов может колебаться от 3 до 10 от одного избирательного округа. Перед каждыми выборами границы избирательного округа и число избираемых депутатов уточняются. При изменении границ округа и соответственно численности избирателей число избираемых депутатов может изменяться.

На выборах в провинциальные советы народных представителей число депутатских мест может колебаться от 35 до 100 в зависимости от численности населения дан-

ной провинции. Избирательными округами здесь являются кабупатены, городские муниципалитеты или группы кабупатенов и муниципалитетов. Границы избирательных округов и число избираемых от них депутатов определяет Избирательная комиссия.

Число депутатов СНП кабупатенов и городских муниципалитетов может колебаться от 20 до 50 в зависимости от численности населения. Избирательными округами здесь являются районы или группы районов, в которых баллотируются от 3 до 12 кандидатов в зависимости от числа жителей. Поскольку население Индонезии размещается по территории страны весьма неравномерно (и соответственно неравномерна его плотность), в разных избирательных округах за одного кандидата может голосовать разное число избирателей. На выборах в Совет представителей регионов каждая из 34 провинций делегирует по четыре кандидата. При этом провинция является и избирательным округом. На одном избирательном участке голосование идет только по одному кандидату.

Выборы проводятся одновременно в центральный парламент, региональные СНП (в провинциях, округах и городских муниципалитетах), а также в СПР. Голосование проводится в выходной день.

Избиратель отмечает партию или кандидата, за которых он голосует, проколов острым предметом соответствующую эмблему или порядковый номер. Другие пометки или надписи запрещаются. Результаты голосования утверждаются Избирательной комиссией на открытом пленарном заседании с участием наблюдателей и членов Комиссии по надзору за выборами.

Электоральное участие избирателей, которое в 1999 г. составило 93%, на выборах президента в 2019 г. равнялось 82%.

Индонезийские аналитики прогнозируют, что категория избирателей в возрасте до 39 лет составит до поло-

вины участников выборов в 2024 г. Эти граждане, многие из которых имеют доступ к интернету и другим сетям и, соответственно, являются носителями новых подходов и требований, создают ситуацию, когда от кандидатов требуется новая стратегия.

Совет народных представителей участвует в международном межпарламентском сотрудничестве в рамках Межпарламентского союза, Азиатско-Тихоокеанского парламентского форума, Парламентской организации АСЕАН.

Распределение депутатских мандатов. В республиканском Совете народных представителей (парламенте) распределение депутатских мандатов между представителями политических партий, преодолевших избирательный барьер, осуществляет Центральная избирательная комиссия. В провинциях эти функции возложены на провинциальные избирательные комиссии, в округах и городах – на местные комиссии.

На выборах 2019 г. политическим партиям для получения депутатских мандатов в Совете народных представителей необходимо было преодолеть 3,5% проходной барьер в национальном масштабе, т.е. получить не менее 3,5% голосов избирателей по всей стране. При распределении мандатов среди политических партий, получивших более 3,5% голосов, учитываются все действительные бюллетени, за исключением тех бюллетеней, которые поданы за партии, не прошедшие избирательный барьер. Распределение мандатов происходит на основе числа голосов, полученных каждой партией, участницей избирательного процесса в данном округе. На первом этапе дается число мандатов, пропорциональное числу голосов, которое приходится на каждый мандат в данном избирательном округе после того, как будут вычтены голоса, отданные за партии, не прошедшие избирательного барьера. Оставшаяся сумма делится на число кресел в данном округе.

Если после пропорционального распределения мандатов остаются незанятые места, они отдаются каждой партии по очередности, начиная с той, у которой осталось больше всего голосов. Если у каких-то партий осталось одинаковое число голосов, преимущество отдается той, которая получила голоса в большем числе пунктов для голосования.

Утверждение избранных кандидатов в советы народных представителей различных уровней возлагается на соответствующие избирательные комиссии. Утверждаются кандидаты, набравшие больше всего голосов; при равном количестве преимущество отдается кандидату, получившему поддержку избирателей в большем числе пунктов для голосования, а также женщинам.

В качестве депутатов Совета представителей регионов утверждаются те кандидаты, которые по количеству собранных голосов занимают первое, второе, третье и четвертое место в данной провинции.

На выборах в местные органы власти решением Конституционного суда в 2012 г. проходной барьер для партий в 3,5% был отменен. Здесь квота определяется делением общего числа поданных голосов на количество депутатских мест в данном органе.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Как индонезийская конституция определяет порядок всеобщих выборов?
2. Какие требования предъявляются к кандидатам?
3. Какие требования предъявляются к политическим партиям для выдвижения кандидатов?

Рекомендуемая литература:

1. *Ефимова Л.М.* Политические системы стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины). М.: Изд-во МГИМО, 2016.

§ 2.4. Специфика партийной системы

До 1998 г., в период режима «нового порядка» в Индонезии было разрешено существование только двух партий – Демократической партии Индонезии, в которую вошли существовавшие ранее светские партии, а также Католическая и Христианская (протестантская) партии. Мусульманские партии объединились в Партию единства и развития. Действовала также Организация функциональных групп, более известная под индонезийским сокращенным названием Голкар, которая формально партией не являлась, однако на деле действовала как партия власти, и за счет, прежде всего, административного ресурса ей было обеспечено большинство во всех выборных органах власти.

С началом демократических реформ в 1998 г. произошел бурный процесс возникновения новых партий (при сохранении трех упомянутых, причем Голкар получил формальный партийный статус, Демократическая партия Индонезии получила дефиницию – «борющаяся»). В законе о политических партиях указывается, что их собственные идейные и политические установки не могут противоречить основным положениям Конституции 1945 г. и государственной идеологии. Не был отменен запрет, наложенный режимом «нового порядка» на существование коммунистической партии, равно как и на ее идеологию. В равной мере не пересматривается официальная трактовка событий октября 1965 г. как коммунистического мятежа, хотя выявлены важные факты, свидетельствующие об обратном.

В соответствии с законодательством главным содержанием деятельности партий должна быть реализация на практике национальных устремлений, заложенных в конституции, служить упрочению единства и целостности Республики Индонезии, развитию демократии, утвержде-

нию народного суверенитета, благополучия и процветания всего индонезийского народа. Политические партии получили право создавать под своей эгидой общественные организации.

Приведенные условия в принципе не противоречат общепринятым демократическим и правовым нормам с той лишь оговоркой, что некоторые из них подвержены неоднозначному толкованию и в определенных ситуациях могут быть использованы властью для ограничения прав партий.

С инициативой создания политической партии могут выступать группы граждан Индонезии численностью не менее 30 человек, достигших 30-летнего возраста, в каждой из 39 провинций страны. Факт возникновения партии должен быть зафиксирован специальным актом, составленным группой в составе не менее 50 представителей от основателей партии и заверенным нотариусом. Основатели и руководители новой партии не могут быть членами какой-либо другой партии. Не менее 30% членов партии должны составлять женщины. Эта норма действует и в отношении состава руководящих партийных структур. Членами партии не могут быть государственные служащие. Исключение составляют министры центрального правительства.

Специфической особенностью партийной системы в Индонезии следует считать то обстоятельство, что, будучи поставлены в рамки государственной идеологии в интерпретации государственной власти, далеко не все партии оказываются в состоянии выработать собственную платформу и программу, которая в принципе отличалась бы от документов других партий.

Во многих случаях успех партии на выборах определялся не ее программными установками, а личностью лидера, харизмой, окружающей его или унаследованной от предков. Примером может служить самая влиятельная в

стране Демократическая партия Индонезии (борющаяся), которую с конца 1990-х гг. возглавляет стоявшая у ее истоков Мегавати Сукарнопутри, дочь первого президента Республики. Ее вероятной преемницей будет ее дочь Пуан Сукарнопутри, в последние годы спикер парламента. Однако Партия демократов дает другой пример. На парламентских выборах 2004 г. ПД получила сравнительно небольшой процент голосов, но ее лидер основатель генерал в отставке Сусило Бамбанг Юдойоно на первых в истории Индонезии прямых президентских выборах был избран главой государства. На выборах 2009 г. он сохранил свой пост, а его партия получила в три раза больше голосов. Но в настоящее время его преемником на посту лидера партии является его сын.

Не будет преувеличением сказать, что для лидеров большинства системных партий политическая деятельность сводится по своим целям к получению возможно большего представительства в парламенте, кабинете министров и других высших институтах власти. Примером может служить избирательная кампания 2019 г., когда на пост главы государств баллотировались действовавший президент Джоко Видодо и генерал в отставке Прабово Субианто, лидер оппозиционной партии «Движение за великую Индонезию», опиравшийся, в частности, на поддержку радикальных исламистов и прибегавший к самым грубым формам полемики. Когда же на выборах победил Джоко Видодо, который предложил генералу пост министра обороны, последний без колебаний принял это предложение, а его партия примкнула к правительственной коалиции в парламенте.

Как отмечают авторитетные индонезийские аналитики, доминирующим влиянием в партиях нередко пользуются узкие группировки олигархов, во многом определяющие политику партий и создающие родственные династии. По крайней мере, отчасти поэтому, как регулярно

показывают опросы общественного мнения, партии как политические институты занимают последнее место в рейтинге доверия населения.

По итогам парламентских выборов 2019 г. в Совете народных представителей присутствуют девять партий, из которых семь составляют правительственную коалицию: Демократическая партия Индонезии (борющаяся) – 128 мест, Организация функциональных групп (Голкар) – 85 мест, Движение за великую Индонезию (лидер – Прабово Субианто) – 78 мест, Национально-демократическая партия Индонезии – 59 мест, Партия национального возрождения – 58 мест, Партия национального мандата (на президентских выборах поддерживала Прабово Субианто, но потом примкнула к правительственной коалиции) – 44 места, Партия единства и развития – 19 мест. В оппозиции – Партия демократов – 54 мандата и Партия справедливости и процветания – 50 мандатов. Таким образом, правительственное большинство занимает 471 место против 104 депутатов оппозиции.

Из перечисленных девяти партий четыре являются мусульманскими: Партия национального возрождения, Партия национального мандата, Партия единства и развития и оппозиционная Партия справедливости и процветания, которые в общей сложности имеют 171 место – меньше одной трети общего числа депутатов. В целом это тот же уровень, которого достигали мусульманские партии на последних избирательных кампаниях. Является фактом, что религиозная оболочка полемики в ходе выборных кампаний часто прикрывает борьбу за посты в парламенте и органах власти.

В условиях Индонезии, где немногим менее 90% населения причисляют себя к верующим мусульманам, это может показаться аномальным. На деле отношение избирателей к партиям, позиционирующим себя как мусульманские, далеко не полностью отражает роль и место

и религиозных институтов в современной Индонезии. В то же время системные мусульманские партии, судя по всему, недостаточно остро реагируют на актуальные политические и социальные проблемы страны. Эта ситуация может измениться со сменой поколений, которая сейчас протекает практически во всех партиях, хотя наряду с естественной сменой кадров в ряде случаев передача постов происходит в рамках семейных связей.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Изменения в партийной системе после 1998 г.
2. Условия создания политических партий.
3. Особенности положения политических партий в условиях монополии государственной идеологии

Рекомендуемая литература:

1. *Другов А.Ю.* Индонезия на грани столетий (1996–2006). М., 2011.
2. *Ефимова Л.М.* Политические системы стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Бруней). М.: Изд-во МГИМО, 2016.
3. *Тюрин В.А.* История Индонезии. М., 2004

Специфика индонезийской ситуации побуждает выделить в качестве важнейших факторов, определяющих развитие политической системы и становление гражданского общества, роль религии и вооруженных сил.

§ 2.5. Религиозная ситуация

Ислам пришел на архипелаг, который в будущем станет Индонезией, с азиатскими торговцами, первоначально на север острова Суматра, и с течением времени продвигаясь по островам, сочетался с индуизмом, буддизмом и местными верованиями, становясь все более син-

кретичным. В колониальную эпоху сюда пришли католическая и протестантская религии.

Республику Индонезию нельзя однозначно считать светским или религиозным государством. Принцип религиозности, веры в Бога-вседержителя, занимает первое место среди пяти принципов государственной идеологии. Будучи внесен в преамбулу основного закона, он делает религиозность обязательной для гражданина страны. При этом слово «Бог» в этом контексте звучит нейтрально, ближе к русскому «Господь», а не мусульманскому «Аллах». Графа «вероисповедание» включена в паспорта и подлежит обязательному заполнению. Таким образом, атеизм исключается из правового поля.

В ходе обсуждения принципов панча сила и проекта конституции в 1945 г. представители мусульманских объединений настаивали на том, чтобы к принципу религиозности была добавлена обязанность лиц, исповедующих ислам, соблюдать требования законов шариата. Однако это предложение было отклонено большинством националистического толка.

Статья 29 конституции, не подвергшаяся изменениям и дополнениям и сохранившая тот вид, в котором была принята в 1945 г., гласит, что индонезийское государство основано на вере в Единого Бога и обеспечивает свободу граждан исповедовать свою религию и отправлять обряды в соответствии со своими верованиями. В соответствии с этим, в законах о браке предусмотрено право мусульман на многоженство (до четырех жен) при условии равного отношения мужа к ним и его способности их материально обеспечить.

Статья 28J основного закона определяет, что граждане Индонезии при осуществлении своих прав и свобод должны, в частности, придерживаться религиозных ценностей. Статья 31, п.5 гласит, что правительство содействует развитию науки и технологий, высоко неся религи-

озные ценности. Эти положения фактически могут трактоваться, в частности, как ограничивающие свободу научных исследований, как в точных, так и в гуманитарных отраслях науки.

Законодательно установлено, что баллотироваться на выборах во все органы власти могут лица, исповедующие одну из признанных в Индонезии религий. Те же требования предъявляются к лицам, желающим поступить на военную службу. Одна из статей уголовного кодекса предусматривает тюремное заключение сроком до пяти лет за публичные высказывания, которые могли бы побудить других лиц отказаться от своего вероисповедания.

Вместе с тем, проблема религии остается одной из самых острых в современной политической жизни Индонезии, и религиозную окраску (преимущественно радикально исламистскую) принимают многие политические и социальные проблемы. Исламские фундаменталисты не принимают нынешнюю форму политической системы и выступают за введение обязательного исполнения законов шариата, отказ от нынешней конституции, которую они считают светской, превращение Республики Индонезии в исламский халифат. Они не составляют большинства в мусульманской умме (общине), но своей активностью они в ряде случаев привлекают на свою сторону низы, недовольные социальными условиями, в других случаях прибегают к террористическим актам. Их деятельность не только подрывает стабильность в стране в целом, но и создает потенциальную угрозу нагнетания сепаратистских настроений в тех регионах Индонезии, где большинство составляют сторонники других религий – индуистской, буддистской, христианской или традиционных верований.

В условиях углубляющихся социально-имущественных различий, ислам с его догмой равенства людей перед Всевышним для части граждан становится идеологией со-

циальной справедливости, и в последнее время отмечается рост сторонников радикальных идей среди студенчества, чиновничества и даже военнослужащих. Кроме прочего, для многих индонезийских мусульман ислам не только и не столько образ мыслей и нормы поведения, сколько символ духовного суверенитета, куда не дано вмешиваться никому, включая власть.

Поэтому правительство, правоохранительные органы идут на кардинальные меры, включая роспуск радикальных организаций. В то же время в 2000-х гг. власть пошла на соглашение с исламскими сепаратистами в провинции Аче (северная оконечность острова Суматра), разрешив введение там законов шариата практически в полном объеме в обмен на прекращение антиправительственной активности. Сейчас в Аче применяются почти все нормы мусульманского закона вплоть до публичных телесных наказаний мужчин и женщин.

Активизация радикальных исламистов побудила власти принять в ноябре 2017 г. поправки к закону об общественных организациях. Были обозначены 12 видов запрещенной деятельности, включая возбуждение вражды против народностей, рас, религий и социальных групп, а также проповедь сепаратизма. Запрещено следовать учениям или воззрениям, противоречащим государственной идеологии. Право принимать решение о том, насколько деятельность данной организации соответствует нормам закона, предоставляется министру юстиции и по правам человека, и в случае, если она будет признана противозаконной, роспуск организации осуществляется во внесудебном порядке. Правозащитники указывают, в частности, что эти положения подвержены расширительному толкованию.

В структуре индонезийского правительства с 1946 г. имеется министерство по делам религий, в составе которого действуют, в частности шесть управлений по «руковод-

ству соответствующими религиозными общинами» (официальная формулировка). В задачи министерства входит формулирование, утверждение и проведение в жизнь политического курса государства в религиозной сфере.

Одним из самых влиятельных мусульманских институтов является Совет улемов Индонезии, созданный еще в 1975 г. правительством «нового порядка». В него входят наиболее авторитетные мусульманские богословы, представляющие практически все мусульманские организации, за исключением некоторых сект, в частности, шиитов и Ахмадия.

При создании Совета улемов перед ним были поставлены три задачи: 1. повышать роль религии в обществе в соответствии с основами государственной идеологии; 2. привлекать священнослужителей и богословов к участию в программах национального развития; 3. поддерживать гармоничные отношения между различными религиями в Индонезии. В новых условиях, после падения режима «нового порядка», роль Совета изменилась. Оставшись на государственном финансировании, он принял на себя роль «критического партнера правительства», посредника между властью и мусульманской общиной. Совет издает фетвы (заключения), в которых содержится его позиция по важнейшим вопросам государственного курса в политических, экономических и социальных вопросах. Оставаясь вполне системным институтом, СУИ не всегда занимает позиции, совпадающие с курсом государственных органов.

О влиянии и значении Совета улемов можно судить хотя бы по тому факту, что в 2019 г. его председатель Ма'руф Амин стал вице-президентом Республики Индонезии.

На парламентских выборах в 2019 г. за четыре мусульманские партии проголосовали в общей сложности менее 30% избирателей, принявших участие в голосо-

нии. Это может отражать одновременно два феномена. Первый заключается в том, что далеко не все индонезийцы, исповедующие ислам, готовы принять его учение за основу формирования политической системы страны. Второй, по-видимому, отражает то обстоятельство, что не все мусульмане (меньшинство) считают эти партии достаточно радикальными. Но одновременно на мусульманские партии распространяется и низкий уровень доверия населения к политическим партиям, о котором говорилось выше.

Президент Джоко Видодо в апреле 2021 г. выдвинул перед религиозными организациями страны четыре наиболее актуальные, по его мнению, задачи:

1. Превыше всего ставить принципы национального бытия, заключенные в конституции, блюсти верность государственной идеологии.
2. Высоко нести принципы толерантности, уважать различия, право людей придерживаться своих верований и выражать свое мнение, быть готовыми к сотрудничеству.
3. Выступать против насилия и призывов к насилию.
4. Уважать местные традиции, искусство и культуру, наследие предков, быть открытыми по отношению к этому наследию в соответствии с девизом «Единство в многообразии».

Эти принципы отражают в принципе тот комплекс проблем, которые существуют в религиозной сфере как части политической системы. Последний же пункт касается не только нередких столкновений на местах между представителями различных религий или различных сект внутри одной религии, но и полемики между консервативными мусульманскими деятелями и защитниками принципа многообразия индонезийского общества. Последний пример – выступление в 2022 г. видного представителя мусульманской общины против классического ин-

донезийского народного театра «ваянг», где практически все сюжеты и персонажи заимствованы из индуистской мифологии, но уже в течение веков они воспринимаются населением как органическая часть национальной культуры.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Какие религии официально признаны в Индонезии, их роль, как она отражается в законодательстве?
2. В чем причина исламского радикализма и позиция индонезийского правительства в этом вопросе?
3. Какой видит индонезийское правительство роль религиозных организаций в стране?

Рекомендуемая литература:

1. *Другов А.Ю.* Религия, общество и власть в современной Индонезии. М., 2014.
2. *Ефимова Л.М.* Религиозные традиции в политической жизни современной Индонезии (1965–1992). М., 1992.
3. *Сычев В.Ф.* Индонезия и мусульманский мир в XX веке. М., 2009.
4. *Цыганов В.А.* История Индонезии. Часть 2. М., 1993.
5. Журнал «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН, 1999–2021.

§ 2.6. Вооруженные силы

Проблема роли и прерогатив вооруженных сил Индонезии остается одной из ключевых в процессе демократизации политической системы Индонезии после смены режима в 1998 г. В предшествующий период армия, прежде всего сухопутная, была не только самостоятельной частью системы, но и практически ее основой. Офицерский

корпус, генералитет являлись самодовлеющим политическим институтом.

В первоначальном тексте конституции 1945 г. армия, вооруженные силы вообще не упоминались, а глава об обороне государства сводилась к тому, что эта задача является правом и обязанностью всех граждан страны. В 2000 г. эта глава была существенно расширена. Указывается, что оборона и защита безопасности государства возлагаются на Национальную армию Индонезии (это название было введено вместо существовавшего ранее «Вооруженные силы Республики Индонезии», чтобы отмежеваться от эксцессов, имевших место в период режима «нового порядка», где армия играла главенствующую роль) и Государственную полицию Республики Индонезии при опоре на поддержку народа. При этом армия и полиция, которые до 1998 г. входили в единый институт вооруженных сил, теперь были разделены.

На армию возлагается задача оберегать и обеспечивать целостность и суверенитет государства, полиция призвана поддерживать безопасность и общественный порядок, защищать население и выполнять правоохранительные функции. В то же время эта глава конституции заканчивается пунктом, гласящим, в частности, что соотношение прерогатив армии и полиции будет определяться соответствующими законами. Фактически была отменена действовавшая ранее доктрина «двойной функции вооруженных сил», в соответствии с которой армия была самостоятельным политическим институтом.

В 2004 г. был принят закон № 34 о статусе вооруженных сил, отменивший предоставление армии отдельной фракции в выборных органах и лишавший военнослужащих, находящихся на действительной военной службе, права избираться в органы власти и занимать посты в гражданских органах и государственном аппарате. Статья 2 этого закона гласит, в частности, что вооруженные силы

следуют политическому курсу государства, содержащему демократические принципы первенства гражданских институтов, прав человека. Армия должна строго придерживаться действующих национальных и международных законов.

В законе указывается, что армия не вправе вмешиваться во внутривнутриполитические конфликты. Воинские подразделения могут привлекаться к подобным операциям, но при этом руководящая роль должна оставаться за полицейскими органами. На практике эти ограничения не всегда соблюдаются, и военные органы в ряде случаев непосредственно и по своей инициативе участвуют в таких операциях. Это чаще всего имеет место в форме акций против исламских радикалов, которые рассматриваются как источник угрозы безопасности и целостности индонезийского государства. В качестве примера можно привести события 2019 г., когда командующий столичным военным округом принял весьма жесткие меры против сторонников радикального ислама, активизировавшихся в связи с возвращением из эмиграции их лидера. Но имеют место случаи, когда армейские подразделения вместе с полицией участвуют в разрешении межобщинных конфликтов в деревнях.

В 2021 г. террористами были законодательно объявлены вооруженные сепаратисты в провинции Папуа, что создало правовое обоснование для привлечения армии к борьбе против них в качестве самостоятельного института.

Верховным главнокомандующим вооруженными силами является президент, который назначает главнокомандующего из числа начальников штабов видов вооруженных сил – сухопутных войск, военно-морского флота и военно-воздушных сил. В принципе при этом назначении должна соблюдаться очередность, однако на практике приоритет чаще отдается военачальнику из сухопутной армии, что отражает весьма существенное влияние, кото-

рым этот вид вооруженных сил пользуется в политической жизни государства. Министром обороны в течение некоторого времени после 1998 г. назначались гражданские политики, однако, эта практика изменилась при президенте Джоко Видодо. Но непосредственное управление армией осуществляет главнокомандующий, к ведению министра в основном отнесены вопросы военно-технического оснащения армии, повышения уровня вооружений.

В ряде случаев армия продолжает исполнять сугубо гражданские функции. В частности, полностью сохраняется институт сержантов-наставников в сельских населенных пунктах, в задачу которых входит отслеживание всех сторон жизни населения, включая политические настроения, экономическую ситуацию, появление посторонних лиц и т.п. Сержанты-наставники, как и раньше, подчиняются командованию военного района, а не гражданской администрации.

В 2005 г. правительство своим постановлением разрешило военнослужащим, находящимся на действительной службе баллотироваться на должности глав местных администраций. Хотя в этом случае предусматривается временное отстранение офицера или генерала от исполнения его служебных обязанностей, тем не менее, велика вероятность того, что традиционные отношения в военной иерархии будут превалировать над другими соображениями и нормами.

Находящиеся в отставке генералы (главным образом, сухопутных войск), часто назначаются на ключевые посты в гражданских правительственных структурах. Так в кабинете президента Джоко Видодо, его аппарат возглавил бывший главнокомандующий вооруженных сил генерал в отставке Мулдоко, а министром-координатором по вопросам инвестиций и морских сообщений является отставной генерал Лухут Панджаитан. В ряде случаев генералы на высоких

постах в правительстве проявляют самостоятельность и политическую инициативу, выходящие за границы их компетенции. В среде отставных военных деятелей распространено критическое отношение к реформам после 1998 г., которые они оценивают, как излишне либеральные. Фактически армия, прежде всего сухопутная, продолжает позиционировать себя как едва ли не главный оплот существующего единого государства.

Несмотря на антидемократическое наследие, которое индонезийская армия, ее генералитет и офицерский корпус несут со времен режима «нового порядка», опросы общественного мнения свидетельствуют, что вооруженные силы устойчиво занимают первое место по уровню доверия со стороны населения (95% в декабре 2021 г.), опережая президента, который занял второе место. И это притом, что армия как институт фактически развивается, подчиняясь собственным законам, и недоступна сколь-нибудь реальному контролю со стороны общества. Иными словами, большинство индонезийских граждан доверяют армии больше, чем президенту и парламенту, которые они сами избирают раз в пять лет. Отчасти это объясняется тем, что в отличие от других государственных институтов армия в наименьшей мере ассоциируется с углублением имущественного расслоения, социального неравенства, коррупции. В то же время нужно отметить, что в последнее время случаи правонарушений и коррупции со стороны военнослужащих стали чаще освещаться в средствах массовой информации.

Анализ этого феномена должен касаться не только и не столько состояния вооруженных сил и их элиты, сколько современного состояния политической культуры индонезийского общества. В более широком плане речь идет о состоянии демократического процесса в Индонезии, о том, как и в каком качестве видит себя большинство индонезийцев в этом процессе.

Можно предположить, что в основе здесь лежит дефицит в политической культуре большинства населения самоощущения как субъекта общественно-политической жизни и инстинктивное желание переложить эту ответственность на другого. Армия в этом отношении символ патриархальности и готовности принимать решения за и вместо индивида. Свою роль здесь играют и те слабости партийной системы, о которых говорилось выше.

В существенной мере это может служить и индикатором процесса становления гражданского общества в Индонезии.

Вместе с тем, можно отметить, что в последнее время – конец 2021 – начало 2022 гг. – со стороны командования вооруженных сил проявляется известная тенденция к большей открытости в освещении проблем, стоящих перед вооруженными силами, и путей к их разрешению. Армия в целом практически не отказывается от своей политической роли, но намерена осуществлять ее в более конституционных границах.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Назовите основные факторы, определяющие роль армии в политической системе Индонезии.
2. Какие изменения были внесены после 1998 г. в официальный статус армии в современной политической системе Республики Индонезии?
3. Какова реальная роль военной элиты в политической системе страны и причины этого явления?

Рекомендуемая литература:

1. *Другов А.Ю., Тюрин В.А.* История Индонезии. XX век. М., 2005.
2. *Другов А.Ю.* Индонезийская армия и демократические реформы// Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 1, № 1-2 (38-39), 2018.

3. Мирский Г.И. «Третий мир»: Общество, власть, армия. М., 1976.
4. Журнал «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития». М.: ИВ РАН, 1999–2021.

§ 2.7. Становление гражданского общества

Под гражданским обществом понимается негосударственная сфера жизнедеятельности общества, осуществляемая гражданами, их политическими и неполитическими самостоятельными организациями по реализации своих интересов, как без участия государства, так и путем взаимодействия с ним. Это совокупность граждан, не приближенных к государственной власти, совокупность общественных отношений вне рамок властно-государственных структур и влияющих на эти структуры через демократические институты.

Очевидно, что гражданское общество возникает на определенном этапе развития нации, общества, государства. В Индонезии начало периода демократических реформ 1998 г. можно с некоторыми оговорками принять за стартовую линию создания условий для сформирования гражданского общества. На этом пути перед индонезийской нацией с присущим ей многообразием этносов, конфессий, культур и традиций стояли и в значительной мере сохраняются существенные препятствия. Началу реформ предшествовали три эпохи в истории независимой Индонезии. Первый – период освободительной войны, когда превыше всего была идея единства в борьбе против колонизаторов. Затем, после весьма короткого периода парламентской демократии, наступила эпоха левонационалистического авторитарного режима «направляемой демократии», которую сменил 32-летний военно-авторитарный «новый порядок». В этих условиях по раз-

ным причинам у абсолютного большинства индонезийцев не могло выработаться то достаточно устойчивое самощущение, которое, безусловно, является главным условиям становления гражданского общества.

К этому необходимо добавить, что большинству этносов присуще сохранение патриархально-общинных традиций. Это достаточно ярко отражается, в частности, в том, что в обращении практически к каждому вышестоящему по должности или положению лицу, вплоть до президента, употребляется слово «бапак» – «отец», его супруга, а также женщина, занимающая высокий пост, фигурируют как «мать». Отметим, что в эпоху Сукарно официальным обращением было слово «судара» (дословно «брат»), которое было отменено после его смещения, поскольку слишком отдавало эгалитаризмом.

Вместе с тем, период «нового порядка» упрочил в массах уверенность, что насилие является едва ли не единственным способом обеспечить свои интересы. Сдержанность и покорность, которые нередко выдавались за черты, извечно присущие малайским этносам, неоднократно сменялись безудержным насилием при возникновении социально-политических, имущественных, религиозных конфликтов.

После падения режима «нового порядка» в 1998 г. у власти осталось немало представителей правящей элиты и их прямых наследников, лично не заинтересованных в создании гражданского общества. Отсюда сакрализация государственной идеологии в трактовке, делающей упор на традиции общинного уклада как издревле и навечно присущего индонезийскому народу. Два десятилетия, прошедшие со времени принятия поправок к конституции, придавших ей значительно более современный и демократический характер, отмечены полемикой, в ходе которой влиятельные политические деятели высказываются в том смысле, что эти поправки противоречат самобытности

индонезийского общества, государственной идеологии. В частности, утверждают, что голосование по принципу «один человек – один голос» противоречит тому принципу «панча сила», который гласит, что решения должны приниматься на основе консультаций.

Как представляется, монопольное положение государственной идеологии является одним из препятствий на пути к созданию гражданского общества. Как говорилось выше, в условиях, когда идеологическая состязательность между социальными и политическими группировками на легальном политическом поле исключена, исламский радикализм становится едва ли не единственной идеологией социального равенства, противостоящей официальному курсу, в рамках которого существует и углубляется имущественное неравенство. Но радикальный ислаимзм, помимо всего прочего, не предполагает тех прав, той самооценки, той личной самостоятельности, которые являются необходимыми элементами гражданского общества. Исламисты требуют не равных позиций с властью, а замену ее другой формой, более диктаторской.

Коллективизм на основе «панча сила» не порождает волей суверенных индивидов, сознательно и добровольно делегирующих обществу часть своих прав. Это скорее коллективизм, предписываемый властью людям, чье сознание должно соответствовать уровню членов сельской общины, быть во многом патриархальным. В нем есть существенный элемент эгалитаризма, но это в лучшем случае стремление к равенству перед властью (как правило, отчасти иллюзорному), а не ощущение себя субъектом процесса, находящимся на одном уровне с властью.

Поскольку власть принимает на себя роль единственного толкователя «панча сила», любая критика власти может быть представлена как деяние, направленное

против национальной идеологии, против национального согласия и единства.

Таковы в общих чертах препятствия, тормозящие продвижение к гражданскому обществу в Индонезии. Тем не менее, существенный процесс в этом отношении достигнут. Одним из самых существенных проявлений прогресса в этом смысле было принятие на конституционном уровне категории основных прав человека, что совершенно очевидно является необходимым условием утверждения гражданского общества. В 2000 г. Народный консультативный конгресс включил в основной закон главу «Основные права человека». В целом положения этой главы были сформулированы с учетом мировых стандартов и традиций. За гражданами Индонезии признается право на жизнь и защиту от насилия и дискриминации, на развитие и образование, приобщение к культуре и искусству, участие в общих усилиях по развитию общества, нации и государства.

Обеспечивается право на равенство и справедливость перед законом, на участие в управлении страной. Гражданам предоставляются гарантии от пыток и действий, унижающих человеческое достоинство, а также право искать политическое убежище за пределами страны. Указывается, что право на жизнь, свободу от пыток, свободу выражения мнения и убеждений, исповедование религии, свободу от порабощения, достоинство перед лицом закона и недопустимость обратного действия закона, относятся к основным правам человека и не должны умаляться ни при каких условиях.

В главу конституции о местном самоуправлении включен пункт, который определяет, что государство признает и уважает права общин, основанные на обычном праве (адате), в той мере, в какой эти нормы продолжают реально действовать и соответствуют процессу общественного развития и принципам Унитарного государства

Республики Индонезии. Необходимость этого пункта вызывается тем, что нередко, особенно в сельской местности, обычное право имеет реальный приоритет перед формальными правовыми нормами. Политическая система на местах часто остается под сильным влиянием традиционной политической культуры.

Ответственность за совершенствование, упрочение и обеспечение основных прав человека основной закон возлагает на государство, прежде всего, на правительство. Принятие этих конституционных положений, создававших основу для продвижения к гражданскому обществу, было несомненным успехом, достигнутым в условиях подъема демократических устремлений после падения авторитарного режима.

Тем не менее, не приходится отрицать, что в индонезийском обществе с его культурными, этническими, цивилизационными и конфессиональными особенностями чрезвычайно сложно достичь общего понимания и осуществления прав человека. Министр по делам религий Якут Холил Кумас в декабре 2021 г. указывал, что есть ряд категорий, в которых признанные в международных масштабах права человека не совпадают с теми концепциями, которые бытуют в Индонезии и в исламе. Министр призвал искать точки соприкосновения и взаимодействия в этой области. Одним из самых красноречивых примеров в этом отношении может служить тот факт, что, как говорилось выше, в провинции Аче (на севере о. Суматра) законы шариата действуют в полном объеме, и телесные наказания исполняются публично и с публикацией в СМИ. Характерно, что это не вызывает негативной реакции в других регионах Индонезии, и это может служить известным индикатором уровня гражданского общества в стране.

Однако существенную роль играют не только различия в политической культуре разных групп и слоев обще-

ства, но и собственные интересы политических элит. Так остается нерешенной проблема расследования грубейших нарушений прав человека, имевших место, как в период режима «нового порядка», так и в начале эпохи реформ, несмотря на неоднократные обещания, которые даются на самом высоком уровне. Власти при этом ссылаются на недостаточность доказательной базы, но правозащитные организации с полным основанием указывают, что за этим стоят те силы, которые были причастны к этим нарушениям и сохраняют достаточно влиятельные позиции во властных структурах в наше время. Здесь в первую очередь речь идет о военной элите, поскольку именно ее лидеры в большинстве случаев стояли за этими нарушениями. Признание этого факта создало бы угрозу для престижа армии, которая позиционирует себя как едва ли не главный оплот целостности и безопасности государства.

Существенные ограничения бытуют и в области политических свобод, свободы слова и печати, хотя ситуация здесь, конечно, несравнима с положением до 1998 г. Так, в ноябре 2017 г. были приняты поправки к закону о статусе общественных организаций, в которых, в частности, содержится запрещение следовать учениям и воззрениям, противоречащим государственной идеологии. Этот запрет подвержен широкому спектру толкований. Право принимать решение о том, насколько деятельность организации соответствует нормам этого закона, предоставляется министру юстиции и по правам человека, и в случае признания нарушения роспуск организации осуществляется во внесудебном порядке.

Проявления радикального исламизма, перерастающего в терроризм, естественно побуждают власть к принятию жестких мер по обеспечению безопасности граждан и государства. Но эти меры фактически оборачиваются и против широких масс населения, ограничивая права на собрания, высказывания, выступления в печати.

Свою роль играет и политическая культура населения. Выше говорилось о том, что армия пользуется самым высоким уровнем доверия в сравнении с другими политическими институтами. Наиболее красноречивым примером может служить карьера генерала Прабово Субианто, игравшего важную роль в «новом порядке», участвовавшего в целой серии грубейших нарушений прав человека и вынужденного в этой связи даже эмигрировать. Но по возвращении из эмиграции он основал политическую партию «Движение за Великую Индонезию» (индонезийское сокращение Гериндра), завоевавшую в 2019 г. 14% мест в парламенте. Сам генерал в 2014 и 2019 г. баллотировался на пост президента и на последних выборах получил 44,5% голосов. Не исключается его участие в президентских выборах и в 2024 г.

Как справедливо отмечают индонезийские исследователи, трудности в демократизации политической системы Индонезии, включая построение гражданского общества, во многом проистекают из того, что движущую силу этого процесса в основном составляет только средний класс города. Фактически игнорируются слои общества, находящиеся вне пределов городов, включая весьма значительное сельское население, большая часть которого остается в рамках общинного образа жизни и мышления. Община по-прежнему выступает как некое единство, в котором целое важнее, чем его части, в особенности, когда этой частью является личность, играющая в общине весьма ограниченную роль.

Таковы в общих чертах препятствия, которые сохраняются на пути к формированию гражданского общества. Тем не менее, существенное продвижение в этом направлении имеет место. В стране возник и действует ряд неправительственных организаций, ставящих своей задачей соблюдение и упрочение прав человека. В марте 1998 г. на волне подъема оппозиционных настроений несколько

общественных организаций создали Комиссию по розыску пропавших и жертв насилия. Первоначально Комиссия занималась преимущественно конфликтами между центром и регионами, а также внутренними конфликтами в регионах, но вскоре вышла на проблемы нарушений прав человека в целом, в том числе и в результате злоупотреблений со стороны властей. Комиссия имеет отделения в ряде наиболее проблемных провинций. Комиссия регулярно ставит перед правительством вопросы о нарушениях в этой области, но ее взаимодействие с властями носит неровный характер, в частности, требования рассмотреть нарушения прав человека, имевшие место до и после 1998 г., все еще остаются невыполненными, несмотря на заверения лично президента.

Конфедерация профессиональных союзов человека была создана в 2003 г., входящие в нее профсоюзы в 2021 г. насчитывали 2,9 млн. человек. Конфедерация в ряде случаев занимает весьма жесткую позицию по отношению к властям и работодателям. Конец 2021 г. ознаменовался в ряде городов массовыми демонстрациями рабочих, требовавших повышения минимального уровня заработной платы и отмены принятого парламентом закона о создании новых рабочих мест, который в значительной мере ущемляет права трудящихся. Власти в целом не препятствовали демонстрациям.

В стране ведет активную деятельность Общество покровительства свидетелям и жертвам нарушений прав человека, в том числе и пострадавшим в результате событий 1965 г., но будучи крайне ограничено в материальных ресурсах, оно далеко не полностью справляется с этой гуманной задачей.

В 1998 г. была создана Национальная комиссия по борьбе с насилием против женщин как независимый орган, финансируемый из бюджета и за счет пожертвований. В качестве задач комиссии обозначены:

- создание условий для устранения всех видов насилия по отношению к женщинам, утверждение их основных прав;
- активизация мер по преодолению и предотвращению всех видов этого насилия;
- распространение информации о правах женщин;
- анализ действующего законодательства и внесение предложений правительству.

Эта проблема активно освещается в средствах массовой информации.

Из государственного бюджета и за счет пожертвований финансируется также Комиссия по защите детей.

Важную роль играет Союз мусульманской интеллигенции Индонезии. Он был создан еще в период «нового порядка» в 1990 г. как организация, противостоящая радикальному и консервативному исламу и выступающая с позиций совместности ислама и потребностей современного развития науки и общества. После 1998 г. СМИИ в целом сохранил свои функции. Оставаясь в целом системной организацией, Совет нередко выступает с критикой позиций властей и отдельных представителей власти в вопросах религии.

Аналогичным образом, созданные еще в период авторитарного «нового порядка» вполне системные тогда Институт правовой помощи (1970 г.) и Национальная комиссия по основным правам человека (1993 г.) сейчас действуют как вполне самостоятельные организации и нередко выступают с позиций, далеко не совпадающих с позициями власти.

Процесс становления гражданского общества в любой стране органично связан с развитием политической системы, которое столь же органично переплетается с развитием политической культуры общества. Существует ряд определений политической культуры, но в контексте данной темы укажем, что в ее основе лежит комплекс прису-

щих данному обществу или отдельной общественной группе представлений о взаимоотношениях между личностью, группой, обществом и государственной властью. При этом должны приниматься во внимание не только фактическая роль каждой из этих сторон, но и субъективное восприятие этих ролей в массовом сознании, в какой мере они воспринимаются как естественные и не подлежащие произвольным изменениям. Эволюция этого представления и восприятия лежит в основе развития политической культуры.

Процесс утверждения политической культуры гражданского общества в Индонезии находится на начальном этапе развития, хотя уже пройдены некоторые важные ступени. Падение «направляемой демократии», а затем военно-репрессивного «нового порядка» способствовали десакрализации государственной власти, по крайней мере, в глазах значительной части граждан. Однако сохранение позиций армии как института, в значительной мере находящегося вне пределов общественного контроля и одновременно пользующегося высшим уровнем доверия говорит о многом. В то же время выборные органы власти, в формировании которых граждане принимают непосредственное участие, в отношении доверия находятся на последнем месте. Это говорит не только о качестве их деятельности, но и о самооценке избирателей, об оценке ими политической системы и своей роли, своего места в этой системе.

Тот факт, что не принадлежащий к традиционным элитам “self-made man” Джоко Видодо стал президентом, удержался на этом посту два срока и сохраняет достаточно высокий уровень доверия избирателей, служит несомненно позитивным индикатором. Но его весьма близкий соперник и весьма возможный претендент на пост президента – генерал Прабово Субианто, порождение «Нового порядка» со всеми его «родимыми пятнами». И это тоже

индикатор современной политической культуры, заслуживающий внимания.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Основные характеристики гражданского общества.
2. Какие успехи достигнуты в Индонезии в продвижении к созданию гражданского общества?
3. В чем заключаются наиболее существенные современные препятствия к созданию гражданского общества?
4. Основные характеристики и содержание политической культуры.

Рекомендуемая литература:

1. *Другов А.Ю.* Индонезия на грани столетий. (1997–2006 гг.). М., 2011.
2. *Другов А.Ю.* Религия, общество и власть в современной Индонезии. М., 2014.
3. Журнал «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития». 1999–2021 гг.

Глава 3. ФЕДЕРАЦИЯ МАЛАЙЗИЯ

§ 3.1. Становление и эволюция политической системы в XX веке

На формирование и эволюцию современной политической системы Федерации Малайзии важное воздействие оказывали исторические и демографические особенности складывания государства, социально-экономической структуры, конфессиональная ситуация.

Государство делится на два изолированных и значительно удаленных друг от друга географических района – материковый и островной. Западная Малайзия, которая называлась раньше Малайей, занимает Малаккский полуостров. Восточная Малайзия включает в себя два района северной части о. Борнео – Саравак и Сабах. Западную и восточную части страны разделяет почти 600-километровое пространство Южно-Китайского моря. Большая часть границы Малайзии – морская. Вдоль западного и южного побережий Малаккского полуострова проходят Малаккский и Сингапурский проливы. Через эти проливы и Южно-Китайское море идут важнейшие мировые морские коммуникации из Индийского в Тихий океан.

Население Малайзии распределено крайне неравномерно по территории страны. В Восточной Малайзии, на долю которой приходится 60% территории, проживает лишь 17% населения, в то время как подавляющее большинство населения живет в Западной Малайзии, на которую приходится менее половины площади всей страны.

Малайзия – многонациональная страна. Её этнографическая карта отличается большой пестротой. Одной из

главных особенностей этнической структуры малазийского населения является отсутствие ведущего этноса, который составлял бы абсолютное большинство. Такое положение связано с историческими особенностями складывания населения страны.

Первое место по численности занимают малайцы, составляющие чуть больше половины всего населения страны (50,1%). Основными компонентами формирования малайской народности стали этнические группы, переселявшиеся на Малаккский полуостров с восточного побережья Суматры в VII–XIII вв. На втором месте по численности стоят китайцы – 22,6%. Китайцы стали проникать на Малаккский полуостров относительно небольшими группами еще в XIII–XV вв., но интенсивность притока китайских иммигрантов резко возросла во второй половине XIX в. в связи с началом английской колониальной эксплуатации страны, главным образом для работы на оловянных рудниках. Выходцы из стран Южной Азии, которых обычно называют индийцами, насчитывают примерно 9,1%. Их иммиграция на Малаккский полуостров усилилась после установления здесь колониального господства Англии и необходимости рабочей силы для работы на плантациях. На долю всех остальных этнических компонентов малайзийского населения приходится примерно 18,2% его численности. Сюда относятся разнообразные коренные народности Борнео (даяки, кадазаны, дусуны, бидаю и другие), автохтонные народности Малаккского полуострова т.н. оранг асли – семанги, сенои, джакуны. Чтобы укрепить позиции титульной нации в 1971 г. малайцы, народности Борнео и автохтонные жители Малаккского полуострова были объединены в единую группу так называемых «коренных жителей» под названием бумипутра (сыны земли) – 62%.

Население Малайзии крайне неоднородно по своему религиозному составу. Более половины (61,3%) составляют

мусульмане, представленные в своем большинстве малайцами, некоторыми выходцами из Южной Азии и арабских стран. Лица китайского происхождения придерживаются буддизма (19,8), конфуцианства, даосизма (1,3%). Христиане (преимущественно католики) составляют 9,2%, среди них есть китайцы, выходцы из Южной Азии, а также представители народов Борнео. Среди выходцев из Южной Азии есть приверженцы ислама, индуизма (6,3%), сикхизма (2%). Различных племенных культов придерживаются аборигенные этносы на полуострове Малакка, народы Борнео. Численность сторонников анимистических культов в последнее время идет на убыль в результате распространения ислама и в меньшей степени христианства. Большинство мусульман проживает в Западной Малайзии.

Наибольшее влияние на процесс политической борьбы оказывают малайцы и китайцы и их политические организации.

Малайцы, в частности, были поставлены в привилегированное положение на выборах, поскольку в отличие от других общин автоматически получали право гражданства. Именно в малайской общине заметное развитие получила чиновничья прослойка, которая начала формироваться еще в колониальное время из представителей местной аристократии, часть которой получила образование в Англии. На гражданской службе до 1953 г. были главным образом малайцы, сейчас на четырёх малайцев приходится один немалаец. Под контролем малайцев в настоящее время находятся практически все высшие сферы гражданской администрации, вооруженные силы и полиция. Они оказывают решающее влияние на выработку всех политических решений. В кабинете, сформированном в 2022 г., из 32 министров было 27 малайцев.

Китайская община, сформированная в результате процесса иммиграции, является в настоящее время со-

ставной и неотъемлемой частью населения Малайзии. Китайцы в основном проживают в городах и заняты в промышленности, сфере обслуживания и торговле. Большая часть богатств в Малайзии, если не принадлежит европейцам, является собственностью китайцев. 90% всех местных предпринимателей и дельцов в 1970-е гг. составляли китайцы. Им до сих пор принадлежат крупнейшие банки, некоторые из наиболее крупных каучуковых компаний и плантаций площадью более 500 акров, морские перевозки, 40% производства олова, почти вся деревообрабатывающая промышленность, розничная торговля.

Китайская община имеет отчетливо выраженную социальную дифференциацию и включает рабочих, а также мелкую, среднюю и крупную буржуазию. Именно среди китайцев возникли первые политические и профессиональные организации Малайзии, в том числе и компартия, внесшая значительный вклад в дело национального освобождения страны.

Политическая система современной Федерации Малайзии являет собой яркий пример сочетания западных и восточных черт, переплетения элементов западных либерально-демократических моделей и самобытных традиций национальной политической культуры. Государственное устройство современной Малайзии наглядно отражает историю образования страны.

Когда в конце XVIII в. англичане появились на Малаккском полуострове, здесь не существовало единого государства, а были мусульманские княжества (негри), возглавляемые суверенными правителями. Княжества, расположенные на севере полуострова на границе с Сиамом, рассматривались сиамскими королями как находящиеся в вассальной зависимости от них. Хотя сами малайские правители не всегда разделяли эту точку зрения, время от времени они посылали к сиамскому двору «золотой цветок» (бунга эмас) – искусно сделанные из золота и серебра

цветы, служившие в те времена символом признания могущества соседа.

Первым территориальным приобретением Англии в этом районе был остров Пинанг и лежащее напротив него побережье султаната Кедаха, полученные Британской Ост-Индской компанией в 1785 г. за военную помощь султану Кедаха. В 1824 г. между Англией и Голландией – двумя соперничавшими колониальными державами – был заключен договор, по которому Голландия уступила Англии город и форт Малакку и все зависимые от неё территории на полуострове в обмен на английское владение Бенкулен на Суматре. После заключения договора 1824 г. голландцами о разделе сфер влияния англичане начали укреплять свои позиции на полуострове, создав в 1826 г. на базе Сингапура, Пинанга и Малакки колонию Стрейтс-Сетлментс («Поселения у проливов»), объединив в т.н. федерированные штаты Перак, Селангор, Негери-Сембилан и Паханг во главе с английским резидентом и образовав из Джохора и Тренггану, а также полученных от Сиам по Бангкокскому договору 1909 г. Кедаха, Перлиса и Келантана т.н. «нефедерированные штаты», которые вынуждены были смириться с присутствием английских советников (соответственно в 1914 и 1919 гг.). Власть султана в каждом из девяти княжеств была сохранена, за местными феодалами остались их административные и судебные функции. При султанах нефедерированных штатов были созданы государственные советы из представителей аристократии. За малайскими землевладельцами на правах частной собственности были закреплены обширные земельные угодья, право на сбор с крестьян податей и на отработки. Однако реальная власть была сосредоточена в руках английского резидента и советников.

Одновременно англичане начали закрепляться и на севере острова Борнео. В 1841 г. английский авантюрист Джеймс Брук в обмен на военную помощь, оказанную им

султану Брунея, получил под свое управление территорию Саравака и титул раджи. Саравак был превращен во владение “белых раджей” из семейства Бруков, которые продолжали оставаться подданными британской короны. В 1888 г. Саравак и Сабах (еще одна территория на Борнео) стали английскими протекторатами, а в 1946 г. – коронными колониями Англии.

В 1942–1945 гг. владения Англии в Юго-Восточной Азии были оккупированы Японией. После капитуляции Японии вернувшиеся в страну англичане попытались провести в 1946 г. конституционную реформу, создав т.н. Малайский Союз, чтобы укрепить власть в новой, более централизованной и прямой форме. В соответствии с этой реформой, девять малайских княжеств (в основном султанатов), Пинанг и Малакка объединились в Малайский Союз, а Сингапур становился отдельной колонией. Ограничивались привилегии и власть малайских султанов, вводилось положение о едином гражданстве. Против конституционной реформы выступил ряд демократических организаций во главе с Компартией Малайи. Эти организации – Демократический союз Малайи, Малайская национальная партия и другие в декабре 1946 г. объединились и создали Всемалайский совет объединенных действий (ВСОД), который в подготовленном им в конце 1947 г. проекте Народной конституции для Малайи потребовал предоставления стране самоуправления. Против реформы выступила и созданная в мае 1946 г. выразительница интересов феодально-бюрократических кругов Объединенная малайская национальная организация (ОМНО). Она потребовала сохранения прерогатив султанов и отмены положения конституции о единых гражданских правах, поскольку предоставление таких прав немалайцам открывало путь для китайской и индийской буржуазии к политической власти.

Чтобы сохранить свои позиции в стране и не допустить усиления демократических сил, англичане пошли на компромисс с малайской знатью и лидерами ОМНО. Созданный колонизаторами рабочий комитет в составе англичан, малайских правителей и лидеров ОМНО разработал новую конституцию (1948 г.), значительно усложнявшую предоставление гражданства немалайским национальностям и лишавшую их возможности играть активную политическую роль в стране. В 1948 г. было провозглашено создание на Малаккском полуострове Малайской Федерации, основанной на косвенном управлении под протекторатом Великобритании с английским верховным комиссаром во главе.

Независимое государство Малайская федерация было создано в 1957 г. в составе девяти княжеств полуострова и коронных колоний Пинанг и Малакка. В 1963 г. к нему присоединились колонии Англии на Борнео, а также Сингапур, через два г. вышедший из федерации. Так образовалась современная Федерация Малайзия.

На развитие политических процессов в стране оказывало влияние и то обстоятельство, что значительный период своего независимого существования Малайя и Малайзия находились в условиях чрезвычайного и военного положения. В период с 1948 по 1960 гг. правящие круги использовали чрезвычайное положение для подавления Коммунистической партии Малайи. В 1964 г. оно было введено из-за индонезийской политики конфронтации, которая во внутриполитическом плане была использована для подрыва влияния оппозиционных партий. Отменено чрезвычайное положение было лишь в 1967 г., однако в 1969–1971 гг. оно было возобновлено в связи с расовыми столкновениями, последовавшими сразу за всеобщими выборами 1969 года.

Чрезвычайные законы давали возможность правящим кругам содержать в заключении наиболее активных

деятелей оппозиции, держать ее под контролем, укреплять собственные позиции. Как известно, проблема складывания руководящих кадров является одной из важнейших в процессе политической борьбы. Репрессии, которым подвергались оппозиционные партии, затрудняли процесс складывания их руководящего ядра и ставили перед партиями проблему преемственности руководства.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Основные факторы, влияющие на развитие политической системы Малайзии.
2. Причины краха конституционной реформы 1946 года.
3. Роль колониализма в объединении отдельных малайских княжеств в единое государство.

Рекомендуемая литература:

1. *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии. XX век. М.: Институт Востоковедения РАН, 2010.
2. *Колосков Б.Т.* Малайзия. Вчера и сегодня. М.: Мысль, 1984.
3. *Andaya B.W., Andaya L.Y.* A History of Malaysia. L., 1982.

§ 3.2. Конституционные основы государства

В Малайзии действует Конституция 1957 г. (Perlembagaan Persekutuan) с дополнениями 1963 г., сочетающая идеи западной демократии и принципы обеспечения особых прав коренных национальностей.

Конституция устанавливает федеративную форму государственного устройства на основе конституционной монархии, особенностью которой является выборность монарха – Верховного правителя. Она предусматривает

чёткое разделение законодательной, исполнительной и судебной власти, определяет административно-территориальное деление страны, принципы организации и деятельности государственных органов в центре и на уровне штатов, основы избирательной системы, порядок приобретения и утраты гражданства. Провозглашаются нормы западной демократии: равенство всех перед законом, основные свободы, защита собственности.

Конституция закрепляет формулу сосуществования основных этнических групп страны: политический приоритет бумипутра в обмен на гражданские и экономические права небумипутра (китайцев и выходцев из Южной Азии). Таким образом, конституция содержит компромиссный вариант решения основных конфликтных моментов межэтнических отношений в стране, касающихся гражданства небумипутра и проблем сохранения политической власти за малайцами в условиях их исторически сложившегося экономического отставания.

Особый статус бумипутра обеспечивается следующими положениями конституции: а) Верховным правителем может быть только малаец по национальности; б) в обязанности Верховного правителя вменяется резервирование для малайцев должностей на государственной службе, а также выдача им пособий, стипендий, привилегий при поступлении в высшие и средние учебные заведения и установление других привилегий в области образования; в) малайцам предоставляются разрешения и лицензии для ведения торговой и промышленной деятельности в пропорциях, какие верховный правитель сочтет разумными; г) в каждом штате резервируются земельные площади для использования только малайцами; д) государственной религией является ислам (исповедуемый в основном малайцами); е) национальным языком объявлен малайский; ж) на пост премьер-министра запрещается

назначать лиц, являющихся малайзийскими гражданами посредством натурализации или регистрации.

С другой стороны, в конституцию включены положения, декларирующие равенство всех национальностей и запрещение дискриминации по мотивам этнической принадлежности; говорится о необходимости обеспечения законных интересов всех национальных общин; разрешается исповедовать другие (наряду с исламом) религии, использовать (наряду с малайским) иные языки в повседневном общении.

Тем не менее, конституционно закрепленный дисбаланс политического и экономического статусов бумипутра и небумипутра сохраняется как серьезный фактор межнациональной напряженности в общественно-политической жизни современной Малайзии.

В 1971 в конституцию внесены поправки, запрещающие обсуждение т.н. чувствительных вопросов (статус малайского языка, особые права малайцев, положение Верховного правителя и правителей штатов). Любые дальнейшие изменения статей Конституции по этим вопросам могут вноситься только с согласия Совета правителей (Majlis Raja-Raja) и при одобрении 2/3 голосов обеих палат парламента. В 1983 г. таким образом были ограничено право Верховного правителя на вето в отношении некоторых законов, а в 1993–1994 гг. приняты поправки, лишаящие правителей штатов права освобождать себя и членов своих семей от юрисдикции в связи с обвинениями в уголовных преступлениях и задерживать судебное разбирательство.

С конституцией тесно связана обнародованная в 1970 г. государственная идеология Рукунегара (основы государства). Она состоит из двух частей – провозглашение символов веры или целей и провозглашение принципов. В ней, в частности, говорится: «Наша страна Малайзия ставит своей целью достижение еще большего един-

ства всех ее народов; поддержание демократического образа жизни; создание справедливого общества со справедливым распределением национального богатства; обеспечение либерального подхода к богатым и разнообразным культурным традициям Малайзии; построение прогрессивного общества, ориентирующегося на достижения современной науки и техники.

Мы, ее народы, клянемся объединить наши усилия в достижении этих целей, руководствуясь следующими принципами: вера в бога, преданность Верховному правителю и стране, уважение конституции, соблюдение законов, примерное поведение и высокая нравственность».

Основная мысль Рукунегара заключается в том, что этносы, проживающие на малайзийской земле, должны создать единую государственную общность. Все население страны должно приложить максимум усилий для построения такого общества, где могли бы жить и процветать представители различных национальностей, религий, культурной принадлежности. В документе подчеркивается, что формирование единства – неотложная задача для Малайзии, обуславливающая существование и развитие малайзийской нации.

Консолидирующая роль Рукунегара в национальной политике определяется её способностью к объединению разнородных этнических и социальных групп, поскольку этот документ представляет собой соглашение по основным позициям, которых придерживаются различные политические партии страны.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Особенности Федеральной конституции Малайзии.
2. Отражение интересов коренного населения (бумипутра) в Конституции.
3. Соотношение Конституции и идеологии Рукунегара.

Рекомендуемая литература:

1. Perlembagaan Persekutuan (Федеральная Конституция). Kuala Lumpur. International Law Book Services, 2006.
2. *Mohamed Mustafa Ishak*. The Politics of Bangsa Malaysia. National-Building in a Multiethnic Society. Sintok: Penerbit Universiti Utara Malaysia, 2014.
3. *Погадаев В.А.* Рукунегара как отражение национальной идеи в Малайзии // Вопросы истории, № 3, 2019. С. 135–139.

§ 3.3. Органы власти

Глава государства и Совет правителей. Федерация Малайзия является конституционной монархией. Во главе государства стоит монарх, именуемый Верховным правителем (Yang di-Pertuan Agong), которого называют также королем. Как глава государства, он возглавляет все три ветви власти, имеет право роспуска парламента, назначает министров, а также как верховный главнокомандующий имеет право объявлять войну другим странам.

Пост монарха – не наследственный. Избирать Верховного правителя и быть избранным на этот пост имеют право только наследственные правители девяти малайских штатов, входящие в Совет правителей.

Верховный правитель вправе запросить самую полную информацию о деятельности правительства, которой владеет кабинет. Советы кабинета обязательны для Верховного правителя.

Верховный правитель может действовать по своему собственному усмотрению в следующих случаях:

- При назначении премьер-министра;
- При решении вопроса о роспуске парламента;

- При созыве Совета правителей по проблемам привилегий, статуса, чести и достоинства Их Королевских Высочеств (детей Верховного правителя).

Монарх выполняет представительские функции главы государства, советуясь с парламентом и правительством. Он утверждает принятые парламентом законы, кандидатуры руководителей важнейших органов государственной власти. В его прерогативы входят также права помилования и амнистии. Он присваивает звания, награды и другие знаки отличия.

Верховный правитель обладает абсолютным юридическим иммунитетом. Его может судить только Специальный суд, установленный и регулируемый Конституцией страны.

Верховный правитель избирается сроком на пять лет. Но он может в любое время подать в отставку, написав письменное заявление в адрес Совета правителей. Совет правителей может по собственному решению отстранить Верховного правителя от высшего государственного поста Верховного правителя. Верховный правитель может также потерять свой пост, если он лишается статуса правителя штата.

В государственной иерархии существует также должность Заместителя Верховного правителя (*Timbalan Yang di-Pertuan Agong*). Заместитель выполняет функции Верховного правителя и обладает всеми вытекающими из этого привилегиями в случае невозможности для Верховного правителя исполнять свои обязанности вследствие болезни, отъезда из страны и других причин. Однако срок отсутствия Верховного правителя на высшем государственном посту при этом должен не превышать двух недель.

Заместитель Верховного правителя избирается на тот же срок, что и сам Верховный правитель. Но он может в любое время подать в отставку, написав письменное заяв-

ление в адрес Совета правителей. Совет правителей может по собственному решению отстранить Заместителя Верховного правителя от этого поста. Заместитель Верховного правителя может также потерять свой пост, если он лишается статуса правителя княжества. Заместитель Верховного правителя также обязательно принадлежит к малайскому этносу. Обычно Заместитель Верховного правителя избирается следующим королем.

Совет правителей состоит из наследственных правителей – монархов девяти малайских княжеств. Все они неизменно являются этническими малайцами. Функции этого органа заключаются в избрании Верховного правителя и его Заместителя. Совет правителей может дать свою санкцию на продление или отмену любого религиозного акта, соблюдение или несоблюдение обрядов и церемоний на всей территории Федерации Малайзии.

Совет правителей может одобрить или не одобрить любой закон, давать советы при назначении на государственные посты, требующие одобрения Совета правителей, а также назначать членов Специального суда.

Кроме того, в компетенцию Совета правителей входит право на прощение, отмену или отсрочку приговоров, в том числе смертных, и других наказаний подобного рода.

Совет имеет право задавать вопросы и обсуждать национальную политику, в том числе проблемы иммиграции, и любые другие проблемы по своему усмотрению.

Совет правителей, помимо избрания главы государства, также дает советы при назначении судей, генерального прокурора, членов избирательной комиссии и комиссии государственной службы, которая ведает назначениями на административные должности и перемещением государственных служащих. Совет принимает или отвергает законы, касающиеся вопросов, связанных с изменением границ штатов, за ним закреплены и другие специфиче-

Глава 3. Федерация Малайзия

ческие вопросы, например, разрешение спорных ситуаций между отдельными штатами, положение коренных национальностей и другие.

Ни один закон, касающийся статуса и привилегий, чести, достоинства правителей штатов не может быть принят без согласия Совета правителей.

Список Верховных правителей Малайзии

№	Имя	Штат	Правление
1	Абдул Рахман ибни Ал-Мархум Туанку Мухаммад	Негри-Сембилан	31 авг. 1957 — 1 апр. 1960
2	Хисамуддин Алам Шах ибни Ал-Мархум Султан Алаиддин Сулейман Шах	Селангор	14 апр. — 1 сент. 1960
3	Сайед Путра ибни Сайед Хассан Джамалуллаил	Перлис	21 сент. 1960 — 20 сент. 1965
4	Исмаил Насируддин Шах ибни Ал-Мархум Султан Зайнал Абидин III	Тренгану	21 сент. 1965 — 20 сент. 1970
5	Абдул Халим Муадзам Шах ибни Аль-Мархум Султан Бадлишах	Кедах	21 сент. 1970 — 20 сент. 1975
6	Яхья Петра ибни Ал-Мархум Султан Сир Ибрахим Петра	Келантан	21 сент. 1975 — 29 марта 1979
7	Ахмад Шах Ал-Мустаин Биллах ибни Султан Абу Бакар Рияятуддин Ал-Муадзам Шах	Паханг	29 марта 1979 — 25 апр. 1984
8	Махмуд Искандар аль-Хадж ибни Исмаил Ал-Халиди	Джохор	26 апр. 1984 — 25 апр. 1989
9	Азлан Мухибуддин Шах ибни аль-Мархум Султан Юсуф Изуддин Гафарулла Шах	Перак	26 апр. 1989 — 25 апр. 1994
10	Джафар ибни аль-Махрум Ямтуан Абдул Рахман	Негри-Сембилан	26 апр. 1994 — 25 апр. 1999

Политические системы стран ЮВА. Том 1.

11	Салахуддин Абдул Азиз Шах ибни аль-Мархум Султан Хизамуддин Алам Шах	Селангор	26 апр. 1999 — 21 нояб. 2001
12	Сайед Сиражуддин ибни Сайед Путра Джамалул- лайл	Перлис	13 дек. 2001 — 12 дек. 2006
13	Мизан Зайнал Аби- дин ибни аль-Мархум Султан Махмуд аль- Муктафи Билла Шах	Тренггану	13 дек. 2006 — 12 дек. 2011
14	Абдул Халим Муадзам Шах ибни Аль-Мархум Султан Бадлишах (повторно)	Кедах	13 дек. 2011 — 12 дек. 2016
15	Мухаммад V Фарис Пет- ра ибни Ал-Мархум Сул- тан Сир Исмаил Петра	Келантан	13 дек. 2016 — 6 янв. 2019
16	Абдулла II Рияятуддин Аль-Мустафа Билла Шах ибни Султан Ахмад Шах аль-Мустаин Билла	Паханг	31 янв. 2019 — н. в.

Только одному из них Абдул Халиму Муадзаму Шаху из Кедаха удалось дважды занять этот пост в 1970–1975 и 2011–2016 гг.

Законодательная власть. Высшим законодательным органом Федерации Малайзии является двухпалатный Федеральный Парламент, который состоит из Сената (Dewan Negara) и Совета народных представителей (Dewan Rakyat). Председатель Сената и спикер Совета народных представителей определяют дату начала сессии Парламента, а Верховный правитель объявляет о его созыве. Парламент вырабатывает и утверждает законы, распространяющиеся на всю территорию страны. Он контролирует финансовую деятельность правительства и является местом выражения общественного мнения по вопросам, имеющим общенациональное значение.

Сенат состоит из 70 членов и формируется следующим образом. 26 членов сената – по два от каждого штата – избираются их законодательными собраниями. Два сенатора от федеральной территории Куала-Лумпур, а также по одному сенатору от федеральных территорий Путраджая и Лабуан назначаются Верховным правителем. Еще сорок сенаторов назначаются Верховным правителем за выдающуюся общественную деятельность, заслуги в своей профессии, коммерции, промышленности, сельском хозяйстве, культуре и службе на благо общества или в качестве представителей национальных меньшинств и лиц, защищающих интересы коренных народов.

Сенатом руководит председатель и его заместитель, избираемые из числа сенаторов. Срок полномочий сенатора – 3 г. и может быть продлен еще на такой же период только один раз. Сенатором может стать гражданин Малайзии не моложе 30 лет.

Нижняя палата – **Совет народных представителей** состоит из 222 депутатов. Она полностью выборная.

Двести девять депутатов избираются от федеральных штатов в следующем количестве:

1. Джохор – 26 депутатов
2. Кедах – 15
3. Келантан – 14
4. Малакка – 6
5. Негри-Сембилан – 8
6. Паханг – 14
7. Пинанг – 13
8. Перак – 24
9. Перлис – 3
10. Сабах – 23
11. Саравак – 31
12. Селангор – 22
13. Тренгану – 8

От федеральных территорий избираются тринадцать депутатов в следующем количестве:

Федеральная территория Куала-Лумпур – 11 депутатов;

Федеральная территория Путраджая – 1;

Федеральная территория Лабуан – 1.

Советом народных представителей руководит спикер. Спикер и два его заместителя избираются членами Совета народных представителей. По конституции, избранный член парламента не может быть спикером: он подбирается со стороны, но считается членом парламента в дополнение к избранным депутатам. Возрастной ценз для избрания депутатом Совета народных представителей – 21 год.

Парламент функционирует в течение пяти лет со дня первой сессии, после чего считается автоматически распущенным. Затем в течение 60 дней в Западной Малайзии и 90 – в Сабахе и Сараваке должны быть проведены всеобщие выборы в Палату представителей. Парламент нового созыва должен начать работу не позднее 120 дней с момента роспуска старого.

Каждая палата обладает правом законодательной инициативы. Решения в Сенате и Совете народных представителей принимаются простым большинством голосов. Закон для вступления в силу должен быть принят обеими палатами и утвержден Верховным правителем. Закон вступает в силу с момента опубликования.

Исполнительная власть. Исполнительную власть осуществляет кабинет министров во главе с премьер-министром, назначаемым Верховным правителем из числа членов парламента, которого он считает достаточно авторитетным и пользующимся доверием большинства членов парламента. Он должен обладать малайзийским гражданством по закону, а не иметь его путем регистрации или натурализации, и быть членом Совета народных представителей (т.е. участвовать и победить на выборах). Премь-

ер-министр председательствует на заседаниях кабинета, координирует политику правительства и административную деятельность министерств и ведомств. Он даёт советы монарху при назначении судей, членов Избирательной комиссии, Департамента государственной службы и других высших чиновников.

В кабинете традиционно имеется также должность заместителя премьер-министра, не предусмотренная конституцией. На эту должность назначается авторитетный член правящей партии, чтобы замещать премьер-министра, когда последний отсутствует или не может выполнять своих обязанностей. Обычно он совмещает свою должность с постом министра образования и становится следующим премьер-министром в случае ухода последнего.

Министры кабинета назначаются Верховным правителем по рекомендации премьер-министра – они обязательно должны быть членами парламента (Совета народных представителей или Сената). Заместители министров также назначаются из числа депутатов парламента. Кабинет регулярно собирается на свои заседания, обычно раз в неделю.

Федеральное правительство во главе с премьер-министром разрабатывает и реализует основные направления внутренней и внешней политики страны. Кабинет министров несет коллективную ответственность перед парламентом.

Кроме федеральных министерств имеется также департамент премьер-министра (фактически министерство, имеющее в своем составе четырех министров).

Как правило, правительство формирует партия или коалиция, получившая большинство на всеобщих выборах и способная обеспечить себе поддержку в Совете народных представителей. Лидер партии становится премьер-министром. Если же он теряет доверие большинства членов парламента, то либо кабинет уходит в отставку, либо

просит, чтобы Верховный правитель распустил парламент (т.е. Совет народных представителей). Конституцией предусмотрено, что монарх может не согласиться с этим в том случае, если существует возможность создания иной партийной коалиции, способной получить вотум доверия в парламенте.

Премьер-министр может назначать требуемое ему число политических секретарей. Они не обязательно должны быть членами Совета представителей или Сената.

Список премьер-министров Малайзии:

1. Абдул Рахман 31 августа 1957 г. – 22 сентября 1970 г. (ОМНО)
2. Абдул Разак 22 сентября 1970 г. – 14 января 1976 г. (ОМНО)
3. Хуссейн Онн 14 января 1976 г. – 16 июля 1981 г. (ОМНО)
4. Махатхир Мохамад 16 июля 1981 г. – 31 октября 2003 г. (ОМНО)
5. Абдулла Ахмад Бадави 31 октября 2003 г. – 3 апреля 2009 г. (ОМНО)
6. Наджиб Разак 3 апреля 2009 г. – 10 мая 2018 г. (ОМНО)
7. Махатхир Мохамад 10 мая 2018 г. – 29 февраля 2020 г. (Объединённая партия сынов земли Малайзии)
8. Мухиддин Ясин 29 февраля 2020 г. – 16 августа 2021 г. (Объединённая партия сынов земли Малайзии)
9. Исмаил Сабри Якоб 16 августа 2021 г. – по н.в. (ОМНО)

Судебная власть. Судебная система Малайзии как бывшей британской колонии и члена Содружества опирается на английское право. В соответствии с Конституцией и Законом о судах 1948 г. осуществление судебной власти возложено на суды различных инстанций. Судебная власть независима и централизована.

Высший судебный орган – Федеральный суд. Его председатель является главой судебной власти в стране. Далее в судебной иерархии стоят Апелляционный суд, Высший суд Малайи (для Западной Малайзии), а также Высший суд Борнео (для Восточной Малайзии), сессионные суды, местные/районные суды (суды магистрата), суды для несовершеннолетних. Имеется также Специальный суд, созываемый для рассмотрения дел, затрагивающих личные интересы Верховного правителя или султанов штатов. Председатели Федерального, Апелляционного, Высших судов и входящие в их состав судьи назначаются Верховным правителем по рекомендации премьер-министра после консультаций с Советом правителей штатов. Кандидаты в судьи должны иметь малайзийское гражданство и в течение предшествующих 10 лет быть адвокатами или членами коллегии юридической службы Федерации или штата. Другие судьи назначаются правителями и губернаторами. Судьи служат до 65 лет.

Федеральный суд обладает правом толковать Федеральную Конституцию и законы, объявлять федеральные законы и законы штатов недействительными, если они не соответствуют Федеральной Конституции или федеральным законам, а также объявлять незаконными те или иные действия правительства. Суды юридически независимы и не входят в систему министерства юстиции.

Министр юстиции одновременно исполняет обязанности генерального прокурора. Он является обвинителем в уголовных делах, адвокатом правительства в суде, отвечает за формулировки и редакцию составляемых законов, руководит адвокатурой.

Генеральная прокуратура состоит из трех подразделений: судебного преследования и прокурорского надзора, юриспруденции и международного права, пересмотра законов.

Министерство юстиции имеет несколько департаментов. Департамент по делам несостоятельных должников занимается вопросами, связанными с ликвидацией обанкротившихся предприятий. Департамент общественной опеки в основном управляет общественными трестами, в которых хранятся под ежегодные проценты вклады, преимущественно коренного населения. Бюро юридической консультации оказывает юридическую помощь и даёт советы населению и мелким собственникам. Национальное бюро расследований занимается борьбой с коррупцией.

Параллельно со светским правосудием действуют и суды шариата. Система шариатских судов автономна и не централизована – в каждом штате они подотчетны местным исполнительным властям. Суды шариата обладают юрисдикцией только над мусульманами в вопросах семейного права и соблюдения религиозных обрядов, и обычно могут выносить приговоры не более чем в три г. тюремного заключения, штраф в размере до 5000 ринггитов и / или до шести ударов ротанговой палкой. В статье 145 конституции говорится, что Генеральный прокурор Малайзии не имеет полномочий по делам, связанным с шариатскими судами. Центральные власти пытаются унифицировать правовую основу шариатского судопроизводства, но эти попытки наталкиваются на большие трудности, возникающие в результате существенных расхождений в судебной практике отдельных штатов, а также противодействия консервативного крыла мусульманского духовенства.

По совершенству юридической системы (кодификация правовых норм, их универсальность, деятельность судов, полиции, адвокатуры, наличие юристов) Малайзия занимает 4 место в Азии (после Сингапура, Японии и Гонконга).

Органы управления в штатах и на местах.

Структура управления штатов аналогична системе управления Малайзии в целом. Главами девяти штатов (Джохор, Негери-Сембилан, Паханг, Селангор, Перак, Кедах, Теренгану, Келантан, Перлис) являются монархи (7 из них султаны). Во главе четырех штатов (Пенанг, Малакка, Сабак, Саравак) стоят губернаторы (Yang di-Pertuan Negeri). Все они входят в Совет правителей, но только девять из них (наследные монархи) могут стать Верховным правителем страны.

Законодательным органом является Законодательное собрание штата, выборы в которое проводятся одновременно со всеобщими выборами в федеральный парламент, за исключением Саравака, Сабаха и Мелаки. В отличие от двухпалатного парламента Малайзии Законодательные собрания штата являются однопалатными. Наследственные правители или губернаторы могут распускать Законодательные собрания своих штатов. После роспуска промежуточные выборы должны быть проведены в течение 60 дней.

Формируется также правительство штата во главе с главным министром (Menteri Besar в штатах с монархами и Ketua Menteri в штатах с губернаторами). Конституции тринадцати штатов (Undang-undang Tubuh Negeri или Perlembagaan Negeri) имеют некоторые сходства, а также некоторые различия в установлении основных требований, которым необходимо соответствовать, чтобы иметь право на должность главного министра. Он должен быть гражданином Малайзии в возрасте не менее 21 г. и членом Законодательного собрания штата, пользующимся доверием большинства членов собрания. После назначения он не должен заниматься коммерческой деятельностью или профессией, которые могут привести к конфликту интересов. В штатах-губернаторствах эта должность открыта для любого гражданина Малайзии, независимо от его ре-

лигии, этнической принадлежности и пола. Однако лица, получившие гражданство путем натурализации или регистрации по-прежнему не могут претендовать на этот пост.

Главный министр избирается большинством голосов в Законодательном собрании штата. Поскольку, согласно конституции, он утверждается правителем (или губернатором), приведение к присяге производится перед правителем (или губернатором) штата. На протяжении многих десятилетий главные министры встречаются друг с другом и премьер-министром на регулярно проводимых совещаниях.

Принято считать, что роль правителей штатов в основном носит церемониальный характер. Но это не так.

Они могут принимать самостоятельные решения в следующих случаях:

1. при назначении Главного министра – главы исполнительной власти (правительства) штата;
2. при отказе от роспуска местного Законодательного собрания;
3. при выдвижении запроса о созыве Совета правителей по проблемам прав и привилегий, чести и достоинства правителей, а также религиозных вопросов, отправления культов и церемоний;
4. по всем аспектам, относящимся к его прерогативам как религиозного главы ислама в своем штате, а также по малайским обычаям и традициям;
5. при назначении наследника или наследников, выборе супруги, назначении регента или регентского совета;
6. при определении придворных распорядков и правил;
7. при пожаловании малайских традиционных званий и титулов. Глава штата обязан давать свое одобрение или согласие на каждый закон, принятый законодательным собранием. Эти законы касаются главным

образом вопросов землепользования, общественных работ, местного самоуправления, сельского и лесного хозяйства, мусульманского права и установления праздничных дней.

В настоящее время в Малайзии существует **четыре типа органов местного самоуправления:**

- в городах – мэрия (Dewan Bandaraya) или городской совет (Majlis Bandaraya), например, мэрия Куала-Лумпура;
- в муниципалитетах – муниципальный совет (Majlis Perbandaran), например, муниципальный совет Каджанга;
- в сельской местности – районный совет (Majlis Daerah), например, районный совет Хулу-Селангор;
- специальный местный совет – корпорация, совет по развитию, управление по развитию или просто местный орган власти (Pihak Berkuasa Tempatan), например, Корпорация Путраджаи.

Всего насчитывается 155 местных органов власти, в том числе 19 городских советов, 39 муниципальных советов, 92 районных совета, 5 специальных местных советов.

По конституции Малайзии, вопросы, касающиеся местного самоуправления, находятся в ведении правительств соответствующих штатов. При этом координацию деятельности местных органов власти в отношении унификации законодательства и политики, а также направления средств из федерального бюджета осуществляет федеральное министерство жилищного строительства и местного самоуправления.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Как формируются основные органы власти в Малайзии.
2. Роль Верховного правителя как главы всех трех ветвей власти.
3. Особенности системы местного самоуправления.

Рекомендуемая литература:

1. Perlembagaan Persekutuan (Федеральная Конституция). Kuala Lumpur: International Law Book Services, 2006.
2. *Milne R.S., Mauzy D.K.* Politics and Government in Malaysia. Vancouver. 1979.
3. *Zulhilmi Paidi, Rohani Hj. Ab Ghani dll.* Kenegaraan Malaysia (Государственность Малайзии). Universiti Utara Malaysia, 2018.

§ 3.4. Особенности избирательной системы

Всеобщие выборы проводятся раз в пять лет. Выборы прямые, всеобщие, равные и тайные по мажоритарной системе. Все граждане страны, достигшие 18-летнего возраста, имеют право голоса.

Всеобщие выборы в Малайзии проводятся на двух уровнях: федеральном и уровне штатов.

На федеральном уровне избиратели избирают Палату представителей двухпалатного парламента, состоящую из 222 членов. Избрание происходит в одномандатных округах, составленных на основе численности населения. Партия, получившая большинство в Палате представителей, формирует федеральное правительство.

Конституция Малайзии требует, чтобы всеобщие выборы проводились не реже одного раза в пять лет. Однако премьер-министр может попросить Верховного правителя распустить парламент в любое время до истечения пятилетнего периода. Новые всеобщие выборы должны быть проведены не позднее чем через два месяца в Западной Малайзии и через три месяца в Восточной Малайзии (Сабах и Саравак) после роспуска парламента.

С момента обретения независимости на парламентских выборах чаще всего побеждал Национальный фронт и его предшественник Союзная партия. На выборах 1969 г.

Союзная партия впервые не смогла получить большинство в две трети голосов, необходимое для принятия конституционных поправок. Такая же ситуация сложилась на выборах 2008 и 2013 гг. На всеобщих выборах 2018 г. коалиция «Надежда» впервые в истории победила правящий блок на федеральном уровне.

На уровне штата избиратели избирают представителей в **Законодательное собрание штата**. Количество депутатов варьируется в зависимости от размеров населения штата: от 82 в Сараваке и до 15 в Перлисе. Члены собрания избираются от одномандатных округов, составленных на основе численности населения. Избирательные округа для выборов в Законодательные собрания обычно меньше (по площади и населению), чем парламентские округа. Партия, получившая большинство в Законодательном собрании, формирует правительство штата.

Обычно выборы в Законодательные собрания проводятся одновременно с парламентскими выборами, но каждый штат может сам решить, когда проводить свои выборы. Это связано с тем, что Законодательные собрания штатов распускаются соответствующим правителем или губернатором по совету главного министра штата. Например, после чрезвычайного положения в Келантане в 1977 г. там в марте 1978 г. были назначены внеочередные выборы, прошедшие за несколько месяцев до всеобщих выборов в июле 1978 г. Или, например, в 1999 г. выборы в штатах Западной Малайзии прошли одновременно с парламентскими выборами, а выборы в штатах Сабах и Саравак состоялись в разные даты. В 2004 и 2008 гг. выборы в штате Сабах проводились одновременно с парламентскими выборами, но выборы в штате Саравак проводились в 2006 и 2011 годах.

До выборов 2008 г. Национальный фронт и его предшественник Союзная партия контролировали большую часть Законодательных собраний штатов, время от

времени теряя некоторые штаты, в первую очередь Келантан, который контролировался Панмалайзийской исламской партией с 1959 по 1978 гг. (в 1974–1978 гг. в составе Национального фронта) и снова с 1990 г. Худшим результатом для Союзной партии был 1969 г., когда она помимо Келантана потеряла большинство в Пераке, Селангоре и Пинанге, а для Национального фронта – 2008 г., когда помимо Келантана, он потерял четыре штата (Пинанг, Кедах, Перак и Селангор), уступив их коалиции «Народный фронт». Перак вернулся под контроль Национального фронта в 2009 г. после конституционного кризиса. На выборах 2013 г. Национальный фронт вернул себе штат Кедах, оставив Келантан, Пенанг и Селангор под контролем Народного фронта.

После выборов 2018 г. Национальный фронт сохранил контроль только над штатами Перлис, Паханг и Саравак. Келантан и Тренгану оказались под властью Панмалайзийской исламской партии. Блок «Надежда» сформировал правительства в Пинанге, Селангоре, Кедахе, Пераке, Негери-Сембилане, Малакке и Джохоре. Последние два штата, однако, вернулись под контроль Национального фронта (главным образом ОМНО) на выборах 2021 и 2022 гг. Сабах и Саравак были потеряны Национальным фронтом в 2018 г.

До 1964 проводились выборы в местные органы власти, в частности, в муниципальные советы. Эти выборы были приостановлены из-за чрезвычайного положения, введенного в связи с конфронтацией между Индонезией и Малайзией. На основании Закона о местном самоуправлении 1976 г. члены местных органов власти назначаются правительствами штатов. В 2008 г. правительства штатов, находившихся под контролем Народного фронта, подняли вопрос о возобновлении выборов в местные органы власти в своих штатах, однако, не смогли этого сделать из-за противодействия федеральных властей. Победивший

на всеобщих выборах в 2018 г. альянс «Надежда» начал было процесс изучения возможности введения местных выборов с пробным запуском в некоторых городах, но не довел дело до конца, потеряв власть в 2020 г.

Между всеобщими выборами в некоторых округах могут проводиться и дополнительные выборы, когда какое-либо место в Совете народных представителей становится вакантным. Такая вакансия может возникнуть, когда член парламента умирает или лишается права быть членом парламента, например из-за отсутствия на заседаниях в течение шести месяцев без уважительной причины.

Выборы контролируются **Избирательной комиссией** в составе семи человек. Избирательная комиссия – независимый орган, председатель и члены которой назначаются Верховным правителем после консультаций с Советом правителей. Её целью является охрана, наблюдение и поддержание демократического процесса в стране путем проведения справедливых выборов.

Роль Избирательной комиссии состоит и в том, чтобы установить, пересмотреть и изменить границы избирательных округов. С 2013 г. в Малайзии насчитывается 222 парламентских округа и 576 округов собраний штатов. В соответствии со статьей 113 Конституции Малайзии ИК может проводить проверку и рекомендовать изменения границ избирательных участков с интервалом не менее 8 лет с момента последнего пересмотра и определения границ.

Регистрация кандидатов осуществляется в Центрах выдвижения, создаваемых Избирательной комиссией. Любой гражданин Малайзии может зарегистрироваться в качестве кандидата, если он не был дисквалифицирован. Кандидаты заполняют соответствующие формы и вносят денежный залог. С 2004 г. депозит составляет 10 000 ринггитов за место в парламенте и 5 000 ринггитов за место в собрании штата. Кроме того, требуется, чтобы каждый

кандидат внес еще один залог в размере 5 000 ринггитов за уборку баннеров и плакатов после выборов. Депозит используется для оплаты нарушений избирательного законодательства и возвращается после дня голосования, если только кандидат не проиграет и не наберет более 1/8 голосов.

Период предвыборной агитации, разрешенный законом, длится со дня выдвижения кандидатов до дня голосования. Агитационной кампании оппозиционных партий часто мешает отсутствие доступа к контролируемым государством СМИ. До всеобщих выборов 1999 г. оппозиционным партиям было предоставлено короткое время в эфире государственной теле- и радиокomпании для трансляции своих манифестов. Однако в 1999 г. правительство объявило об изменении политики, настаивая на том, что, поскольку компания принадлежит государству, предпочтение будет отдаваться правительственным партиям.

В день выборов зарегистрированные избиратели могут проголосовать за выбранного ими кандидата в специально созданных избирательных участках, которые обычно располагаются в школах или общественных центрах. Чтобы обеспечить максимальную явку, в штатах, где день выборов приходится на рабочую неделю, объявляется выходной день.

Некоторые политические партии могут предоставлять транспорт для доставки избирателей на избирательный участок и обратно. Хотя агитация в день выборов запрещена, транспорт рассматривается как своего рода социальная услуга тем, у кого нет личного транспорта.

Каждому кандидату разрешается иметь на избирательном участке одного доверенного лица. Они приходят на участок до голосования и проверяют, не были ли вскрыты избирательные урны. Они также следят за тем, чтобы урны были надежно закрыты до начала голосо-

ния. После окончания голосования урны опечатываются избирательной комиссией, и каждое доверенное лицо кандидата может поставить на урну свою печать.

Доверенные лица следят также за тем, чтобы бюллетени, выдаваемые избирателям, не содержали пометок. Последней задачей доверенного лица является обеспечение того, чтобы по окончании голосования пломбы на урнах для голосования были в целости и сохранности. Это можно сделать в центре подсчета голосов, а не в избирательном участке. Урны открывают, как только доверенные лица убеждаются в отсутствии взлома.

На выборах могут голосовать только зарегистрированные избиратели. Граждане Малайзии в возрасте 18 лет и старше перед голосованием должны зарегистрироваться в Избирательной комиссии через любые пункты, связанные с Избирательной комиссией или почтовые отделения с компьютеризированным оборудованием.

После проверки личности на избирательном участке избиратель получает два бумажных бюллетеня, один для места в парламенте от данного округа и другой для места в собрании штата. В федеральных территориях, где нет Законодательных собраний, и в штатах, в которых выборы Законодательного собрания проводятся в другие даты, избиратель получает только один бюллетень для избрания депутата парламента.

После окончания голосования члены избирательных комиссий проверяют урны для голосования перед их вскрытием и подсчетом. Они также следят, чтобы убедиться, что общее количество бюллетеней совпадает с количеством поданных голосов. На каждом бюллетене есть порядковый номер, и они выдаются последовательно. Доверенные лица могут прийти, чтобы проверить, совпадают ли серийные номера. Подсчет бюллетеней производится вручную.

После подсчета голосов урны доставляются в пункт подсчета голосов для возможного повторного подсчета. Если все кандидаты согласны с подсчетом в избирательном участке, то он остается в силе, в противном случае в центре подсчета голосов немедленно проводится повторный подсчет.

Результаты выборов объявляются в прямом эфире по радио и телевидению. Некоторые газеты печатают специальные выпуски для освещения результатов выборов. В большинстве округов результаты уже могут быть опубликованы ночью в день выборов. В некоторых сельских округах и округах, где требуется пересчет голосов, результаты могут не объявляться до следующего дня.

Большинство правонарушений на выборах относятся к действиям, побуждающим избирателя отдать свой голос за того или иного кандидата или вообще не голосовать. Конкретно к правонарушениям относятся:

- предоставление еды, напитков или закусок с целью побудить избирателей либо проголосовать за конкретного кандидата, либо не голосовать вообще;
- предоставление денежного вознаграждения за голосование за определенного кандидата;
- угроза избирателю голосовать или не голосовать за кандидата. В 2004 г. это понятие было расширено за счет включения «моральных угроз». Это было связано с тем, что Панмалайзийская исламская партия в своей предвыборной агитации утверждала, что мусульмане не могут не поддерживать ее кандидатов и что голосование за партию будет вознаграждено Богом.
- воспрепятствование проходу к избирательному участку и обратно, нахождение кандидата в пределах 50 ярдов (46 м) от избирательного участка, празднование в этой зоне.

Глава 3. Федерация Малайзия

- трата на агитацию каждым кандидатом: не разрешается тратить более 200 000 ринггитов (парламентские выборы) или 100 000 ринггитов (выборы в штатах).

Всеобщие выборы в Малайзии

	Год	Правительство***			Оппозиция			Все-го мест
		Кол-во мест	% мест	% голо-сов	Кол-во мест	% мест	% голо-сов	
--	1955**	51	98,1	79,6	1	1,9	20,4	52
1*	1959**	74	71,15	51,7	30	28,85	48,3	104
2	1964**	89	85,58	58,5	15	14,42	41,5	104
3	1969	95	65,97	49,3	49	34,03	50,7	144
4	1974	135	87,66	60,7	19	12,34	39,3	154
5	1978	130	84,42	57,2	24	15,58	42,8	154
6	1982	132	85,71	60,5	22	14,29	39,5	154
7	1986	148	83,62	55,8	29	16,38	41,5	177
8	1990	127	70,55	53,4	53	29,45	46,6	180
9	1995	162	84,38	65,2	30	15,62	34,8	192
10	1999	148	76,68	56,5	45	23,32	43,5	193
11	2004	198	90,41	63,9	21	9,59	36,1	219
12	2008	140	63,06	50,27	82	36,94	46,75	222
13	2013	133	59,91	46,53	89	40,09	53,47	222
14	2018	125	56,31	49,86	97	43,69	50,14	222

**Выборы 1959 г. были первыми парламентскими выборами в Малайе, ставшей частью Малайзии в 1963 г.

Сингапур, Сабах и Саравак не участвовали в этих выборах.

***Имеются в виду: Союзная партия в 1964 г.; Союзная партия и Объединенная народная партия Саравака в 1969 г., Национальный фронт с 1974 по 2013 гг. и Альянс «Надежда» в 2018 г.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Парламентские выборы и их особенности.
2. Основные отличия выборов в штатах от парламентских выборов.
3. Роль доверенных лиц кандидатов на выборах.

Рекомендуемая литература:

1. Perlembagaan Persekutuan (Федеральная Конституция). Kuala Lumpur: International Law Book Services, 2006.
2. *Puthuchearry M.* The Electoral System of Malaysia: A Report. Kuala Lumpur: Institute Malaysian and International Studies, 2003.
3. *Lim Hong Hai.* Electoral Politics in Malaysia: 'Managing' Elections in a Plural Society. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/01361005.pdf>

§ 3.5. Специфика партийной системы

Политические организации в Малайзии стали создаваться еще до Второй мировой войны, однако, черты, свойственные современным политическим партиям, они стали приобретать лишь после провозглашения в 1957 г. независимости страны. Исключение составляет Компартия Малайи (КПМ), созданная в 1930 г. и превратившаяся уже в 1940-е годы в весомый фактор политической жизни. Во время японской оккупации она оказалась единственной силой, сумевшей наладить организованное сопротивление агрессорам.

В силу многонационального состава страны особенностью политической системы Малайзии является коммунизм – создание партий по национальному признаку. Ни одна из них не имела шанса в одиночку победить на выборах, и поэтому с самого начала в стране получила

распространение практика создания коалиций партий, отражающих интересы основных национальных групп. Начало было положено в 1955 г. на выборах в Федеральное законодательное собрание (52 депутата), на которых победил союз трех партий, получивший позднее название **Союзной партии** (Объединенная малайская национальная организация – ОМНО, Китайская ассоциация Малайи – КАМ и Индийский конгресс Малайи – ИКМ).

В 1970 г. к этому блоку присоединилась Объединенная народная партия Саравака – ОНПС, в 1972 г. – партия Народное движение Малайзии – Геракан и Народно-прогрессивная партия – НПП, в 1973 г. – Исламская партия – ПАС, исключенная затем в 1977 г. В 1974 г. это объединение получило официальное название **Национального фронта**. В настоящее время в нём 13 партий. Национальный фронт оставался у власти до 2018 г.

По этому же пути пошла и оппозиция. В 1957 г. Народная партия Малайи и Рабочая партия Малайи, идейно-политические позиции которых в известной степени совпадали, создали Народный социалистический фронт Малайи (НСФМ). Накануне выборов 2008 г. был сформирован Народный блок (или Народный союз) – коалиция трёх оппозиционных партий Малайзии, выступивших единым фронтом (Партия демократического действия, Панмалайзийская исламская партия, Партия народной справедливости). В связи с выходом Панмалайзийской исламской партии 16 июня 2015 г. блок прекратил существование. Вместо него был создан Альянс «Надежда», в котором место ПМИП заняла отколовшаяся от него группа «Доверие». В 2020 г. был сформирован Национальный альянс.

Основные политические партии.

Объединённая партия сынов земли Малайзии (Parti Pribumi Bersatu Malaysia) основана 7 сентября 2016 г. отколовшейся от ОМНО группировкой во главе с бывшим

премьер-министром Махатхиром Мохамадом и заместителем премьер-министра Мухиддином Яссином, которые стали соответственно председателем и президентом партии. Вице-президентом избран сын Махатхира бывший главный министр штата Кедах Мухриз Махатхир. Партия отстаивает националистические идеи. В Уставе отмечается, в частности, что её целью является отстаивание идей малайского национализма для поддержания чести и достоинства нации, религии и страны, борьба за права малайцев и других сынов земли под лозунгом: вперёд к справедливости и процветанию. Полноправное членство в партии открыто для «сынов земли», под которыми подразумеваются малайцы, коренные жители Сабаха и Саравака, а также аборигены (оранг асли). Для других национальностей предусмотрено ассоциированное членство (без права голоса и участия в выборах). На выборах 2018 г. партия в составе коалиции Альянс «Надежда» пришла к власти. Махатхир стал премьер-министром, Мухиддин — министром внутренних дел. 23 февраля 2020 г. партия заявила о выходе из альянса, спровоцировав кризис власти, а 24 февраля Махатхир подал в отставку с поста премьер-министра. По решению Верховного правителя премьер-министром был назначен Мухиддин, который в результате очередного политического кризиса подал 16 августа 2021 г. в отставку, уступив место Исмаилу Сабри Якобу из ОМНО.

Объединённая народная партия Сабаха (Parti Bersatu Rakyat Sabah) – политическая партия в штате Сабах. Основана в 1994 г. Член Национального фронта.

Объединённая партия Сабаха (Parti Bersatu Sabah) - политическая партия в штате Сабах (Sabah). Основана в 1985 г. Джозефом Паирином Китинганом. Претендовала быть многонациональной, но состояла преимущественно из кадазанов-дусунов. В 1985–1994 гг. контролировала пра-

вительство штата. В 2002 г. присоединилась к Национальному фронту, из которого вышла в 1990 г.

Партия бумипутра (Parti Bumiputera) – политическая партия на Сараваке. Образована в 1968 г. на основе слияния Народного фронта Саравака (Barisan Rakyat Jati Sarawak) и Национальной партии Саравака (Parti Negara Sarawak). В 1973 г. вошла в состав Объединенной партии Песака-Бумипутра (Parti Pesaka Bumiputera Bersatu).

Рабочая партия Малайи (Parti Buruh Malaya) – партия в Малайзии в 1952–1969 гг. Выступала за построение общества демократического социализма. В 1957–1965 гг. действовала в составе объединения Народный социалистический фронт (Barisan Sosialis Rakyat), куда входила также Народная партия Малайи (Parti Rakyat Malaya).

Панмалайзийская исламская партия (Parti Islam Se-Malaysia) – крупнейшая оппозиционная партия в Малайзии. Основана в 1951 г. под названием Панмалайская исламская партия (нынешнее название с 1971 г.). В 1973–1977 гг. входила в правящий Национальный фронт (Barisan Nasional). Число членов 300 тыс. С 1990 г. контролирует правительство штата Келантан. На выборах 2008 г. выступала в составе Народного блока (Pakatan Rakyat). Завоевала 23 места в парламенте, сохранила контроль над Келантаном и создала коалиционные правительства в Пераре, Пинанге, Кедахе и Селангоре.

Партия социальной справедливости (Parti Keadilan Masyarakat) – политическая партия в Малайзии в 1971–1979 гг.

Партия народной справедливости (Parti Keadilan Rakyat) – оппозиционная партия в Малайзии. Основана в 1999 г. Ван Азизой Ван Исмаил, женой лидера движения реформ Анвара Ибрагима, осужденного по обвинению в коррупции. Выступает за демократизацию и либерализацию общественно-политической жизни. Имеет около 200 тыс. членов. На волне популярности Анвара Ибрагима

завоевала 5 мест в парламенте на выборах 1999 г., однако, на следующих выборах 2004 г. сумела сохранить только одно. Триумфальными для партии были выборы 2008 г., когда она завоевала 31 место в парламенте и вместе с партнёрами по коалиции Народный фронт сформировала правительства в 4 штатах.

Национальная малайская партия Малайи (Parti Kebangsaan Melayu Malaya – одна из первых политических организаций в колониальной Малайе. Основана 17 октября 1945 г. Мохтаруддином Лассо и Ахмадом Бустаманом. Выступала против возвращения британских колонизаторов в страну, за немедленное предоставление независимости. С приходом в руководство Бурхануддина эль-Хелми стала проповедовать идею Великой Малайи. С декабря 1947 г. возглавлялась Исхаком Хаджи Мухаммадом. В 1948 г. запрещена.

Коммунистическая партия Малайи (Parti Komunis Malaya) основана в 1930 г. На основе соглашения 1940 г. сотрудничала с британскими властями в борьбе с японской агрессией, создав Малайскую народную антияпонскую армию. С 1948 по 1960 гг. вела партизанскую войну в джунглях. Находилась под сильным влиянием идей маоизма. Официально распущена в 1989 г.

Либерально-демократическая партия Сабаха (Parti Liberal Demokratik Sabah) – политическая партия в штате Сабах. Член правящего Национального фронта.

Партия независимости Малайи (Parti Malaya Merdeka) – партия в Малайзии в 1951–1954 гг. Основана Онн Джафаром как многонациональная и выступала за политическое и экономическое равенство всех национальных общин в стране. Распущена, поскольку не получила массовой поддержки.

Мархаэнистская партия Малайзии (Parti Marhaen Malaysia) – политическая партия народнического толка в Малайзии в 1968–1974 гг. Основана Ахмадом Бустаманом

после выхода из Народной партии Малайи. Оставила слабый след в политической истории Малайзии. Формировалась на принципе личной преданности Бустаману и не могла быть полнокровной. В 1974 г. приняла решение объединиться с Партией социальной справедливости.

Националистическая партия Малайзии (Parti Nasionalis Malaysia) основана в 1985 г. Открыта для всех национальностей. Играет незначительную роль в политической жизни страны. В парламенте не представлена.

Национальная партия Саравака (Parti Negara Sarawak) основана в 1960 году. В 1962 г. уже имела 65 отделений с более чем 62 тыс. членов (около 20 тыс. ибанов, 20 тыс. малайцев, 10 тыс. бидаю, остальные – китайцы). В 1968 г. объединилась с Народным фронтом Саравака, создав Партию бумипутра, которая в 1973 г. вошла в состав Объединенной партии Песака-Бумипутра.

Союзная партия (Parti Perikatan), правящая коалиция трех партий в Малайзии: Объединенная малайская национальная организация – ОМНО, Индийский конгресс Малайзии – ИКМ и Китайская ассоциация Малайзии – КАМ. Создавалась постепенно: в 1952 г. для участия в выборах в муниципальный совет Куала-Лумпура был установлен альянс ОМНО-КАМ. В 1954 г. накануне выборов 1955 г. к ним присоединился ИКМ. Название Союзной партии с 1958 г. На ее базе в 1974 г. сформирован Национальный фронт.

Партия Песака сынов Саравака (Parti Pesaka Anak Sarawak) основана в 1962 г., была призвана отражать интересы местного населения (ибанов). В 1973 г. вошла в состав Объединенной партии Песака-Бумипутра.

Объединенная партия Песака-Бумипутра (Parti Pesaka Bumiputera Bersatu) – главная партия в Сараваке. Образована в 1973 г. в результате слияния Партии бумипутра и Партии Песака сынов Саравака. Имеет более тысячи отделений, насчитывает около 300 тыс. человек. Член

Национального фронта со времени его основания. В штате Саравак контролирует правительство в коалиции с Национальной партией Саравака и Объединённой народной партией Саравака. Ее лидер – главный министр штата Саравак.

Объединённая народная партия Саравака (Parti Rakyat Bersatu Sarawak) – партия в штате Саравак. Основана в 1959 г. Член Национального фронта.

Народная партия Малайзии (Parti Rakyat Malaysia) – партия левого толка. Основана в 1955 г. как Народная партия Малайи Ахмадом Бустаманом, приверженцем идеологии мархаэнизма и идеи создания Великой Малайи. В 1957–1965 гг. действовала в составе Народного социалистического фронта. В 1969 г. с приходом в руководство Кассима Ахмада стала называться Народно-социалистической партией Малайи и провозгласила своей идеологией научный социализм. До 1980 г. партия не признавала создания Малайзии, ибо выступала за более широкое объединение. Съезд партии в 1980 г. убрал из своих документов упоминание о научном социализме, сохранив, однако, приверженность социалистическим принципам. В 1990 г. при новом лидере Саиде Хусине партия стала называться Народной партией Малайзии. В 2003 г. была предпринята неудачная попытка объединиться с Народной партией справедливости. После этого Саид Хусин Али вышел из партии. Партия претендует быть многонациональной, но в действительности представляет собой объединение социалистически настроенной малайской интеллигенции. В парламенте не представлена и какой-либо существенной роли в политике не играет.

Партия демократического действия (Parti Tindakan Demokratik) – оппозиционная партия социал-демократической направленности в Малайзии. Первоначально существовала как отделение сингапурской Партии народного действия. Как самостоятельная партия зарегистрирова-

на в 1966 г. Выступает за «малайзийскую Малайзию», т.е. чтобы все граждане Малайзии имели одинаковые права. Член Социалистического интернационала (1967). Символом партии с 1969 г. является красная ракета (стремление к современному, динамичному и прогрессивному обществу). На выборах 2008 г. выступила в составе Народного блока. Она получила 28 мест в парламенте и сформировала совместно со своими партнерами правительства в штатах Кедах, Перак, Пинанг и Селангор.

Народно-Прогрессивная партия (People's Progressive Party) – политическая партия социал-демократического толка в Малайзии в 1953–2020 гг. Основана по инициативе адвокатов братьев Синивасагам. Формировалась по принципу личной преданности лидерам. Пользовалась влиянием преимущественно среди мелкобуржуазных слоёв немалайских общин штата Перак. В 1958–1975 гг. контролировала муниципальный совет г. Ипо, в 1969–1972 гг. – правительство штата Перак. Член коалиции Национальный фронт с 1974 г.

Индийский конгресс Малайзии (Malaysian Indian Congress) (ИКМ) основан в 1946 г. для выражения интересов индийской общины страны. Первый президент Джон А. Тхиви. В 1955 г. накануне выборов ИКМ пошел на сотрудничество с ОМНО и КАМ, образовав просуществовавшую до 1974 г. Союзную партию. Сейчас входит в правящий Национальный фронт. Число членов 350 тыс.

Китайская ассоциация Малайзии (Malaysian Chinese Association) (КАМ) основана в 1949 г. Тан Ченг Локком для выражения интересов китайской общины страны. В 1952 г. для участия в выборах в муниципальный совет Куала-Лумпура был установлен альянс ОМНО-КАМ, накануне выборов 1955 г. к этому альянсу присоединился ИКМ, образовав просуществовавшую до 1974 г. Союзную партию. Сейчас входит в Национальный фронт.

Новая ОМНО (UMNO Baru) – партия, созданная в 1988 г. вместо ОМНО, которую Высший суд Малайзии признал незаконной из-за отсутствия регистрации ряда её отделений. В последующем, однако, партию стали называть просто ОМНО.

Объединенная малайская национальная организация (United Malay National Organisation) ОМНО – крупнейшая политическая партия в Малайзии и ведущая сила Национального фронта. Создана в 1946 г. Основатель Дато Онн. Число членов 2,4 млн.

Национальный фронт (Barisan Nasional) – правящая коалиционная партия в Малайзии. Создан в 1970 г. на основе т. н. Союзной партии, которая сама являлась объединением партий трёх основных национальных общин Малайзии (Объединённая малайская национальная организация – ОМНО, Китайская ассоциация Малайзии – КАМ, Индийский конгресс Малайзии – ИКМ). В 1970 г. во фронт вошла Объединённая народная партия Саравака, в 1972 г. – Партия Народное движение Малайзии (Геракан) и Народно-прогрессивная партия, в 1973 г. – Панмалайзийская исламская партия, исключённая затем в 1977 г. В 1974 г. это объединение получило официальное название Национального фронта. В настоящее время в нём 13 партий.

До 2008 г. Фронт легко одерживал победы на всеобщих выборах. В 2008 г. впервые столкнулся с сильной конкуренцией со стороны оппозиции в лице Народного блока. Он не только потерял конституционное большинство в парламенте (2/3 голосов), но и утратил контроль над 4 штатами, где оппозиция сформировала свои правительства. Эта тенденция продолжилась и на выборах 2013 г. Хотя фронт сохранил контроль над парламентом и смог сформировать федеральное правительство, он потерял семь мест в парламенте и в целом по стране получил под-

держку лишь 48 процентов. В 2018 г. Фронт проиграл оппозиции, но, по существу, вернул себе власть в 2022 г.

Народный блок (или Народный союз) (Pakatan Rakyat) – коалиция трёх оппозиционных партий Малайзии, выступивших единым фронтом на выборах 2008 г.: Партия демократического действия, Панмалайзийская Исламская партия (ПМИП), Партия народной справедливости. Членом блока на уровне штата Саравак является также Национальная партия Саравака. Блок значительно потеснил позиции правящего Национального фронта в парламенте и лишил его конституционного большинства, завоевав 82 места из 222 (на предыдущих выборах у оппозиции было всего 21 место) и сформировав правительства в штатах Кедах, Келантан, Селангор и Пинанг. Первоначально правительство блока было сформировано и в Пераке, но в результате откровенного давления федерального правительства, которое поддержал и султан Перака, блок потерял контроль над штатом. Блок получил также большинство в Куала-Лумпуре, но по существующему законодательству, административные органы столицы, включая мэра, назначаются федеральным правительством. На всеобщих выборах 5 мая 2013 г. блок завоевал 89 мест в парламенте и сохранил контроль над тремя штатами: Келантан, Пинанг и Селангор. В связи с выходом Панмалайзийской исламской партии 16 июня 2015 г. блок прекратил существование. Вместо него был создан Альянс «Надежда», в котором место ПМИП заняла отколовшаяся от него группа, назвавшая себя Партией национального доверия.

Партия национального альянса Малайзии (Parti Ikatan Bangsa Malaysia – IKATAN) – политическая партия социал-демократического толка. Основана 7 июня 2012 г. государственным и политическим деятелем Малайзии Абдул Кадир бин Шейх Фадзиром, вышедшим из ОМНО. Открыта для всех национальностей страны. Вместе с тем реально партия объединяет главным образом небольшую

группу малайских интеллектуалов. Целью партии, в соответствии с Уставом является «объединить и сплотить многонациональный, многоконфессиональный и с разнообразной культурой народ Малайзии, чтобы стать единой, процветающей, справедливой нацией». Партия претендует быть «третьей силой» в политике между правящим блоком и оппозицией, хотя и пыталась в 2019 г., правда, безуспешно, объединиться с Объединённой партией сынов земли Малайзии. Какой-либо существенной роли в политике не играет, в парламенте не представлена.

Партия народного движения (Gerakan Rakyat) – политическая партия социал-демократического толка. Создана в 1968 г. Имеет отделения во многих штатах страны, но наиболее прочные позиции в Пинанге, где в 1969–1974 гг. контролировала правительство штата. С 1974 г. действует в составе Национального фронта.

Социалистическая партия Малайзии (Parti Sosialis Malaysia) – левая политическая партия, ответвление от Народной партии Малайзии, изначально поддерживавшей ту же социалистическую идеологию. Первые десять лет после её основания в 1998 г. Федеральное правительство Малайзии отказывалось официально регистрировать партию, называя её «угрозой национальной безопасности». Министерство внутренних дел дало ей зелёный свет лишь в июне 2008 г. В выборах 1999 и 2004 г. её кандидаты участвовали в рядах других партий, например Партии народного действия. На парламентских выборах 2008 г. был избран первый депутат Социалистической партии, победивший в своём округе под знаменем Партии народной справедливости.

Альянс «Надежда» (Pakatan Harapan) – политическая коалиция, состоящая из Партии демократического действия, Партии народной справедливости, Партии национального доверия и Объединённой прогрессивной организации Кинабалу. Сформирована в 2015 г. на

смену Народному блоку. Коалиция была правящей в течение 22 месяцев на федеральном уровне после победы на всеобщих выборах 2018 г. до февраля 2020 г., когда она потеряла власть в результате политического кризиса. В настоящее время это крупнейшая оппозиционная коалиция в парламенте (90 мест). Коалиция контролирует три штата: Пинанг, Селангор и Негери-Сембилан.

Национальный альянс (Perikatan Nasional) НА – политическая коалиция, состоящая из Объединённой партии сынов земли Малайзии, Панмалайзийской исламской партии, Партии солидарности Родины, Прогрессивной партии Сабаха и Партии народного движения Малайзия. НА был сформирован во время политического кризиса 2020 г. с намерением заменить правившее тогда правительство Альянса «Надежда». Верховный правитель назначил Мухиддина Ясина, фактического лидера НА, премьер-министром Малайзии, в результате чего этот политический альянс сформировал правительство. Коалиция была правящей с марта 2020 г. по август 2021 г., когда Мухиддин Ясин ушел с поста премьер-министра после того, как ОМНО отказалась от своей поддержки, лишив НА большинства в парламенте. По состоянию на 14 марта 2022 г., НА контролировал 50 мест в парламенте при поддержке еще 3 независимых депутатов.

Партия солидарности Родины (Parti Solidariti Tanah Airku) – политическая партия, базирующаяся в штате Сабах. Основана 1 июля 2016 г. Джефффри Г. Китинганом, младшим братом Джозефа Пайрина Китингана, бывшего главного министра Сабаха и экс-президента Объединенной партии Сабаха. Партия вступила в союз с Национальным фронтом после выборов в штате Сабах в 2018 г. и сформировала правительство штата, контроль над которым был утерян, после того, как ряд членов Законодательного собрания штата от Национального фронта

поддержали Партию Наследия Сабаха. Позже, однако, она вернулась к власти в составе коалиции Народное объединение Сабаха, которое было сформировано в 2020 г. для участия в досрочных выборах в Сабахе. В том же году партия на федеральном уровне стала членом Национального альянса.

Народный фронт Саравака (Barisan Rakyat Jati Sarawak) – основан в 1961 г. Пользовался поддержкой части малайского населения штата Саравак и Меланау. В 1968 г. объединился с Национальной партией Саравака, создав Партию бумипутра, которая в 1973 г. вошла в состав Объединенной партии Песака-Бумипутра.

Народный социалистический фронт (Barisan Sosialis Rakyat) НСФМ – объединение оппозиционных партий левого крыла в Малайзии в 1957–1965 гг. Создание фронта – это попытка объединения левых сил в Малайзии в противовес правящему блоку Союзной партии в интересах трудящегося населения страны. НСФМ, однако, не удалось превратиться в организацию, альтернативную Союзной партии, ибо центробежные тенденции в нем оказались сильнее центростремительных. Лидеры входящих во фронт Рабочей партии Малайи (РПМ) и Народной партии Малайи (НПМ) часто ставили свои личные интересы выше партийных и не смогли преодолеть коммуналистской ограниченности. Распространение в стране предрассудков коммунизма, поощряемых правящими кругами, привело к тому, что и РПМ, и НПМ искали себе поддержку больше в разрезе общинном, нежели классовом. РПМ оставалась партией китайской и индийской мелкой буржуазии, и интеллигенции, а НПМ – тех же социальных слоев малайской общины.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Коммунализм как особенность политической системы Малайзии.
2. Основные правящие и оппозиционные коалиции в Малайзии.
3. Причины нестабильности политической системы в последние годы.

Рекомендуемая литература:

1. *Погадаев В. А.* Малазийская оппозиция в борьбе за независимость страны и социальный прогресс (1940-1970-е годы). М.: Ключ-С, 2014.
2. *Погадаев В. А.* Всеобщие выборы как отражение борьбы за власть в Малайзии / Власть и общество в Юго-Восточной Азии. История и современность. Губеровские чтения, выпуск 4. М.: ИСАА МГУ, 2015. С. 215–232.
3. *Самойленко В.В.* Политические партии / Малайзия. Справочник. М.: Наука, 1989. С. 125–153.
4. *Vasil R.K.* Politics in a Plural Society. A Study of Non-Communal Political Parties in West Malaysia. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1971.

§ 3.6. Становление гражданского общества

Гражданское общество в Малайзии — одно из самых развитых в регионе Юго-Восточной Азии.

Формирование неправительственных организаций (НПО) в стране началось ещё до получения независимости, и кроме периода действия чрезвычайного положения, их позиции на политической арене Малайзии были и остаются достаточно устойчивыми как на федеральном, так и на уровне штатов. На сегодняшний день в стране официально зарегистрировано более 45 тыс. НПО, хотя

активно в политических процессах участвует около ста, часть которых является представительствами международных организаций (например, «Amnesty International»), а часть создана малайзийскими группами по интересам, зачастую по этническому признаку (малайский «Проект Касих», китайский «Фонд наследия Пинанга» и др.).

Большую активность в политической сфере в последние годы проявляла созданная в 2006 г. неправительственная организация «Берсих», выступающая за чистоту всеобщих выборов. Число входящих в нее организаций возросло с 25 в 2006 г. до 62 в 2014 г., а массовые митинги, организованные ею в 2007, 2011, 2012, 2015, 2016 гг., несмотря на запрет властей, только в столице собирали сотни тысяч людей. Полагают, что именно благодаря ее деятельности правящий блок Национальный фронт проиграл оппозиции на выборах 2018 года.

Довольно активны в отстаивании интересов трудящихся малайзийские профсоюзы. Первые профсоюзы в стране возникли в середине 1920-х гг. На раннем этапе они были слабы и действовали в подполье. В 1940 г. был принят закон, разрешавший их создание под контролем колониальных властей. В 1946 г. была создана Всемалайская федерация профсоюзов, объединявшая 400 тыс. человек. Однако она находилась под влиянием компартии и в 1948 г. была запрещена вслед за ней. В феврале 1949 г. был создан новый профцентр – Конгресс профсоюзов Малайи (после создания Малайзии – Малайзийский конгресс профсоюзов), ставший членом МКСП. 1950–1960 гг. отмечены высоким уровнем забастовочного движения. Однако, в 1965 г. власти, воспользовавшись конфронтацией с Индонезией, приняли закон о запрете забастовок в основных сферах экономики.

В настоящее время из 14,6 млн работников членами профсоюзов являются около 925 тыс. человек. Крупнейшими профсоюзными объединениями страны являются

Организация малайского труда, Национальный союз работников нефтяной и химической промышленности, Национальный союз учителей, Союз работников транспорта Малайзии и др. Деятельность значительной части из них координирует Конгресс профсоюзов Малайзии, объединяющий около 507 тысяч человек в 235 профсоюзах, которые, не имея права на проведение забастовок, действуют другими методами и играют важную роль в трудовых отношениях. Число организаций растет – в 2018 г. создан Национальный профсоюз работников транспортного оборудования и смежных отраслей промышленности, представляющий собой коалицию из 58 профсоюзов и НГО, ранее известную как рабочая группа по достойному труду.

В кризисных ситуациях профсоюзы, обладающие большим мобилизационным потенциалом, способны добиваться реализации собственных интересов с помощью проведения массовых акций протеста. Так, например, такие акции, происходили в январе 2004 г., в результате чего был пересмотрен состав Министерства трудовых резервов и возобновлена работа специальных судов, рассматривающих трудовые споры. Благодаря настойчивым требованиям профсоюзов минимальный размер оплаты труда в Малайзии возрос с 900 ринггитов в 2012 г. до 1200 в 2020 г.

Основным институтом, представляющим интересы предпринимательства, является Торгово-промышленная палата Малайзии. Существуют также Ассоциация малайских торгово-промышленных палат, Ассоциация китайских торгово-промышленных палат и торгово-промышленные палаты штатов, представляющие интересы отдельных этнических и региональных предпринимательских групп. Функционируют двадцать одна торгово-промышленная палата, представляющие интересы зарубежных предпринимателей в Малайзии, например, нор-

вежско-малайзийская и британско-малайзийская торгово-промышленные палаты.

Существенное влияние оказывают на ход общественной жизни и политических процессов правозащитные, мусульманские религиозные НПО, организации международной политики, по защите окружающей среды, литературные и творческие союзы: «Комиссия по правам человека Малайзии» (СУХАКАМ), «Союз мусульман Малайзии», «Союз улемов Малайзии», «Поколение исламской молодежи Малайзии (АБИМ), «Фонд глобального движения умеренных», «Международное движение за справедливый мир», «Фонд глобального мира», «Глобальные исследования», «Друзья природы Малайзии», «Друзья наследия Малайзии», «Буддийское миссионерское общество Малайзии», Союз писателей Малайзии (ПЕНА), Федерация писательских союзов Малайзии (ГАПЕНА) и другие, многие из которых пользуются поддержкой правительства, в том числе и финансовой.

С другой стороны, Малайзия представляет собой пример жесткого государственного контроля над гражданским обществом.

Согласно Закону «Об общественных организациях» 1966 г., регистрирующий орган (Министерство внутренних дел) обладает полной свободой в принятии решений о выдаче регистрационного удостоверения общественной организации, а также может приостановить ее действия по подозрению в угрозе общественному порядку, моральным устоям и т.д.

С 1971 по 2020 г. на основании Акта об университетах и университетских колледжах студентам было запрещено заниматься политической деятельностью.

С 1960 по 2012 г. в стране действовал Закон о внутренней безопасности, дававший властям право держать людей в заключении сроком до 2-х лет без судебного решения и предъявления обвинений. Этот срок мог много-

кратно продляться. Только за десять лет (1988–1998) он был применен в отношении 700 человек. В числе подвергнувшихся действию этого закона были не только деятели оппозиции, но и общественные деятели, профсоюзные и студенческие лидеры и др.

Принятый вместо него в 2012 г. Закон о нарушениях безопасности (особых мерах) предусматривает задержание любого лица полицией без ордера на основании подозрения в причастности к действиям, подрывающим безопасность. Лицо может быть задержано на 24 часа в целях расследования, однако срок расследования может быть продлен на 28 дней. В дальнейшем обвиняемые могут предстать перед Высоким судом. В 2016 г. закон был использован для ареста 15 видных борцов за гражданские права, принимавших участие в митинге Берсих, что вызвало широкое осуждение со стороны различных сторон, в том числе директора организации «Юристы за свободу» Эрика Полсена, 80 организаций гражданского общества, Комиссии по правам человека Малайзии. Они заявили, что использование закона в отношении организаторов мирного митинга является злоупотреблением властью и призвали к отмене закона, назвав его «драконовским».

Вопросы для самостоятельной работы:

1. В чем существо политики малайзийского правительства в отношении неправительственных организаций.
2. Состояние профсоюзного движения на современном этапе.
3. Роль организации «Берсих» в проведении «чистых» выборов.

Рекомендуемая литература:

1. *Заказникова Е.П., Латышева И.С.* Рабочий класс и профсоюзное движение / Малайзия. Справочник. М.: Наука, 1989. С. 159–170.
2. *Рябова И.А.* Рабочий класс и профсоюзы Малайзии. М.: Наука, 1972.
3. *Kho Boo Teik.* The Profound Impact of the BERSIH Movement since 2007 / ISEAS Yusof Ishak Institute. Articles and Commentary. Singapore, 2021/167.

Глава 4. РЕСПУБЛИКА СИНГАПУР

§ 4.1. Становление и эволюция политической системы в XX веке

Республика Сингапур сегодня – высокоразвитый капиталистический урбанистический центр Юго-Восточной Азии. Сингапурское общество по многим параметрам сходно западным обществам, однако сложившаяся здесь за годы модернизации государственно-политическая система, хотя и имеет значительное сходство с западными либерально-парламентскими демократиями, по целому ряду аспектов функционирует отлично от либерально-демократических образцов западного мира. В политической системе наблюдается переплетение демократических идей с элементами традиционной политической культуры.

Как суверенное государство Сингапур появился на политической карте мира 9 августа 1965 г. после официального объявления о выходе Сингапура из состава Федерации Малайзии. 22 декабря 1965 г. на заседании парламента Сингапур был официально объявлен Республикой.

Отделение Сингапура от Малайзии было закреплено в трех важных документах: Конституции и Законе о Малайзии (поправка о Сингапуре), Законе о Конституции Сингапура (поправка) и Законе о независимости Республики Сингапур 1965 года. Закон о независимости был принят парламентом для обеспечения преемственности существующих законов и принятия некоторых положений Конституции Малайзии после того, как Сингапур покинул Федерацию. В марте 1980 г. был опубликован текст действующего Основного закона.

Конституция Сингапура декларирует широкие демократические права и свободы – свободу личности, запрещение рабства и принудительного труда, равенство перед законом без различия расы, национальности, религиозной принадлежности, пола и возраста, профессии, рода занятий, социального и имущественного положения. Основной закон гарантирует свободу передвижения, а также свободу слова, собраний и ассоциаций. Отдельно провозглашается право на получение образования для всех без исключения граждан Республики Сингапур. Религиозным группам разрешается создавать и содержать образовательные учреждения для детей, а также осуществлять религиозное обучение в соответствии со своей конфессией. При этом запрещено принудительное вовлечение граждан в религиозное обучение или церемонии других конфессий, а также участие в политической деятельности. Религиозная принадлежность детей до 18-ти лет определяется их родителями или опекунами.

Конституция вменяет в обязанность правительству неустанно заботиться об интересах этнических и религиозных меньшинств, проживающих в Сингапуре. При этом особо подчеркивается, что кабинет министров должен признавать и обеспечивать специальное положение малайцев, которые являются коренными жителями Сингапура. Правительство обязано охранять, защищать, поддерживать, укреплять и продвигать их политические, образовательные, религиозные, экономические, социальные и культурные интересы, а также малайский язык.

Республика Сингапур расположена в Юго-Восточной Азии. Столица – г. Сингапур. Малайский язык в соответствии с Конституцией является национальным языком, а официальными признаются малайский, китайский, тамильский и английский языки. Семь из 10 государственных праздников являются религиозными. Большое значение для консолидации населения имеют меро-

приятия, проводимые ежегодно 9 августа в День независимости и 21 июля в День национальной гармонии. Член ООН (с 1965) и её специализированных организаций, ВТО, АзБР, АТЭС, АСЕАН (с 1967), Движения неприсоединения и др.

Территория государства состоит из о. Сингапур и 62 прилегающих мелких островов у южной оконечности Малаккского п-ова. На севере Сингапур отделён от Малайзии Джохорским проливом (ширина 1,5 км), на юге — от о-вов Индонезии — Малаккским и Сингапурским проливами, Сингапур находится в самом «сердце» малайского мира. Площадь 728,3 кв.км (декабрь 2020), каждый год происходит прирост территории за счет искусственного увеличения — намыва суши.

Страна практически полностью лишена полезных ископаемых, кроме небольших месторождений графита и сланцев. После обретения независимости Сингапур находился практически в полной зависимости от внешних источников пресной воды, поставки из соседнего Джохора (Малайзия) составляли 80%. За годы независимости стране удалось значительно снизить потребности в импорте воды благодаря внедрению передовых технологических подходов, однако, несмотря на высокую эффективность водного сектора, проблема удовлетворения растущего спроса на воду всё еще остается актуальной — на сегодняшний день примерно половина ежедневной потребности острова в пресной воде покрывается за счет поставок из Малайзии. Латеритные почвы малопродуктивные, из-за этого сельское хозяйство не обеспечивает внутренних потребностей в продовольствии и сырье.

Население Республики Сингапур составляет 5,69 млн чел. (июнь 2020) из них граждане Сингапура — 3,52 млн чел. (июнь 2020). Постоянное население продолжает стареть: в 2010 г. жители в возрасте 65 лет и старше составляли 9%, в 2020 г. — 15,2%. Доля жителей в возрасте до 15 лет

упала с 17,4% в 2010 г. до 14,5% 2020 г. Средний возраст постоянного населения вырос с 37,4 в 2010 г. до 41,5 в 2020 г. Сельского населения практически нет. Грамотность – 97%.

Возраст выхода на пенсию 60–65 лет. Действует единая система пенсионного обеспечения в лице Центрального сберегательного фонда. Действие фонда распространяется на иностранных специалистов и рабочую силу.

Население Сингапура объединяется статистикой в четыре основные этнические группы – «китайскую», «малайскую», «индийскую» и «другие». Такой многообразный этнический состав населения Сингапура стал результатом миграционного процесса его формирования. Родной подавляющего большинства китайских иммигрантов были три провинции Китая – Фуцзянь, Гуандун и Гуанси. Малайцы по происхождению делятся на две основные группы – родившиеся в Сингапуре и Малайзии и переселенцы из Индонезии (яванцы, мадурцы, буги, риау, минанкабау и др.). Под термином «индийцы» объединяются все выходцы из Южной Азии (кроме Непала), а также их потомки. В категорию «другие» попадают все лица кроме относящихся к трем основным категориям (евразийцы, европейцы, арабы, японцы, и т.д.).

На момент прибытия на остров англичан в 1819 г., на нем проживало менее 200 чел. (в основном малайцев). По мере роста численности населения увеличивалось количество этнических групп, соотношение которых менялось на различных этапах исторического развития. В первой четверти XIX в. численно преобладали малайцы, однако в дальнейшем положение резко изменилось за счет усиления миграции из южных провинций Китая, что привело к доминированию китайской этнической группы в составе населения. В 1860 г. китайцы в Сингапуре составляли 61% населения.

Первая перепись населения в независимом Сингапуре прошла в 1970 г. (далее каждые 10 лет). Этнический состав населения остается стабильным. В 2020 г. китайцы, малайцы и индийцы составляли, соответственно, 74,3%, 13,5% и 9,0% постоянного населения. Соотношение китайцев, малайцев и индийцев для всего населения Сингапура: 75,9%, 15,0% и 7,5%.

В начале 2010 г. постановлением правительства была прекращена практика наследования национальности по отцовской линии – родителям из смешанных пар было разрешено выбирать национальность своего ребенка. Вскоре после этого было внесено предложение о предоставлении возможности регистрации «двойной национальности» людям смешанного происхождения. Это постановление вступило в действие в январе 2011 г.

Процедура регистрации национальности граждан в удостоверении личности (Identity Card) возложена на Управление иммиграции и пограничного контроля (ICA).

Сингапур является многоконфессиональным государством. Среди жителей в возрасте от 15 лет и старше в 2020 г. 31,1% буддисты, 8,8% – даосисты, 18,9% – христиане, 15,6% – мусульмане и 5,0% – индуисты, 20,0% жителей не имели религиозной принадлежности (17,0% в 2010). В период с 2010 по 2020 г. доля христиан и мусульман немного увеличилась, а доля буддистов и даосистов немного снизилась. Вполне закономерно, что традиционные китайские религии занимают лидирующую позицию, однако это является уникальным для данного региона ЮВА, где в соседних странах – Малайзии и Индонезии – господствующей религией является ислам.

В последние десятилетия в Сингапуре наблюдается увеличение доли христиан и лиц, не исповедующих никакой религии, особенно в китайской этнической группе, при этом большинство из новообращенных христиан молодые, хорошо образованные люди, так называемые «бе-

лые воротнички». Христианство стало второй по значимости после буддизма религией для сингапурских китайцев, при этом большинство новообращенных присоединились к евангельской и харизматической протестантской церкви.

Строительство нации в государстве Сингапур предполагает конституирование сингапурской идентичности в её не этно-национальном, а в гражданско-политическом смысле. Символом новой идентичности, или нации становится не этнический фактор, а государственная принадлежность.

За годы независимости в Сингапуре удалось достичь устойчивого равновесия в межобщинных отношениях, обеспечив своим гражданам равные права независимо от их этнической принадлежности. Культурный плюрализм рассматривался как источник жизненной энергии сингапурской нации и культурного прогресса. Формирование сингапурской идентичности на основе углубления интеграционных процессов стало одним из важнейших достижений государственной политики.

Для успешного формирования сингапурской идентичности в конце 1980-х годов была разработана национальная идеология. В качестве интегрирующей идеи был использован лозунг необходимости выживания маленького островного государств, не имеющего природных богатств. Он должен был сплотить иммигрантское общество не на базе ценностей какой-то одной этнической или религиозной группы, а на основе новых ценностных ориентиров консолидирующей общности. Были использованы такие ценностные установки, как прагматизм, эффективность, равенство шансов и вознаграждение по заслугам. Они провозглашались символами, объединяющими все население в достижении общей цели – выжить в Юго-Восточной Азии в качестве самостоятельного суверенного государства. Использовались и такие элементы традиционной политической культуры, характерные для всех эт-

но-религиозных групп страны, как приоритет интересов общества над интересами личности; семья как основная ячейка общества; консенсус, а не конфронтация; социальная гармония и религиозная толерантность.

Официальная идеология Сингапура построена на противопоставлении азиатских ценностей, традиционного гуманизма технократизму Запада, отчуждению личности и дегуманизации всей жизни.

При этом многонациональный состав населения страны побуждает идеологов к выбору универсального в традиционном наследии, что не входило бы в конфликт с основными ценностными ориентациями других этноконфессиональных групп.

Все успехи и достижения независимой Республики Сингапур на современном этапе безусловно связаны с бесменным политическим руководством Партии Народного Действия и её основателя – первого премьер-министра Сингапура – Ли Куан Ю, но важно помнить о той роли, которую сыграла Британская империя в «закладке основ закона и порядка, а также в базовом государственном управлении [Сингапура]». Без всякого преувеличения можно сказать, что и политическая, и бюрократическая, и социальная системы сингапурского общества зиждутся в настоящем на фундаменте, заложенном английской колониальной системой управления в прошлом. Да и сама партия власти – ПНД – закрепила у власти еще в 1959 г., задолго до обретения страной независимости. Административная структура и, собственно, сами властные институты, заимствованные из других британских колониальных владений, были адаптированы к сингапурским условиям.

Предыстория Сингапура до 1819 г. – прихода на остров английской Ост-Индской компании (АОИК) – весьма фрагментарна. Сначала Сингапур находился под властью Шривиджайи, затем входил в империю Маджапахит, после

был частью Малаккского султаната, а в период начала активной колониальной экспансии Португалии находился во владении султаната Джохор. На острове периодически строились торговые порты и поселения, которые разрушались в результате войн, несколько столетий остров пребывал в запустении и был прибежищем морских пиратов.

Коренным образом судьба Сингапура изменилась с появлением в регионе Юго-Восточной Азии английской Ост-Индской компании (АОИК), которая во второй половине XVIII в. развернула поиски военно-морской и торговой базы в Малаккском проливе. В 1795 г. Малакка становится английским владением, а в 1819 г. представитель АОИК Томас Стэмфорд Раффлз прибыл на остров Сингапур, где, по договору с султанатом Джохора англичане получили разрешение создать торговую факторию у устья реки Сингапур, и с этого момента ведется отсчет новой истории Сингапура.

С 1826 г. всё английское право, то есть общее право (включая закон о торговле) и статутное право стали частью правовой системы Сингапура, которая и сегодня демонстрирует большое влияние принципов, установленных британской правовой системой.

В 1826 г. Сингапур, Пинанг и Малакка были объединены в Стрейтс-Сеттельментс («Поселения на проливах»), а в 1832 г. Сингапур стал их административным центром. Полномочия в принятии законов для Стрейтс-Сеттельментс имели верховное правительство Индии и парламент Соединенного Королевства. В 1856 г. Сингапур получает статус города. В 1867 г. Стрейтс-Сеттельментс попадают в ведение специальной колониальной администрации в Лондоне. 1 апреля 1867 г. Стрейтс-Сеттельментс получили статус колонии короны, и в Сингапур прибыл первый губернатор – генерал-майор сэр Гарри Сент-Джордж Орд.

В соответствии с письмом о патентах от 4 февраля 1867 г. Стрейтс-Сеттельментс была предоставлена колониальная конституция в обычной форме. 1 апреля того же года был учреждён Законодательный совет (назначаемый). Инициатором законотворчества обычно выступал губернатор, он же имел право одобрять или налагать вето на законопроекты.

Опираясь на Стрейтс-Сеттельментс, Англии удалось захватить ряд малайских феодальных государств на Малаккском полуострове. Новые территории вместе со Стрейтс-Сеттельментс образовали Британскую Малайю с центром в Сингапуре. Губернатор колонии одновременно являлся английским верховным комиссаром в Малайе.

С середины XIX в. росло значение Сингапура как крупного торгового, а в дальнейшем промышленного и финансового центра и центра рабочей силы в регионе. Свободный порт Сингапур превратился в мощное орудие распространения английского влияния в Юго-Восточной Азии.

В период Второй мировой войны с 1942 по 1945 гг. Сингапур находился под японской оккупацией. После капитуляции Японии английский колониальный режим на острове был восстановлен. Однако новая международная обстановка, сложившаяся в мире после окончания Второй мировой войны, обусловленная распадом колониальной системы, вынудила Англию к проведению реформы колониального управления в Британской Малайе.

В начале 1946 г. английским правительством была опубликована Белая книга по реформе колониального управления в Малайе. 1 апреля 1946 г. девять малайских султанатов и Стрейтс-Сеттельментс Пинанг и Малакка официально сформировали Малайский Союз, а Сингапур стал отдельной колонией короны. При этом в Сингапуре была сохранена организационная структура Стрейтс-Сеттельментс во главе с губернатором. 3 апреля 1946 г.

первым губернатором Сингапура был назначен Франклин Гимсон.

Малайский Союз, задуманный британскими властями как эффективная система эксплуатации и опора в закреплении их господства, не оправдал надежд колонизаторов. Создание Союза дало мощный толчок к подъему антиколониального движения как в Малайе, так и в Сингапуре. Главной силой этого движения стала Коммунистическая партия Малайи (КПМ). И в Малайе, и в Сингапуре стали восстанавливаться профсоюзы, по обеим территориям прокатились забастовки.

Попытка создания Малайского Союза не увенчалась успехом, и английским колониальным властям пришлось пойти на реформу колониального управления путем создания Малайской Федерации. 24 июля 1947 г. было объявлено, что английское правительство принимает проект Конституции Малайской Федерации, не предусматривавший объединение с Сингапуром.

1 февраля 1948 г. было провозглашено создание Малайской Федерации. Сингапур остался колонией короны.

20 марта 1948 г. в Сингапуре прошли первые выборы в Законодательный совет. Голосование не было обязательным и в нем могли принимать участие только некоторые британские подданные, составлявшие около 2% населения Сингапура. Единственной партией, принимавшей участие в выборах, стала Прогрессивная партия (ПП), и она получила 3 из 6 выборных мест.

Вторые выборы в Законодательный совет состоялись 10 апреля 1951 г. Государственный секретарь Великобритании по делам колоний одобрил предложение об увеличении числа мест, избираемых на национальном уровне с 6 до 9, подняв общее число мест с 22 до 25. Голосование вновь не было обязательным и являлось привилегией только определенных граждан. ПП получила 6 мест из 9.

В период с 1948 г. по 1960 г. под руководством КПМ в Малайе происходит вооруженная партизанская война против английских колонизаторов, затронувшая и Сингапур. Этот период вошел в историю под названием «Чрезвычайка».

На политической арене Сингапура после введения чрезвычайного положения основную роль стали играть три социальные силы. Во-первых, крупная буржуазия, которую представляли Китайская, Индийская и Европейская торговые палаты. В период с 1946 по 1955 г. каждая из них занимала по три места в Законодательном собрании. Во-вторых, европейски образованная интеллигенция и представители мелкой и средней буржуазии всех основных этнических групп. В-третьих, рабочий класс Сингапура и мелкобуржуазные городские слои.

Главной особенностью политического развития Сингапура стало выдвижение на первый план лейбористских и мелкобуржуазных партий, в отличие от Малайи, где лидирующие позиции заняли консервативные силы. Это было обусловлено особенностями населения Сингапура, в котором преобладали пролетарские и мелкобуржуазные слои, а также абсолютное доминирование китайской этнической группы.

Колониальные власти, в попытке расколоть национально-освободительное движение в Сингапуре, разрешили в начале 1950-х создание различных политических партий и профсоюзов. Однако эти организации довольно быстро встали на путь борьбы за независимость.

В 1950 г. был организован Сингапурский конгресс профсоюзов (СКП). В стране ширилось забастовочное движение. Именно профсоюзы стали опорой двух политических партий, возникших в 1954 г. – Партии народного действия (ПНД) и Трудового фронта (ТФ). Внутри этих партий проходила борьба между активно выступавшими с антиимпериалистических позиций левыми и консерва-

тивными силами, ориентированными на сотрудничество с английскими властями и крупной буржуазией.

Колониальным властям пришлось пойти на уступки, пообещав Сингапуру ограниченное самоуправление. В 1953 г. британской администрацией была назначена конституционная комиссия, которую возглавил Джордж Рэндэл. Конституция Рэндэла внесла изменения в положение о гражданстве, несколько его расширив – из 1,1 млн человек 282 тыс. получили право голоса. Была учреждена Законодательная ассамблея из 32 человек, 25 из которых избирались, четверо – назначались, также в нее входили три должностных лица. Лидер партии, которая завоевала на выборах большинство, получал право назначать шестерых членов кабинета министров. Однако под контролем колониальной администрации оставались министерства иностранных дел, финансов, обороны и внутренней безопасности. За губернатором осталось закреплено право вето на любой предложенный закон.

В апреле 1955 г. в Сингапуре состоялись выборы в Законодательную ассамблею, в которых приняли участие шесть политических партий. Интересы крупной европейской и китайской буржуазии представляли Прогрессивная и Демократическая партии.

ТФ и ПНД выдвигали схожие программы с требованием предоставления Сингапуру независимости, отмены чрезвычайного положения, построения «общества социальной справедливости» и пр. Опорой обеих партий стали профсоюзы, в особенности, Трудового фронта, поскольку один из его руководителей – Лим Ю Хок, был президентом Сингапурского конгресса профсоюзов (СКП). Во главе партии встал известный адвокат Дэвид Маршалл.

В ПНД во главе с Ли Куан Ю большую роль играли тайные коммунисты и члены других запрещенных законом о чрезвычайном положении организаций. ПНД опиралась на профсоюзы, не входившие в СКП, и учащихся

китайских школ. Также в выборах приняли участие Рабочая партия и коалиция Объединенной малайской национальной организации (ОМНО) и Китайской ассоциации Малайи (КАМ) – Сингапурский Альянс (Союзная партия).

В выборах приняли участие только 53% избирателей. Трудовой фронт получил 10 мест, Прогрессивная партия – 4, Демократическая – 2, ПНД – 3, Альянс – 3, независимые партии – 3 места. Лидер Трудового фронта Дэвид Маршалл заключил союз с Альянсом и при поддержке губернатора Джона Никола, который назначил двух членов Трудового фронта в Законодательную ассамблею, сформировал и возглавил (как гл. министр) правительство.

В апреле-мае 1956 г. в Лондоне проходили переговоры о предоставлении Сингапуру независимости, в которых принимал участие Дэвид Маршалл. Переговоры не удались, и Дэвид Маршалл был вынужден подать в отставку, а пост главного министра занял Лим Ю Хок.

Лейбористское правительство возглавило три общепартийные миссии в Лондон в 1956, 1957 и 1958 гг. с целью установления скорейшего самоуправления. Переговоры завершились соглашением о предоставлении Сингапуру этих функций.

Лим Ю Хок пошел на уступки английским властям, согласившись на создание Совета по внутренней безопасности, в который входили по три представителя от Англии и Сингапура и один от Малайской Федерации. Проявляя готовность к сотрудничеству с англичанами, Лим Ю Хок начал преследование ПНД и поддерживавших ее профсоюзов. Был запрещен Сингапурский союз учащихся средних школ (сентябрь 1956 г.). В августе 1957 г. прошла волна арестов как рядовых членов, так и руководства ПНД.

Англия, в свою очередь, удовлетворенная действиями Лим Ю Хока, в марте-апреле 1957 г. в Лондоне возобновила англо-сингапурские переговоры, в результате чего

на свет появился проект Конституции Сингапура, согласно которой Сингапур становился «самоуправляющимся государством», а его правительству предоставлялись полномочия контроля над внутренними делами. В ведении Англии оставались вопросы обороны и внешних сношений. Вопросы внутренней безопасности, как уже говорилось выше, были в компетенции Совета по внутренней безопасности, возглавляемого английским комиссаром. Действие Конституции могло быть приостановлено по решению английского правительства в случае, если внутреннее положение Сингапура, по его мнению, могло поставить под угрозу «выполнение британских обязательств в области внешних сношений и обороны». Главой государства (*янг дипертуан негара*) по назначению Англии должен был быть представитель малайской этнической группы (малаец). Совет министров, во главе с премьер-министром, несли ответственность перед Законодательной ассамблеей, члены которой, в составе 51-го человека, избирались гражданами Сингапура.

После очередного раунда переговоров в Лондоне в мае 1958 г. условия получения Сингапуром независимости окончательно были согласованы. Основой Конституции самоуправляющегося государства Сингапур в рамках Британского содружества стал проект конституции, обсуждавшийся на переговорах весной 1957 г. Самоуправление должно было вступить в силу после проведения в 1959 г. парламентских выборов. Англия сохраняла за собой военно-морскую базу на острове.

В 1957 г. сингапурское гражданство предлагалось родившимся в Сингапуре или Федерации, а также британским гражданам, прожившим здесь два года. Жителям, прожившим в колонии 10 лет и готовым присягнуть в верности Сингапуру, была предложена натурализация.

В конце 1957 – начале 1958 гг. в Сингапуре на фоне ухудшения экономического положения усилилась внут-

риполитическая борьба. Преследования профсоюзов и учащихся правительством Лим Ю Хока, а также его проанглийская ориентация, вызвали недовольство широких слоев населения.

Дэвид Маршалл возглавил недовольных политикой Лим Ю Хока бывших членов Трудового фронта и в конце 1957 г. создал Рабочую партию (РП), которая выступила с резкой критикой Конституции 1958 г. Партия выдвигала требования воссоединения Малайи и Сингапура, а также ликвидации иностранных военных баз.

ПНД во главе с Ли Куан Ю стала главным соперником Трудового фронта. Ее программа «независимого, демократического, некоммунистического, социалистического Сингапура» получила поддержку широких слоев населения, недовольных политикой Лим Ю Хока. В тот период в ПНД была сильная группа под руководством Лим Цинь Сяна, ориентированная на КНР. На выборах в городской совет Сингапура в декабре 1957 г. ПНД выиграла 13 мест из 32. Мэром Сингапура стал Он Ен Гуань – один из лидеров ПНД.

В попытке перегруппировать силы перед парламентскими выборами Лим Ю Хок призвал правые политические партии к объединению. В результате Либерально-социалистическая партия (ЛСП) (объединенные Демократическая и Прогрессивная партии) и правые фракции Рабочей партии и Трудового фронта создали Сингапурский народный союз (СНС).

На прошедших 30 мая 1959 г. выборах ПНД одержала неоспоримую победу, получив 53,4% голосов и, соответственно, 43 места из 51 в парламенте. СНС получил 4 места, Альянс – 3, также в парламент был избран один независимый депутат. Ли Куан Ю как лидер партии, победившей на выборах, потребовал от губернатора Сингапура Уильяма Гуда освободить арестованных членов руководства ПНД, а затем сформировал правительство.

Придя к власти в результате победы на всеобщих выборах 1959 г., правительство ПНД во главе с Ли Куан Ю взяло курс на борьбу с коррупцией, в которой оно видело одно из основных препятствий на пути развития страны.

Самоуправление Сингапура было провозглашено 3 июня 1959 г. Еще в течение полугода последний губернатор У. Гуд оставался в должности первого главы государства, после его отъезда из Сингапура главой государства (янг дипертуан негара) был назначен Инче Юсуф бин Исхак, при этом правом назначения главы государства по Конституции обладала английская королева.

Перед правительством Сингапура стоял ряд проблем, связанных с экономическим положением в стране, отношениями с Малайзией и внутрипартийной борьбой в ПНД.

В конце мая 1961 г. премьер-министр Малайской Федерации Тунку Абдул Рахман выдвинул план создания Федерации Малайзии, которая включила бы в свой состав Малайскую Федерацию, Сингапур, Саравак, британское Северное Борнео (Сабах) и Бруней. В августе 1961 г. на встрече премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю и премьер-министра Малайской Федерации Абдул Рахмана было достигнуто принципиальное соглашение об объединении территорий, основные условия которого были утверждены правительствами Малайи и Сингапура в ноябре того же года.

Для решения вопроса о вхождении в Федерацию Малайзии было решено провести референдум, инициатором которого выступила ПНД. Этот единственный референдум в истории Сингапура должен был определить условия слияния с Малайзией. Референдум состоялся 1 сентября 1962 г. 71% участвовавших в голосовании выступили за объединение, 25% опустили по призыву оппозиции пустые бюллетени. Так или иначе, позиции ПНД во главе с Ли Куан Ю после референдума упрочились.

Соглашение о создании 31 августа 1963 г. Федерации Малайзии было подписано в Лондоне 8 июля 1963 г. представителями Англии, Малайской Федерации, Сингапура, Саравака и Сабаха. Согласно этому документу Федерация Малайзии включала 14 штатов, но штаты Сингапур, Саравак и Сабах обладали значительно большей автономией, чем 11 штатов, составлявших Малайскую Федерацию. Правитель государства – *янг дипер-туан агунг* (верховный правитель) – избирался из числа малайских султанов. Нижняя палата парламента (Палата представителей) состояла из 159 депутатов: 104 от Малайи, 24 от Саравака, 16 от Сабаха и 15 от Сингапура. В Сенате каждый штат имел двух представителей. Государственным языком провозглашался малайский.

Сингапуру был оставлен статус свободного порта, сохранялась автономия в сфере образования, здравоохранения и трудовой политики. Однако функции и полномочия Законодательного собрания, кабинета министров и премьер-министра Сингапура в области обороны, внешних сношений, безопасности и других федеральных вопросов были ограничены. Согласно пункту 6 Соглашения о Малайзии, Англия сохраняла все свои военные базы на территории Малайзии и могла их использовать по своему усмотрению без предварительной консультации с правительством Федерации, включая английскую военную базу в Сингапуре и 36 ракетных баз и других военных сооружений на территории Малайи.

Провозглашение Малайзии состоялось 16 сентября на стадионе «Мердека» в Куала-Лумпуре. В Федерацию Сингапур вступил независимым государством, так как 31 августа 1963 г. на торжественном митинге Ли Куан Ю в одностороннем порядке объявил об этом.

Всеобщие выборы в местный парламент – Законодательную ассамблею Сингапура, которые состоялись в сентябре 1963 г. сразу же после образования Малайзии, толь-

ко обострили отношения между центральным правительством и правительством Сингапура. Борьба на выборах развернулась между тремя политическими силами: стоявшей у власти Партией народного действия, Социалистическим фронтом и Альянсом Сингапура. Каждая из трех партий имела свою четкую политическую платформу: ПНД стояла на промалайзийских позициях, Социалистический фронт на антималайзийских, а Альянс Сингапура был консервативной альтернативой им обеим.

ПНД одержала на выборах убедительную победу. Она получила 47% голосов и 37 мест в парламенте. Социалистический фронт – 35% голосов и 13 мест. Альянс Сингапура получил лишь 8% от общего числа голосов. Таким образом, ни один кандидат от Альянса не прошел в сингапурский парламент.

Прямой выход ПНД на малайскую политическую сцену – участие в выборах 1964 г. в Федеральный парламент и Совет Федерации (несмотря на провальные для ПНД результаты) – ознаменовал собой четкий поворотный момент в отношениях между Сингапуром и Куала-Лумпуром. Этот шаг ПНД повлек за собой ряд событий, которые привели в конечном итоге к выходу Сингапура из состава Малайзии.

Лидеры ПНД не могли не понимать, что их политическая деятельность в Федерации будет восприниматься малайцами как угроза их особому положению в Малайзии. К тому же нельзя забывать о том, что малайцы составляли лишь 13,6% населения Сингапура и не пользовались всеми особыми привилегиями, которые Конституция гарантировала им в Малайе. В Соглашении Малайзии специально оговаривалось, что привилегии малайцев в Малайской Федерации не распространяются на Сингапур. Конституция Сингапура признавала «особое положение» малайцев, но она не предоставляла им особые права, такие как резервирование рабочих мест в гражданской службе и

льгот в выдаче разрешений и лицензий. Многие малайцы, естественно, рассчитывали, что после образования Малайзии, с доминированием малайцев в центральном правительстве, они оказались бы в лучшем положении в Сингапуре, чем раньше, но их надежды не оправдались.

Именно в этом контексте необходимо рассматривать общественные беспорядки, которые разразились в июле 1964 г. Непосредственной причиной беспорядков стали действия, предпринятые правительством Сингапура по переселению двухсот семей из малайского Джуронга. ОМНО Сингапура обвинило ПНД в том, что это преднамеренные действия по перераспределению малайских избирателей, дабы «рассеять» их в среде многочисленного китайского и индийского населения.

С целью разрядить обстановку Ли Куан Ю принял решение организовать конференцию для представителей различных малайских социальных и культурных организаций, но не включил ОМНО в число ее участников. От ОМНО в адрес ПНД последовали обвинения в попытке разобщения малайцев, и в качестве ответной меры 12 июля 1964 г. ОМНО организовала Малайскую Конвенцию, на которой были выдвинуты «малайские требования». В своем обращении к Конвенции, Али бин Ахмад (заместитель генерального секретаря ОМНО) обвинил ПНД в попытке создать «государство Израиль» в Сингапуре, целью которого является подавление малайцев: «тактика угнетения мусульман израильянами в Израиле идентична тому, как в Сингапуре малайцы угнетаются ПНД».

Конференция, организованная правительством Сингапура 19 июля 1964 г., не решила поставленных перед нею проблем. Ли Куан Ю заверил делегатов, что предоставит малайцам все условия для того, чтобы они могли конкурировать с немалайцами в поиске работы, но он ясно дал понять, что не будет ни системы квот в распреде-

ления работы или выдаче лицензий, ни резервирования земли для малайцев.

В такой взрывоопасной атмосфере разжечь общественные беспорядки не составило особенного труда. Все началось 21 июля 1964 г., беспорядки были хорошо организованы и быстро распространились по территории Сингапура. В Паданге (центральный район Сингапура) собралось более 25 тысяч малайцев для празднования дня рождения Пророка Мухаммеда. Малайские лидеры выступили с критикой ПНД, обвиняя ее в жестоком обращении с малайцами. В ходе процессии был избит полицейский, начались нападения на китайцев, столкновения между китайцами и малайцами вспыхнули в разных районах Сингапура. Был введен комендантский час, который отменили только 2 августа 1964 г. В результате беспорядков было убито 23 человека и 454 получили ранения. После непростого шестинедельного перемирия в первую неделю сентября 1964 г. беспорядки возобновились. 13 человек погибли, 106 получили ранения.

Беспорядки обнажили опасный потенциал межнациональной напряженности и шаткость основных положений, на которых строилась вся концепция Малайзии. Это прекрасно понимали, как лидеры Сингапура, так и лидеры Малайи.

Когда в сентябре 1964 г. вновь вспыхнули массовые межнациональные столкновения, Ли Куан Ю, выступая перед малайзийскими студентами в Лондоне заявил, что беспорядки в Сингапуре связаны с поражением ОМНО на выборах в Сингапуре и с различным отношением правительства Федерации и правительства Сингапура к национальному вопросу. «Малайзия выживет или падет», – сказал Ли Куан Ю, – в зависимости от того, что мы намереваемся создать – малайзийскую нацию или малайскую нацию».

Руководители Малайзии были очень недовольны выступлениями Ли Куан Ю, представлявшего себя главным выразителем интересов китайского населения в многонациональной Малайзии, и его попытками повлиять на либеральные мнения в Англии. После беспорядков центральное правительство Федерации назначило комиссию для расследования обстоятельств происшедшего.

Обстановка продолжала накаляться. В заявлении для прессы, накануне своего отъезда в Лондон для участия в конференции премьер-министров Содружества, президент Федерации Малайзии Абдул Рахман сказал, что, если бы он в свое время не дал Ли Куан Ю убедить себя в необходимости расширения Федерации, «Малайя все еще была бы прекрасной Малайей, никакой конфронтации, ничего».

Последней каплей, переполнившей чашу конфликтов между Куала-Лумпуром и Сингапуром, стали перевыборы 1965 г. в сингапурском округе Хон Лим. 30 июня были выставлены два кандидата – от ПНД и от Социалистического фронта. Альянс Сингапура принял решение не участвовать в выборах. Предвыборная кампания была короткая. Выборы состоялись 10 июля. Перед избирателями был поставлен выбор между концепцией ПНД «малайзийской Малайзии» и инициативой «сокрушить Малайзию» Социалистического фронта. Кандидат от ПНД получил 59% голосов.

Выборы 1961 и 1965 гг. по округу Хон Лим являются важными вехами в отношениях между Сингапуром и Малайзией. Поражение кандидата ПНД в апреле 1961 г. было одной из важных причин, побудивших Абдул Рахмана предложить формирование Малайзии. С 1963 по 1965 г. ПНД удалось вернуть большую часть утраченных позиций в Сингапуре. Победа на выборах 1965 г. стала безусловным доказательством ее возрастающего влияния. Ли Куан Ю провозгласил победу ПНД как свидетельство об-

щественной поддержки, выдвинутой им концепции «малайзийской Малайзии», и добавил: «Вердикт Хон Лим ясен и убедителен. Почти 60% в пользу малайзийской Малайзии... Когда [Абдул Рахман] возвратится из Лондона, нам предстоит решить фундаментальные проблемы... это либо малайзийская Малайзия, либо развал Малайзии».

Все эти события происходили во взрывоопасной атмосфере повышенной межнациональной напряженности и сложных отношений между Сингапуром и Куала-Лумпуром. Абдул Рахман в это время находился в Лондоне на конференции премьер-министров Содружества. Абдул Рахман вернулся в Малайзию после длительного пребывания за границей 5 августа и встретился с Ли Куан Ю два дня спустя. Ли Куан Ю пытался предложить определенный компромисс в формировании сравнительно свободной Федерации. Однако было слишком поздно. Абдул Рахман принял решение. Премьер-министру Сингапура не осталось выбора кроме, как согласиться на разделение.

Страх насилия в обществе стал одним из важнейших факторов, повлиявших на Абдул Рахмана в его решении отделить Сингапур от Малайзии. В своем выступлении в парламенте Малайзии 9 августа 1965 г. он назвал такое решение «самым болезненным и душераздирающим». Абдул Рахман подчеркнул, что есть только два пути выхода из сложившейся ситуации. Первый – применить силу против правительства Сингапура и второй – пойти на разделение с Сингапуром. Далее он отметил, что считает первый вариант неприемлемым, и что такие меры не решат всех проблем. Единственным выходом, по его мнению, являлось отделение Сингапура.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Особенности географического положения и национально-этнического состава населения, которые ока-

зывают влияние на формирование политической системы Сингапура.

2. Специфические особенности формирования политической системы Сингапура в колониальный период.
3. Основные конфликтогенные факторы, послужившие причиной выхода Сингапура из состава Федерации Малайзии.

Рекомендуемая литература:

1. *Астафьева Е.М.* Глава 7. Становление политической системы Сингапура: особенности политических процессов в прошлом и настоящем / Политические системы и политический процесс в странах Юго-Восточной Азии: (Коллективная монография) / отв. ред. и сост.: Е.М. Астафьева, Д.В. Мосяков; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. С. 318–436.
2. *Ефимова Л.М.* Политические системы стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины). М.: МГИМО, 2016.
3. *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010.

§ 4.2. Современные конституционные основы сингапурского государства. Органы власти

Законодательная власть. Сингапур – парламентская республика, согласно ст.39 Конституции, законодательная власть в стране представлена однопалатным парламентом и президентом. Кандидат в депутаты парламента должен владеть как минимум одним из официальных языков страны – английским, малайским, китайским или тамильским и не должен иметь гражданства другой страны (или присягать на верность другой стране). Председа-

тельствует на заседаниях парламента спикер, избранный из членов парламента. Согласно ст.44 Конституции Сингапура, граждане страны обладают активным и пассивным избирательным правом с 21 года.

Главой государства, согласно ст.17 Конституции Сингапура, является президент, начиная с 1992 г. президент избирается всенародным голосованием сроком на 6 лет. Кандидат на должность президента должен быть гражданином Сингапура в возрасте старше 45 лет, он не имеет права быть членом какой-либо политической партии, кандидат должен иметь опыт работы не менее 3-х лет на высокой государственной службе или занимать высокий пост в коммерческой компании с капиталом не менее 100 миллионов долларов.

Исполнительная власть. Исполнительная власть правительства Сингапура осуществляется кабинетом министров и президентом. Кабинет министров возглавляет премьер-министр, который является главой правительства. Правительство по назначению президента формирует глава партии, одержавшей победу на выборах, причем сам он должен быть избранным депутатом. Другие члены кабинета министров – это министры, которые являются членами парламента, назначаемыми президентом по совету премьер-министра. Членам кабинета министров запрещено занимать какие-либо должности, приносящие прибыль в любом коммерческом предприятии.

Кабинет министров отвечает за всю государственную политику, как правило, направляет и контролирует правительство и несет коллективную ответственность перед парламентом. Он также оказывает значительное влияние на законотворчество. Министры могут быть назначены премьер-министром для руководства конкретными министерствами или в качестве министров в канцелярии премьер-министра. Канцелярия кабинета министров – государственный орган, который возглавляет секретарь Каби-

нета министров. Министры Сингапура являются самыми высокооплачиваемыми в мире.

Судебная власть. Судебная система Сингапура, согласно ст.93 Конституции, состоит из Верховного суда и судов низших инстанций. Верховный суд, в свою очередь, состоит из Апелляционного суда и Высшего суда. Апелляционный суд осуществляет апелляции по гражданским и уголовным делам, в то время как Высший Суд осуществляет как первоначальное слушание, так и рассмотрение апелляций по уголовным и гражданским делам. Главный судья, судьи Апелляционного суда и судьи Высшего суда назначаются президентом из числа кандидатов, рекомендованных премьер-министром. При назначении судей премьер-министр должен предварительно проконсультироваться по их кандидатурам с главным судьей.

Сингапур практикует правовую систему общего права, где решения вышестоящих судов являются обязательным прецедентом для судов равного или более низкого статуса в пределах их юрисдикции.

Институт судов присяжных в Сингапуре был отменен в 1969 г. В 1992 г. в уголовно-процессуальный кодекс Сингапура были внесены поправки, позволяющие рассматривать дела по тяжким преступлениям в составе одного судьи. Апелляционный суд является последним апелляционным судом Сингапура после того, как в апреле 1994 г. право обжалования в Судебном комитете Тайного совета в Лондоне было отменено. Президент страны имеет право помилования по рекомендации кабинета министров.

Суды низших инстанций (Государственные суды Сингапура) – второй уровень судебной системы. В их состав входят окружные и магистратские суды, которые осуществляют надзор за гражданскими и уголовными делами, а также специализированные суды, такие как коронерские суды и суды по мелким искам. В государственных

судах рассматриваются более 90% всех судебных дел в Сингапуре.

В октябре 2014 г. были сформированы суды по семейным делам, которые занимаются усыновлениями, разводами, проблемами детей, разделом имущества супругов, насилием в семье и исполнением решений шариатского суда. Шариатский суд управляет и дает разрешение на вступление в брак, а также на развод между сторонами, которые являются мусульманами или теми, кто состоит в браке в соответствии с положениями мусульманского права.

Законы в Сингапуре достаточно суровые. Некоторые преступления ведут к наказанию палками, другие – к смертной казни. За особо жестокое убийство, ввоз и торговлю наркотиками полагается смертная казнь. Уровень преступности – один из самых низких в мире, а вынесения смертных приговоров – один из самых высоких в мире.

Местные органы самоуправления. Основой местного самоуправления являются Советы по общинному развитию, включающие пять региональных советов: Совет по общинному развитию Центрального Сингапура, Северо-Восточный, Северо-Западный, Юго-Восточный и Юго-Западный Советы по общинному развитию. Во главе каждого региона стоит мэр.

Советы по общинному развитию – это сингапурская правительственная программа по распределению полномочий управляющих органов власти и общественных организаций на местах, которая служит «мостом» между правительством и общественностью. В ней участвуют добровольцы от широкой общественности, управляющие общиной и программами социальной поддержки при помощи грантов, выделенных правительством. Работа ведётся на основании «Устава советов по общинному развитию» 1997 г.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Основные институты законодательной власти Сингапура и их функции.
2. Основные институты исполнительной власти Сингапура и их функции.
3. Структура судебной системы Сингапура, полномочия судов различных уровней.
4. Местное самоуправление. Основные цели и задачи.

Рекомендуемая литература:

1. *Астафьева Е.М.* Глава 7. Становление политической системы Сингапура: особенности политических процессов в прошлом и настоящем / Политические системы и политический процесс в странах Юго-Восточной Азии: (Коллективная монография) / отв. ред. и сост.: Е.М. Астафьева, Д.В. Мосяков; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. С. 318–436.
2. *Ефимова Л.М.* Политические системы стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины). М.: МГИМО, 2016.

§ 4.3. Электоральная система

Высший орган законодательной власти – однопалатный парламент, избирается путём прямого голосования. Срок полномочий парламента составляет 5 лет, но он может быть распущен в любое время до истечения 5-летнего срока президентом по рекомендации премьер-министра. Состав парламента формируется из избираемых депутатов, депутатов, не представляющих избирательный округ – NCMPs (Non-constituency Member of Parliament был введён в 1984 г. – депутаты парламента из числа представителей партий, не прошедших по итогам выборов, но пользующихся большинством прав депутатов парламента,

кроме права голоса при внесении изменений в Конституцию страны или вотума доверия правительству) и назначаемых депутатов (институт назначаемых депутатов парламента, не принадлежащих к политическим партиям, введён в 1990 г. поправкой в Конституцию).

Процедура проведения выборов регулируется Конституцией Республики Сингапур (Законодательный орган – Ч. VI), Законом о парламентских выборах (Гл. 218), Законом 2020 г. о парламентских выборах (Специальные мероприятия по COVID-19), Законом о политических пожертвованиях (Гл. 236) и ключевыми подзаконными актами. Координацией выборного процесса занимается специальный Департамент по выборам, находящийся под контролем Канцелярии премьер-министра. Одной из задач Департамента является контроль над пожертвованиями в пользу кандидатов, принимающих участие в президентских или парламентских выборах.

С 1959 г. граждане Сингапура, достигшие 21 года, обязаны участвовать в выборах, если гражданин без уважительной причины не принимает участия в голосовании, то он исключается из избирательных списков и при повторной регистрации обязан заплатить штраф.

Избираемые депутаты (по одномандатным – SMC и групповым округам – GRC) составляют большинство в парламенте и избираются по системе «один человек – один голос», основанной на простом большинстве.

Каждый одномандатный округ представляет один депутат, в то время как в каждом групповом округе может быть от трех до шести депутатов, один из которых должен быть представителем малайской, индийской или других общин меньшинств. Такая система введена для обеспечения представительства национальных меньшинств в парламенте. На выборах 2020 г. в Сингапуре было зарегистрировано 14 одномандатных и 17 групповых округов, всего в парламенте заседают 93 депутата.

Члены парламента, не представляющие избирательные округа (NCMPs), выбираются (назначаются) из числа кандидатов политической партии или партий, не формирующих правительство. С учетом последних поправок к Конституции, максимальное количество NCMPs, разрешенное в парламенте в любой момент времени, составляет: 12 (мест) «минус» общее количество избранных оппозиционных депутатов в парламенте. Места NCMPs объявляются избранными среди кандидатов оппозиционных партий, участвующих во всеобщих выборах, на основе наибольшего процента голосов, набранных этими кандидатами.

Как того требует Закон о парламентских выборах, процедура выборов начинается с того, что президент по рекомендации премьер-министра распускает парламент и издает приказ о проведении выборов, в котором указывается дата, когда должно быть принято решение о выдвижении кандидатов (не ранее, чем через пять дней и не позднее, чем через один месяц с даты приказа) и места выдвижения.

Потенциальные кандидаты должны представить документы о выдвижении своих кандидатур и специальные сертификаты уполномоченному по выборам в двух экземплярах лично в центре выдвижения кандидатур с 11 утра до 12 часов дня в сопровождении лиц, их выдвигающих, помощников и не менее четырех лиц, их поддерживающих. В период завершения процедуры выдвижения уполномоченный по выборам может объявить о том, что кандидат или группа кандидатов были избраны и будут зарегистрированы в качестве депутата (депутатов). Другими словами, если в избирательном округе выдвинут один кандидат (группа кандидатов), то он автоматически является победителем выборов.

В тех случаях, когда выдвигаются более одного кандидата по одномандатному округу (SMC) или более одной

группы кандидатов по групповому округу (GRC), уполномоченный по выборам начинает подготовку документов к проведению голосования. Вышеозначенное должностное лицо издает уведомление о проведении оспариваемых выборов (не ранее 10-го и не позднее 56-го дня после принятия документов) с подробной информацией о кандидатах и месте расположения всех избирательных участков.

Кандидаты могут вести предвыборную кампанию после обнародования уведомления об оспариваемых выборах вплоть до дня «тишины» (то есть за день до дня голосования они должны прекратить всякую агитацию). Ни одному кандидату не разрешается размещать рекламу на телевидении, в газетах, журналах или периодических изданиях, или в общественных местах, если он не уполномочен на это сотрудником по выборам.

Максимальная сумма, которую кандидат может потратить на предвыборную кампанию на каждого избирателя в каждом избирательном округе составляет: в одномандатном – 4,00 синг. долл., в многомандатном – 4,00 долл. поделённые на количество кандидатов в группе (от 3 до 6).

Канун дня голосования – день «тишины» (введен в 2001 г.). Это день, когда предвыборная агитация запрещена. Данный 24-часовой период «молчания» предоставляется избирателям для принятия решения о своих предпочтениях.

В день голосования избиратели могут отправиться на отведенные им избирательные участки, чтобы проголосовать в любое время с 8 утра до 8 вечера (исключение было сделано на выборах 2020 г., когда из-за пандемии коронавируса гражданам старшего возраста было рекомендовано посетить участки с утра, и время голосования было продлено до 10 часов вечера). Граждане Сингапура, проживающие за границей, могут проголосовать на специ-

ально организованных избирательных участках за рубежом.

Из-за разницы во времени голосование на некоторых зарубежных избирательных участках может состояться до начала голосования в Сингапуре. Однако все зарубежные избирательные участки должны закрыться до окончания голосования в Сингапуре. После закрытия голосования за рубежом урны для голосования должны быть доставлены в Сингапур для подсчета голосов в течение 10 дней после дня голосования. Сотрудник, ответственный за эту процедуру, имеет право по своему усмотрению продлить еще на 7 дней время, необходимое для того, чтобы урны для голосования достигли Сингапура, если общее число избирателей из-за рубежа имеет значение для результатов выборов, и вышеозначенный сотрудник уверен в том, что какая-либо из урн для голосования из-за рубежа не достигнет Сингапура в течение первоначального 10-дневного периода.

После закрытия избирательных участков в Сингапуре урны для голосования опечатываются и доставляются в соответствующие центры подсчета голосов.

В начале процесса подсчета голосов проводится предварительный подсчет выборочных бюллетеней, чтобы заранее получить представление о возможных результатах выборов. Поскольку это выборка, окончательный результат голосования может быть другим.

Кроме всеобщих парламентских выборов в Сингапуре действует система довыборов. Дополнительные выборы проводятся, когда освобождается место в парламенте по одномандатному избирательному округу или, когда все члены парламента (депутаты) по округу с групповым представительством освобождают свои места.

В соответствии с Конституцией главой государства является президент. До 1991 г. президент назначался на должность решением парламента и выполнял преимуще-

ственно церемониальные функции. С 1992 г. президент избирается всеобщим прямым голосованием на срок 6 лет, его функции расширились и стали более значимыми.

Однако избрание главы государства считается в Сингапуре менее важной процедурой, чем парламентские выборы. Функции президента носят в основном представительский характер, поскольку все его конституционные права осуществляются правительством. Полномочия главы государства в формировании кабинета министров на практике имеют номинальное значение. Право назначения президентом гражданских и военных чиновников также лишено реального смысла, поскольку это делается правительством, хотя и от имени главы государства. Такие важные права президента, как роспуск парламента, досрочный перерыв сессии, издание указов и т.п., осуществляются правительством, хотя и от имени главы государства. Но именно президенту принадлежит право помилования и амнистии.

Процедура избрания президента регулируется Конституцией Сингапура (Ч. V, Гл. 1); Законом о президентских выборах; Актом о политических взносах и другими законодательными документами.

Дату и место номинации президента назначает премьер-министр. Заявление о выдвижении подписывает сам кандидат в президенты, а также лицо, выдвигающее кандидата, лицо, поддерживающее кандидата, и ещё не менее четырех доверенных лиц. После этого кандидат в президенты обязан внести денежный депозит. Кандидат делает официальное заявление о своей квалификации и о том, что на дату выдвижения он не состоит ни в какой политической партии, представляет сертификат о политическом взносе, который он получает от Регистрационной палаты по политическим взносам. И главное, кандидат должен представить сертификат об одобрении его кандидатуры Отборочным комитетом.

Для того чтобы выдвинуться на пост президента, гражданин Сингапура должен обратиться в Президентский отборочный комитет, который осуществляет проверку квалификаций кандидата, необходимых для исполнения функций президента страны. Главой комитета является председатель Комиссии гражданской службы. Членами назначаются глава Службы по финансовому и корпоративному регулированию и член Совета при премьер-министре по делам этнических меньшинств.

Кандидат в президенты должен быть не моложе 45 лет и иметь не менее чем трехлетний опыт практической деятельности на важном государственном посту – министра правительства, главного судьи, спикера парламента, гражданского чиновника высшего ранга, председателя или быть членом правления крупной корпорации с капиталом не менее 100 млн синг. долл. Кандидат в президенты не может быть членом парламента, должен быть беспартийным и порвать все связи с партией, если он в ней состоял. Первые всеобщие президентские выборы состоялись в августе 1993 г.

Кандидат лично в сопровождении выдвинувшего его лица, лица, поддерживающего кандидата, и ещё не менее четырех доверенных лиц, представляет все необходимые документы специальному уполномоченному по выборам в день выдвижения строго с 11 до 12 часов утра.

По истечении этого срока, если документы подал только один кандидат, уполномоченный по выборам объявляет его избранным президентом Республики Сингапур. Если кандидатов несколько, назначается день голосования. Каждому кандидату присваивается определенный символ.

После этого кандидаты могут начинать предвыборную агитацию, которая прекращается за один день до даты голосования. Агитационная кампания может проходить в формате посещения домов избирателей, распро-

странения памфлетов, листовок, расклейки плакатов, использования интернета, а также проведения митингов и собраний. Радио и телевидение, а также прессу можно использовать только после получения специального разрешения уполномоченного по выборам.

Кандидат в президенты имеет право потратить на предвыборную агитацию максимум 600 тыс. синг. долл., или 30 центов в расчете на каждого зарегистрированного избирателя.

Заблаговременно до дня голосования зарегистрированные избиратели получают по месту жительства уведомление о выборах. Голосование проводится в период с 8 утра до 8 вечера в пунктах для голосования по месту жительства.

По окончании голосования избирательные урны с бюллетенями запечатываются и направляются в счетные центры. Находящиеся за границей сингапурские граждане могут проголосовать в специальных пунктах сингапурских зарубежных представительств.

Уполномоченный по выборам подводит окончательные итоги голосования и обнародует результаты выборов.

На пост президента в 1993 г. претендовали только 2 отобранных комитетом кандидата. В 1999 и 2006 гг. у кандидата вообще не было конкурентов. В 2011 г. впервые на пост президента претендовали 4 кандидата, причем три из них ранее были членами правящей ПНД. Победил бывший член ПНД Тони Тан.

13 сентября 2017 г. в Сингапуре прошли очередные президентские выборы. Примечательно это событие двумя фактами: во-первых, впервые в истории Сингапура президентом стала женщина – Халима Якоб, а во-вторых, эти выборы стали первыми после внесенных в Конституцию поправок, согласно которым, пост президента резервируется за определенной национальной группой. Изме-

нения вступили в силу 9 ноября 2016 г., после одобрения законопроекта в парламенте Сингапура.

В соответствии с новыми положениями Конституции, пост президента может занять представитель национальной группы, не занимавший до этого в течение пяти лет вышеобозначенную должность. Отсчет ведется с первого избранного президента Сингапура – д-ра Ви Кима Ви, занимавшего этот пост в 1985–1993 гг. Поясним, что до этого кандидатура президента Сингапура выдвигалась и утверждалась парламентом, поправки о всенародном избрании на этот пост были внесены в Конституцию только в 1991 г.

Таким образом, пост президента на выборах 2017 г. был зарезервирован за представителем малайской этнической группы, представители которой не занимали этой должности с 1970 г. Юсуф Исхак (*янг дипертуан негара* Сингапура с 1959 г.) – малаец по происхождению, был первым президентом Сингапура и занимал этот пост с 9 августа 1965 г. – дня провозглашения независимости, до своей кончины в 1970 г.

В преддверии выборов, Тони Тан, занимавший пост президента с 1 сентября 2011 г., сложил свои полномочия 31 августа 2017 г. Выборы президента должны были состояться 23 сентября. Однако, уже 11 сентября 2017 г. Избирательная комиссия сделала заявление, что претендентом на президентский пост зарегистрирован единственный кандидат – бывший спикер парламента Халима Якоб. Уточним, что всего на пост президента было подано пять заявок, однако два претендента были исключены автоматически, поскольку один из них заявил о своей принадлежности к китайской этнической группе, а второй о том, что не считает себя принадлежащим к какой-либо этнической общности. Два других кандидата, получившие, как и Халима Якоб, мандаты от малайской общины, не были заре-

гистрированы как несоответствующие квалификационным критериям.

Таким образом, 13 сентября (дата окончания регистрации кандидатов в президенты) Халима Якоб была объявлена избранным 8-м президентом Сингапура и была приведена к присяге на следующий день в Истане.

При президенте существует Комитет президентских советников в количестве шести членов во главе с председателем, назначаемым президентом из числа советников. Президентский совет действует в течение шести лет, т.е. весь срок полномочий президента. Совет консультирует президента по всем вопросам, с которыми президент обращается к Совету. Заседания Совета проходят в закрытом порядке.

Также при президенте функционирует Совет по правам меньшинств. В его состав входят: председатель, назначаемый сроком на три года; не более десяти постоянных членов, назначенных пожизненно; и не более десяти других членов, назначаемых на срок в 3 года. Все члены Совета по правам меньшинств назначаются президентом с согласия кабинета министров. Все члены Совета должны быть гражданами Республики Сингапур не моложе 35 лет.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Регламент проведения всеобщих парламентских выборов в Сингапуре.
2. Регламент проведения выборов президента Сингапура.

Рекомендуемая литература:

1. *Астафьева Е.М.* Глава 7. Становление политической системы Сингапура: особенности политических процессов в прошлом и настоящем / Политические системы и политический процесс в странах Юго-Восточной Азии: (Коллективная монография) / отв.

ред. и сост.: Е.М. Астафьева, Д.В. Мосяков; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. С. 318–436.

2. *Ефимова Л.М.* Политические системы стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины). М.: МГИМО, 2016.

§ 4.5. Специфика партийной системы

Первый парламент независимой Республики был созван 8 декабря 1965 г. – через четыре месяца после отделения Сингапура от Малайзии. Члены главной оппозиционной партии – Социалистического Фронта – не желали признавать легитимность объявления независимости Сингапуром. Председатель СФ Ли Се Чо объявил, что партия бойкотирует парламент, и поручил своим членам не посещать заседания.

В декабре 1966 г. был введен запрет на связи местных сингапурских партий с иностранными, что непосредственно повлияло на горстку небольших партий, связанных с Малайзией, большинство из которых переименовали себя и разорвали официальные зарубежные связи. Череды волны отставок в парламенте членов от СФ привела к проведению довыборов в январе, марте и ноябре 1966 г., а также в 1967 г. После отставки 11 депутатов от СФ (еще 2 депутата от этой партии покинули Сингапур, чтобы избежать ареста Департаментом внутренней безопасности), в законодательном органе остались только члены от Партии народного действия (создана в 1954 г.).

Первый парламент был распущен 8 февраля 1968 г. На 17 февраля был назначен день выдвижения кандидатов. Предвыборная кампания этих первых выборов была самой продолжительной за всю историю Сингапура – 56 дней. После проведения голосования 13 апреля, менее чем через месяц – 5 мая к работе приступил 2-й парламент не-

зависимой Республики Сингапур. Начиная с этих выборов и вплоть до 1981 г. Партия народного действия занимала все места в парламенте.

Нельзя говорить о том, что оппозиционные политические партии ушли из сферы политической борьбы, отнюдь. В 1970-х гг. были образованы семь новых партий, в том числе Партия справедливости Сингапура (ПСС) и Объединенный фронт (ОФ), предшественник сегодняшней Демократической прогрессивной партии (ДПП). В Рабочей партии произошла смена руководителя – место её бывшего лидера (экс-премьер-министра Сингапура) Дэвида Маршалла занял Дж. Б. Джейаретнам. К участию в выборах вернулся СФ, но в целом оппозиция была слаба и не могла составить достойной конкуренции, правящей ПНД.

На выборах, проходивших в 1972 г., оппозиция попыталась активно включиться в политическую борьбу за места в парламенте. Практически в половине округов своих кандидатов выставил ОФ, выдвинул своих кандидатов и СФ, но, несмотря на более жесткую конкуренцию, ПНД во второй раз заняла все места в парламенте.

Третьи парламентские выборы состоялись в 1976 г. Примечательны они тем, что на них состоялся «дебют» Го Чок Тонга, который впоследствии сменил на посту премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю, а также Чиам Си Тонга, баллотировавшегося в качестве независимого кандидата, который в конечном итоге стал известным оппозиционным членом парламента.

По мере всё большего укрепления ПНД некоторые оппозиционные партии заняли позицию, которая уже в большей степени была ориентирована не на их собственные амбициозные планы занять места в парламенте в качестве оппозиции, а согласовалась с настроениями электората. Эта позиция выражалась в том, что, независимо от того, насколько эффективна правящая партия, присут-

ствие оппозиционных депутатов в парламенте может служить сдерживающим фактором, препятствующим авторитаризму ПНД. Четыре оппозиционные партии – Социалистический фронт, Партия справедливости Сингапура, Малайская национальная организация Сингапура (МНОС) и Объединенный фронт, сформировали в целях сотрудничества на выборах Совместный оппозиционный совет, но и этот маневр не принес им желаемых мест в парламенте.

Следующие – четвертые выборы, состоялись в конце декабря 1980 г. Почти в половине избирательных округов альтернативы кандидатам от ПНД выставлено не было, в день выдвижения ПНД была всего в «одном шаге» (месте) от формирования правительства. На этих выборах состоялся дебют недавно организованной Демократической партии Сингапура (ДПС). Впервые не было выставлено ни одной независимой кандидатуры. В результате, четвертый раз подряд ПНД заняла все места в парламенте. Два года спустя, в 1982 г., несколько членов СФ, МНОС, ОФ и РП, некоторые из которых баллотировались на выборах 1980 г., были задержаны в соответствии с Законом о внутренней безопасности за участие в незаконной Организации народного освобождения Сингапура, которая, согласно выдвинутым обвинениям, «стремилась свергнуть правительство, ссылаясь на общественные настроения».

Пятые выборы, состоявшиеся в конце декабря 1984 г., принесли неожиданные результаты – популярность ПНД среди избирателей снизилась на 10%, при этом 70% всё же отдали именно ей своё предпочтение.

На этих выборах состоялся дебют сына премьер-министра Ли Куан Ю – Ли Сянь Луна, и выход на пенсию ветеранов ПНД – Го Кен Сви и Онг Пан Буна. Впервые в члены парламента были выбраны женщины, все они были кандидатами от ПНД. Одно место в парламенте занял лидер Рабочей партии Дж. Б. Джейаретнам и впервые на по-

литической арене как руководитель Демократической партии Сингапура появился Чиам Си Тонг (ранее он баллотировался как независимый кандидат). Социалистический фронт выставил тех же четырех кандидатов, что и в 1980 г.

25 июля 1984 г. в Конституцию были внесены поправки, включающие схему членства в парламенте без избирательных округов. Согласно этим поправкам, если одна партия выигрывает на выборах все места, в парламенте гарантированы минимум три места для представителей оппозиции без представительства от избирательных округов, при этом, по рекомендации Кабинета министров и окончательному решению президента Сингапура количество таких мест может быть увеличено до шести. Эти места могут быть предложены побежденным кандидатам от оппозиции, получившим наибольшее количество голосов избирателей, но не менее 15%. Оппозиционные партии выразили свое недовольство этой схемой и отвергли её, поскольку считали, что это вводит избирателей в заблуждение, заставляя их думать, что они могут иметь в парламенте оппозиционных депутатов, не голосуя за них.

В сентябре 1988 г. состоялись шестые всеобщие выборы, можно сказать, что они стали одними из самых знаменательных в истории Сингапура. Если ранее в преддверии каждых выборов изменения границ избирательных участков вносились в виде законопроекта, то с 1986 г. было принято решение о том, что право утверждения границ будет иметь Канцелярия премьер-министра. Комитет по установлению границ избирательных участков был переименован в Комитет по пересмотру границ избирательных участков.

В 1986 г. были освобождены два места, которые ранее занимал глава Рабочей партии Дж. Б. Джейаретнам (он был дисквалифицирован после осуждения за ненадлежа-

щее декларирование учетных записей РП), и член парламента от ПНД, но довыборов назначено не было.

Это был последний год, когда премьер-министр Ли Куан Ю возглавлял ПНД, по числу отданных за него голосов в округе Танджонг Пагар он в пятый раз возглавил таблицу рекордов. Еще двое старейших членов ПНД – бывший заместитель премьер-министра То Чинь Чи и старший министр С. Раджаратнам, ушли в отставку. Рабочая партия поглотила Социалистический фронт и Объединенный фронт Сингапура и стала крупнейшим оппозиционным лагерем с небывалым числом кандидатов.

7-й парламент приступил к работе 9 января 1989 г., однако уже 14 августа 1991 г. он был распущен, буквально через неделю был назначен день выдвижения кандидатур, а уже 31 августа состоялось голосование, при этом новый парламент 8-го созыва приступил к работе только спустя полгода – 6 января 1992 г. и был распущен 16 декабря 1996 г.

Инициатором проведения досрочных выборов выступил Го Чок Тонг, сменивший Ли Куан Ю на посту премьер-министра и генерального секретаря ПНД в 1990 г. Результаты этих выборов стали для ПНД неожиданными – партия потеряла 4 места, что стало самым значительным её проигрышем с 1963 г, снизилась и доля голосов, отданных за неё, причем уже в третий раз подряд. Демократическая партия Сингапура заняла позиции ведущей оппозиционной партии, добавив еще двух парламентариев к месту, успешно удерживаемому её лидером Чиамом Си Тонгом. Восемь из девяти ее кандидатов вошли в первую десятку по популярности среди избирателей. Место в парламенте удалось занять и представителю Рабочей партии Лоу Тиа Хиангу, который много лет спустя стал генеральным секретарем и лидером партии.

Выборы в парламент 1997 г. открыли для премьер-министра Го Чок Тонга новую возможность заручиться

«сильным мандатом» после не самых лучших результатов ПНД на выборах 1991 г. Одним из маркеров чего можно считать убедительную победу ПНД на довыборах 1992 г., которые состоялись после образования вакансий в двух одномандатных округах из-за смерти одного депутата и инаугурации бывшего заместителя премьер-министра Онг Тен Чонга в качестве пятого (и первого избранного) президента Сингапура.

Эти выборы стали первыми, когда день выдвижения кандидатов и день голосования приходились на разные календарные годы: 23 декабря 1996 г. и 2 января 1997 г. соответственно.

Внутри основной оппозиционной Демократической партии Сингапура происходили серьезные распри. Её бывший лидер – Чиам Си Тонг подал в суд за клевету и выиграл дело против центрального исполнительного комитета своей партии, которую после его ухода возглавил Чи Сун Хуан. Всего за несколько дней до выдвижения кандидатур в парламент Чиам Си Тонг вышел из ДПС и перешел в отколовшуюся от нее Народную партию Сингапура (НПС). Два кандидата от оппозиции – Чи и Тан Лян Хонг, попали под сильную критику ПНД. Вновь было скорректировано количество мест по групповым избирательным округам от трех до шести членов. Демократическая прогрессивная партия (ДПП) выдвинула двух кандидатов – отца и сына, последний, Тан Лид Шейк, стал самым молодым кандидатом на этих выборах.

На волне обещаний обновления в секторе жилищного строительства (HDB) правящей ПНД удалось переломить тенденцию снижения собственной популярности, отвоевав у оппозиции два места, которые она потеряла в борьбе с ДПС на прошлых выборах, при этом, после ухода Чиам Си Тонга, ДПС впервые с 1984 г. не получила представительства в парламенте.

Рабочая партия вернула в парламент двух депутатов, Лоу Тиа Кхианга (в настоящее время помощника генерального секретаря), и Джейаретнама, который после потери своего места в 1986 г., возвратился в парламент в качестве депутата не по избирательному округу.

В июне 1997 г. число депутатов не от избирательных округов было увеличено с шести до девяти.

6 сентября 1999 г. законодатели переехали в новое здание парламента, и часть Хай-стрит, где оно расположено, была переименована в «Парламент Плейс». Старое здание парламента, построенное в 1827 г. и служившее домом для бывшего Законодательного собрания, стало музеем – «Домом искусств при Старом парламенте», прилегающий Парламентский переулок стал называться «Старый парламентский переулок».

Открытие 9-го парламента состоялось 26 мая 1997 г., распущен он был 18 октября 2001 г.

Новые выборы в парламент 2001 г. происходили в сложной международной обстановке. Мир изменился после террористических атак на США 11 сентября и эти изменения не обошли стороной и Сингапур, который столкнулся со сложными экономическими проблемами. День выдвижения кандидатур был назначен на 25 октября 2001 г., день голосования на 3 ноября 2001 г. По итогам этих выборов премьер-министр Го Чок Тонг в последний раз вступил в свою должность и, соответственно, главы правящей ПНД. После всеобщих выборов 2001 г. он заявил, что уйдет с поста премьер-министра после того, как выведет страну из рецессии.

Впервые за 38 лет на выборах 2001 г. у оппозиции появился официальный «политический зонтик». 28 июня 2001 г. был создан Демократический Альянс Сингапура (ДАС), его возглавил Чиам Си Тонг. Изначально Альянс состоял из возглавляемой им НПС, а также Партии национальной солидарности (ПНС), ПСС и МНОС. Альянс че-

тырех партий участвовал в выборах 2001 и 2006 гг. РП, ДПС, ДПП и Национальный фронт Сингапура (НФС) отказались присоединиться к альянсу.

Бывший член парламента от РП Дж. Б. Джейаретнам, который потерял свое место за три месяца до выборов, вышел из партии, сославшись на разногласия с руководством. Единственный депутат от Рабочей партии Лоу Тиа Хианг занял пост генерального секретаря и стал представителем третьего поколения РП.

Парламент был распущен на следующий день после того, как 17 октября 2001 г. Комитет по пересмотру избирательных границ опубликовал свой доклад. Лидеры оппозиции были недовольны тем, что из-за новой демаркации у них было всего несколько дней на подготовку. Премьер Го Чок Тонг в защиту своего решения заявил об острой необходимости провести всеобщие выборы до катастрофического обострения экономического кризиса.

В день выдвижения кандидатур единственная команда из 5 членов РП по групповому избирательному округу Альджуниед была дисквалифицирована за подачу неполного пакета документов. В конечном итоге оппозиционные партии оспаривали только треть мест, что привело к наибольшему числу побед кандидатов от ПНД с 1968 г. 10-й парламент приступил к работе 25 марта 2002 г.

12 августа 2004 г. премьер-министром Сингапура и генеральным секретарем ПНД стал сын Ли Куан Ю – Ли Сянь Лун, сменив, таким образом на этих постах Го Чок Тонга.

Под руководством Ли Сянь Луна ПНД сохранила свое доминирующее положение, завоевав большинство голосов на всеобщих выборах в 2006, 2011, 2015 и 2020 гг.

Необходимо отметить, что к выборам, назначенным на 2006 г., оппозиционные партии стали готовиться заранее и выставили достаточное количество кандидатов в надежде отвоевать у ПНД лидирующие позиции.

Обновленная Рабочая партия во главе с генеральным секретарем и единственным членом парламента Лоу Тиа Хиангом и первой женщиной-председателем Сильвией Лим, опубликовала свой предвыборный манифест раньше ПНД. Несмотря на то, что Сильвии Лим не удалось победить на выборах, она получила место как назначаемый член парламента, став, таким образом, первой женщиной-депутатом от оппозиции в Сингапуре после обретения независимости. В борьбу за места вновь включился ДАС, несмотря на явное недовольство его лидером Чиаом Си Тонгом как внутри Альянса, так и в его собственной НПС. Лидер Демократической партии Сингапура Чи Сун Хуан был отстранен от участия в выборах.

Отчет Комитета по пересмотру избирательных границ, направленный 16 февраля 2006 г. в Канцелярию премьер-министра, был обнародован 3 марта 2006 г., более чем за месяц до дня выдвижения кандидатов.

Помимо проведения процедуры голосования для проживающих за рубежом сингапурцев, в этом году впервые количество кандидатов по групповым округам было увеличено до шести человек, и это были вторые в истории всеобщие выборы без независимых кандидатов, что могло быть связано с новыми законами о выборах.

10-й парламент был распущен 20 апреля 2006 г., день выдвижения кандидатур назначен на 27 апреля, а день голосования на 6 мая. 2 ноября 2006 г. парламент в составе 84-х депутатов приступил к работе.

Несмотря на образование трех вакансий в групповых избирательных округах в 2008 и 2010 г. (после смерти трех депутатов от ПНД), правительство ПНД не стало проводить довыборы.

В 2009 г. в политическую систему были внесены дальнейшие изменения. Количество мест членов парламента не по избирательному округу было увеличено до девяти, при этом назначение этих депутатов стало обяза-

тельным (а не как раньше – по решению парламента). Эти изменения гарантировали увеличение числа депутатов от оппозиции.

11-й парламент был распущен 19 апреля 2011 г. Согласно решению Комитета по пересмотру избирательных границ, опубликованному 24 февраля 2011 г., количество одномандатных округов было увеличено с 9 до 12. Кроме того, был введен день «тишины» перед днем голосования. День выдвижения был назначен на 27 апреля, день голосования на 7 мая 2011 г.

Во второй раз ПНД вступила в серьезную политическую борьбу на выборах под руководством премьер-министр Ли Сянь Луна. Основная проблема состояла в том, что кампания правящей ПНД под лозунгом «Обеспечение нашего совместного будущего» столкнулась с рядом проблем, таких как рост расходов, увеличение разрыва в доходах, недостаточное предложение на рынке жилья, большой приток иностранцев, финансовые потери, понесенные национальными корпорациями, и несколько серьезных просчетов в области безопасности. В результате ПНД впервые потерпела поражение в округах, традиционно считавшихся её «крепостью».

По сравнению с предыдущим выборами, на этот раз лагерь оппозиции был более раздробленным. В борьбу за места включились Партия национальной солидарности и Народная партия Сингапура, которые покинули Демократический альянс Сингапура и впервые с 1997 г. вернулись к своим собственным знаменам, а также недавно сформированная Партия реформ. В совокупности оппозиция оспаривала почти все места, за исключением неудачной заявки в групповом избирательном округе Тан-джонг Пагар, возглавляемом министром-наставником Ли Куан Ю.

Ветеран оппозиции Дж. Б. Джейаретнам скончался вскоре после создания Партии реформ в 2008 г., его место

занял его старший сын Кеннет Джейаретнам. Рабочая партия выросла, став, возможно, крупнейшей оппозиционной партией, но волна отставок до выборов снова сократила её численность. Несколько бывших членов Партии реформ присоединились к Партии национальной солидарности.

Самые беспрецедентные шаги были предприняты двумя действующими депутатами от оппозиции, которые покинули свои «безопасные» места, чтобы оспорить места в многомандатных округах. Генеральный секретарь Рабочей партии Лоу Тиа Кхьянг объединил усилия с Сильвией Лим, чтобы выдвинуться в групповом округе Альджуниед. Чиам Си Тонг, бессменно представлявший округ Потонг Пасир в течение 28 лет, передал место своей жене Лине Лох, чтобы возглавить команду Народной партии Сингапура в групповом округе Бишан-Тоа Пайо.

Однако судьбы Рабочей партии и Народной партии Сингапура пошли разными путями, РП впервые в истории оппозиции удалось одержать победу в групповом округе, НПС не удалось достичь цели.

С момента обретения независимости это было самое сокрушительное поражение ПНД, когда оппозиционная партия и объединенный оппозиционный лагерь получили наибольшее количество мест с 1991 г. – 6. Сразу же после всеобщих выборов, министр-наставник Ли Куан Ю и старший министр Го Чок Тонг объявили о своем уходе из нового кабинета, ознаменовав тем самым конец эпохи. Го был удостоен звания «Почетный старший министр». Новый парламент в составе 87 депутатов начал свою работу 10 октября 2011 г.

12-й парламент был распущен 25 августа 2015 г., день выдвижения был назначен на 1 сентября, а 11 сентября 2015 г. в Сингапуре прошли двенадцатые всеобщие выборы, убедительная победа Партии народного действия в

которых стала неприятным сюрпризом для оппозиции и в очередной раз доказала силу правящей партии.

2015 год – юбилейный для Сингапура. Девятого августа в стране с небывалым размахом была отпразднована 50-летняя годовщина обретения независимости (SG50), а всего через месяц – состоялись выборы в парламент, в результате которых ПНД получила 83 из 89 мест.

Впервые в истории Сингапура оппозиция выставила своих кандидатов во всех избирательных округах. В борьбу за места в парламенте включились: Рабочая партия, выставившая своих кандидатов в десяти избирательных округах; Демократическая партия Сингапура – в пяти; Народная партия Сингапура – в четырёх; Партия реформ (ПР) и Партия национальной солидарности – в трёх; Сингфёрст – в двух; Демократический альянс Сингапура и Партия народной власти – в одном, а также два независимых кандидата – в двух одномандатных округах.

Однако, можно предположить, что если бы оппозиция действовала более продуманно и воздержалась от выдвижения 45 из 89 кандидатов, автоматически предоставив ПНД достаточно мест для формирования правительства, то электорату было бы проще отдать свои голоса достойным представителям оппозиционных партий. Но оппозицией было принято другое решение.

Рабочая партия – единственная оппозиционная партия, представителям которой удалось одержать победу в двух избирательных округах и получить 6 мест в парламенте.

ПНД, претендуя на 89 мест в парламенте, как обычно выставила мощную команду технократов, действующих министров и депутатов, а также новых кандидатов. Можно утверждать, что огромный вклад в успех ПНД внесла личная популярность её руководителя, премьер-министра Сингапура Ли Сянь Луна.

Можно сказать, что эти выборы, в год пятидесятилетней годовщины независимости Сингапура, стали своего рода «возвращением политики», иначе говоря, возобновления активной борьбы между партиями за влияние в национальной политике, которая в течение десятилетий сдерживалась в Сингапуре двумя факторами. Во-первых, высоким качеством технократического руководства ПНД, а во-вторых, структурами, специально созданными чтобы препятствовать политической конкуренции.

Одержав убедительную победу, уже на следующий день после выборов, ПНД приступила к созданию новых отделений партии для проведения еженедельных встреч с населением. Председатель ПНД, премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун традиционно направил письмо депутатам от ПНД, так называемый кодекс поведения «*Rules of Prudence*», в котором основной упор был сделан на необходимости соблюдения репутации, честности и неподкупности: «...всегда помните, что мы слуги народа, а не хозяева». Рабочая партия, несмотря на то, что молодые члены РП не попали в парламент, приняла решение обновить свои руководящие кадры. Остальная часть оппозиционного лагеря тем временем восприняла результаты выборов как сигнал к тому, чтобы обсудить возможный вариант слияния или коалиции. 15 января 2016 г. 13-й парламент в составе 89 депутатов начал свою работу.

Следующие парламентские выборы были назначены на 2020 г. и несмотря на пандемию COVID-19, кардинальным образом изменившую весь механизм взаимодействия как во внешнеполитической, так и во внутривнутриполитической жизни в Сингапуре, решения об их отмене или переносе не последовало. 13-й парламент был распущен 23 июня 2020 г., день выдвижения был назначен на 30 июня, а день голосования на 10 июля 2020 г.

В предвыборную гонку за 93 места в парламенте, наряду с правящей ПНД под руководством Ли Сянь Луна,

выдвинувшей 93 кандидатов, вступили 10 оппозиционных партий, выставив в общей сложности 98 кандидатов, также баллотировался 1 независимый кандидат.

С момента выборов 2015 г. количество избирательных округов в Сингапуре было увеличено с 29 до 31, соответственно, увеличилось количество оспариваемых мест в парламенте страны с 89 до 93. Одна из причин таких изменений – рост числа избирателей на 134 тыс. человек.

В 2020 г., как и в предыдущие годы, ПНД выдвинула кандидатов по всем округам, претендуя на 93 места в парламенте. Старейшая оппозиционная Рабочая партия оспаривала 21 место. Что касается предвыборных лозунгов, то они, в основном, носили социальный характер.

Далее в списке оппозиционных партий, явных аутсайдеров выборного процесса (все эти партии на предыдущих выборах получили от 1,13 до 3,76% голосов избирателей), следовали: Демократическая партия Сингапура (выставила 11 кандидатов), Партия национальной солидарности (10), Партия реформ (6), Сингапурский демократический альянс (6), Сингапурская народная партия (8), Партия народной власти (1).

Среди новых участников политического процесса необходимо, прежде всего, упомянуть созданную в 2019 г. Партию прогресса Сингапура (ППС). Её основатель – Тан Чен Бок – в прошлом член ПНД, решил создать собственную партию, главный лозунг которой – «единый Сингапур, основанный на принципах инклюзивности и недискриминации». Партия претендовала на 24 места.

Еще одна новая партия – Голос Народов (ГН), основана в 2018 г., выставила 10 кандидатов. Лозунги, выдвигаемые партией, откровенно популистские, например, «государство богатеет за счет простых людей» и пр.

Новая партия Red Dot United (RDU), была создана в 2020 г. и оспаривала 5 мест. Интересно происхождение названия этой партии. «Маленькой красной точкой»

(Little Red Dot) Сингапур назвал в 1998 г. бывший президент Индонезии Б.Ю. Хабиби. Многие увидели в этом пренебрежительное отношение к Сингапуру, хотя Хабиби впоследствии опровергал эти утверждения. Несмотря ни на что, это название Сингапура прижилось и в самой стране, и за её пределами, став своего рода символом успеха такого маленького (в масштабе политической карты мира) государства.

Что касается предвыборных программ, лозунгов и обещаний, то, можно сказать, что они были традиционны как для правящей ПНД, так и для оппозиционных партий, единственно, с поправкой на преодоление последствий пандемии коронавируса.

Результаты выборов были официально обнародованы 11 июля 2020 г. Несмотря на надежды правящей Партии народного действия на получение в столь непростых условиях безоговорочной поддержки электората, за кандидатов от ПНД было отдано 61,2% голосов избирателей – 83 места в парламенте, 10 мест (11,22% голосов) получила Рабочая партия во главе с Притамом Сингхом. Необходимо также указать, что несмотря на то, что Партия прогресса Сингапура не заняла ни одного места в парламенте, за нее отдали свои голоса 10,18% избирателей. Остальные оппозиционные партии получили незначительное число голосов.

14-й парламент начал свою работу 24 августа 2020 г. В общем и целом, можно говорить о том, что эти парламентские выборы подняли многие актуальные вопросы, касающиеся будущего политической жизни в Сингапуре. В условиях обещанного ПНД перехода власти к команде так называемого «руководства 4G» («четвертого поколения») встает вопрос, сможет ли в будущем правящая партия изменить схему своей политической игры, в полной мере используя все рычаги влияния на электорат в Сингапуре. Сейчас в стране подрастает совершенно новое поко-

ление, и всем без исключения политическим партиям придется вовлекать это поколение в политическую жизнь, говоря при этом на понятном им языке, на темы, которые их интересуют, и на платформах, на которых они взаимодействуют. Правящей партии придется глубоко задуматься о том, как вернуть себе сердца и умы избирателей, если она не примет снижение своей популярности и потерю большего числа избирательных округов как неизбежную будущую тенденцию. Очевидно, что отказ от некоторых «старомодных» тактик может привести к завоеванию электората.

Некоторая утрата позиций ПНД побудила Ли Сянь Луна пойти на весьма важный шаг – своего рода институционализацию сингапурской оппозиции – признание Приама Сингха, руководителя Рабочей партии, официальным лидером оппозиции. Необходимо, однако, указать, что пока нет четких определений того, какие привилегии, поддержка и ресурсы будут предоставлены Приаму Сингху, каким образом сможет оппозиция принимать участие в законодательной и управленческой деятельности. Налицо необходимость принятия специального закона, регулиющего как деятельность самой официально признанной оппозиции, так и действия правительства по государственной поддержке этой структуры.

Подводя итог, можно констатировать, что несмотря на частичную потерю голосов избирателей, сингапурцы в целом отдают предпочтение ПНД и признают технократические способности её представителей. Анализируя политические процессы в Сингапуре нельзя согласиться с утверждениями некоторых представителей «демократического» сообщества о том, что в этой стране нет демократического процесса. Процесс есть. Безусловно, оппозиция пока слаба, но она набирает силу. Как было уже сказано выше, подрастает новое поколение сингапурцев, за умы и сердца которых уже разворачивается нешуточная борьба.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Особенности состава парламента Республики Сингапур с 1968 по 1981 г.
2. Основные политические партии Сингапура (правящая партия и главные оппозиционные партии).
3. Особенности положения и специфика деятельности основных оппозиционных политических партий.

Рекомендуемая литература:

1. *Астафьева Е.М.* Глава 7. Становление политической системы Сингапура: особенности политических процессов в прошлом и настоящем / Политические системы и политический процесс в странах Юго-Восточной Азии: (Коллективная монография) / отв. ред. и сост.: Е.М. Астафьева, Д.В. Мосяков; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. С. 318–436.
2. *Ефимова Л.М.* Политические системы стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины). М.: МГИМО, 2016.
3. *Тюрин В.А., Цыганов В.А.* История Малайзии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010.

§ 4.6. Становление гражданского общества

В Сингапуре продолжают сохраняться многие элементы прежде всего конфуцианской политической культуры, характерной для доминирующего китайского населения и для лидеров правящей Партии народного действия. Таким образом, процесс демократизации общественно-политической жизни контролируется сверху. Государство играет ведущую роль в экономической, политической и общественной жизни, в том числе и в строительстве гражданского общества. Политическая система харак-

теризуется квазимногопартийной системой при фактическом доминировании правящей Партии народного действия. Сингапурская избирательная система не препятствует второстепенным или небольшим партиям соперничать с ПНД на выборах, эти партии можно охарактеризовать как «постоянные оппозиционные партии», которые не ставят цель полностью заменить ПНД в правительстве, а стремятся ввести как можно больше представителей оппозиции в парламент.

Правительство Сингапура носит глубоко патерналистский характер, сочетая перфекционистские идеалы с мягко-авторитарными методами, другими словами – само определяет национальные интересы и само обеспечивает их неукоснительное соблюдение. Благодаря длительному пребыванию у власти ПНД обладает эффективным контролем над средствами массовой информации, государственной службой и сетью низовых парapolитических организаций.

Несмотря на жесткий элитизм в процессе отбора кандидатов в депутаты, ПНД утверждает, что ее кандидаты представляют все слои общества, что в свою очередь демонстрирует действенность принципов меритократии, т.е. избираются не только «лучшие», но и эти «лучшие» могут иметь любое социальное происхождение. Для простых сингапурцев это является доказательством того, что поиск лидерских талантов не является дискриминационным и перспективные таланты пользуются равенством возможностей. По этой причине политики из ПНД часто акцентируют внимание на своем простом происхождении. По тем же причинам индивидуальные достижения представителей этнических меньшинств регулярно демонстрируются в средствах массовой информации как впечатляющее доказательство меритократического общества.

Большую роль в налаживании вертикальных связей между обществом и государством играют организации,

объединяющие граждан Сингапура по общинному принципу, политическим пристрастиям, религиозной принадлежности и пр. Традиция использования посреднических структур в отношениях между властью и населением была заложена в Сингапуре еще до обретения независимости. Конечно, с течением времени изменились, как и сами эти структуры, так и механизмы их взаимодействия. Если в период британского колониального правления ведущую роль в этом процессе занимали организации этнических и религиозных групп, то с обретением независимости основные функции поддержания вертикальных связей между правительством и населением перешли к парapolитическим организациям.

Этнические общественные организации Сингапура можно охарактеризовать как спонтанные посреднические структуры, поскольку их возникновение было связано с миграционными процессами в колониальный период. Эти организации не были созданы государством, хотя время от времени, колониальная администрация кооптировала их лидеров для обеспечения функций социального контроля. С другой стороны, так называемые парapolитические организации относятся к «креационистскому» типу. Они были созданы или модифицированы из существующих структур правительством ПНД для определенных целей содействия политической коммуникации и поддержания социального контроля. При этом если эффективность этих организаций снижалась, их вытесняли другие, более совершенные структуры.

Обращаясь к развитию парapolитических организаций и к выявлению их роли в политической консолидации населения, можно утверждать, что такая консолидация была достигнута в основном за счет успехов правительства в экономике, а также политики «контролируемой мобилизации и участия». В первые годы независимости перед политической элитой Сингапура встала насущная

проблема создания общей идентичности и единого политического сообщества в рамках гетерогенного населения и «контролируемая мобилизация» стала важным инструментом решения этих задач. Механизмы реализации вышеупомянутой политики предусматривали создание различных посреднических институтов, деятельность которых должна была быть направлена на привлечение талантливых людей к участию в различных социально-политических программах правительства. Задачи парapolитических организаций заключались в осуществлении взаимодействия между гражданами и правительством, а также между различными ассоциациями населения на местном уровне. В рамках процесса национального строительства в Сингапуре парapolитические организации играли ключевую роль в создании новых форм общностей и развитии гражданского общества.

Необходимость создания парapolитических институтов возникла из потребности обеспечения двусторонней связи между гражданами и правительством, устраняя из этого процесса партийные институты и имеющиеся бюрократические учреждения. Использование для этих целей партийных структур могло бы привести к отчуждению значительного количества людей, не имеющих особого интереса к организованной политической деятельности. Не являлось перспективным вариантом и внедрение в это взаимодействие государственного аппарата, потому что даже если бы общераспространенную неприязнь к бюрократизму можно было преодолеть, сами государственные структуры находились в тот период в состоянии масштабной реструктуризации и просто не были готовы расширить свою деятельность. Таким образом, учреждения, которые не являлись частью официальной бюрократии и имели достаточную гибкость, были идеальными. Большую роль в успешном продвижении проекта по созданию парapolитических организаций сыграла коопта-

ция лидеров традиционных этнических и религиозных организаций в эти структуры. Другими словами, руководство низовых организаций формировалось путем политически организованного отбора, а не всенародным голосованием.

К наиболее важным парapolитическим структурам, более известным как низовые организации, относятся Общинные центры (CCS), которые координируются Народной ассоциацией (РА), Гражданские консультативные комитеты (CCCs) и Жилищные комитеты (RCS). Эти три структуры подпадают под практический контроль канцелярии премьер-министра, который участвует в процессе отбора и назначения их членов. Создание и постоянная проверка финансируемых правительством низовых организаций является специфической чертой политической системы Сингапура.

Головной парapolитической организацией, цель которой состоит в «содействии национальной гармонии и социальному сплочению» является созданная еще в 1960 г. Народная Ассоциация. В настоящее время ее председателем является премьер-министр Сингапура, председатель ПНД Ли Сянь Лун, что лишний раз подчеркивает силу ПНД, которая старается держать под своим контролем практически все сферы общественной и политической жизни. Среди примечательных особенностей этой организации хотелось бы отметить право «основывать такие учреждения, которые могут потребоваться для подготовки руководящих кадров с тем, чтобы привить лидерам чувство национальной идентичности и духа самоотверженной службы во благо многонационального общества». Под управлением этой организации также находятся пять районных Советов общинного развития (CDC) и целая сеть из более чем 1 800 низовых организаций (GROs), ведущих пропаганду и разъяснение государственной поли-

тики среди населения, наиболее важными из которых являются Гражданские консультативные комитеты (CCCs).

Также среди парapolитических институтов можно отметить Межнациональные и межрелигиозные кружки доверия (IRCCs), поддерживающие Программу взаимодействия общин (The Community Engagement Programme), направленную на предотвращение расовых и религиозных конфликтов, а также на повышение знаний в борьбе с чрезвычайными ситуациями. Особенностью IRCCs является то, что их руководство кооптировано из числа глав различных религиозных конфессий и лидеров этнических общин.

Подводя итог можно сказать, что в современном Сингапуре парapolитические организации предоставляют собой своего рода «нервную систему в теле политики». Другими словами, являясь разветвленной сетью взаимосвязанных организаций, работающих как в направлении передачи, так и приема информации, парapolитические организации представляются незаменимой структурой в поддержании эффективных двусторонних связей между государством и населением.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Специфические особенности формирования гражданского общества в Сингапуре.
2. Роль парapolитических организаций в политической системе Сингапура.

Рекомендуемая литература:

1. *Астафьева Е.М.* Глава 7. Становление политической системы Сингапура: особенности политических процессов в прошлом и настоящем / Политические системы и политический процесс в странах Юго-Восточной Азии: (Коллективная монография) / отв.

ред. и сост.: Е.М. Астафьева, Д.В. Мосяков; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2021. С. 318–436.

2. *Астафьева Е.М.* Роль посреднических организаций в отношениях между государством и гражданами в Сингапуре. / Гл. 9. в колл. монографии «Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии». ИСАА МГУ. – М.: Языки народов мира: Тезаурус, 2015. С. 334–344.

Глава 5. РЕСПУБЛИКА ФИЛИППИНЫ

Филиппины (тагальское Pilipinas, англ. Philippines), **Республика Филиппины** (тагальское Republika ng Pilipinas, англ. Republic of the Philippines) – государство в Юго-Восточной Азии. Расположено на островах Филиппинского архипелага к юго-востоку от евразийского материка [более 7,6 тыс. островов; крупнейшие – Лусон (105 тыс. км²), Минданао (95 тыс. км²), Самар, Панай, Палаван, Негрос]. Все границы морские: с Вьетнамом, Малайзией, Индонезией и Китаем (о. Тайвань). Омывается морями Тихого океана: на западе и северо-западе – Южно-Китайским, на западе – Сулу, на юге – Сулавеси, на востоке – Филиппинским, на севере – Лусонским проливом. На севере Филиппинские о-ва отделяет от о. Тайвань пролив Баши. Береговая линия – 36,3 тыс. км, около 18 тыс. км изрезаны, хороших гаваней мало.

Площадь территории 300 тыс. км² (298,2 тыс. км² суши и 1,8 тыс. км² акватории; по сумме площадей провинций 322 тыс. км²; 73-е место в мире; 2020). Численность населения 109 млн человек (2020; 13-е место в мире).

Столица – Большая Манила (с 1975 состоит из собственно г. Манила и 15 городов-спутников площадью 619,5 км² с населением около 13,5 млн человек; 2020).

Государственный язык – пилипино (филипино; стандартизованный вариант тагальского языка); официальные языки – пилипино и английский. Региональное значение имеют 19 языков разных филиппинских народов, в целом Филиппины – страна с полиэтническим (до 100 этносов) и многоязычным составом населения. Широко распространены испанский, арабский и китайский

языки. Коренное население однородно антропологически, принадлежит к южноазиатской разновидности монголоидной расы. Из некоренных жителей преобладают китайцы. Малые народности являются потомками негро-австралоидных аборигенов экваториальной расы.

Что касается религиозной принадлежности, то на Филиппинах преобладают христиане. По данным переписи населения 2015 г. почти 4/5 или 79,5% филиппинцев относили себя к католикам. На втором месте исповедующие ислам – 6% населения страны. На долю церкви Игlesiа ни Кристо пришлось еще 2,6%, на долю евангелистов – 2,4%, прочие конфессии охватили еще 9,4% населения.

Складывание в результате массовой христианизации местного населения крупного и прочного христианского (католического) анклава в ЮВА явилось наследием трехвекового (конец XVI – конец XIX вв.) колониализма Испании.

На формирование и функционирование политической системы современных Филиппин важное воздействие оказывают как географическое положение, конфигурация и размер территории, природные условия, численность, этнический и религиозный состав населения, так и пути и формы исторического и социально-политического развития, специфика колониального правления Испании и США, расстановка и противоборство внутривнутриполитических группировок, идеологические, религиозные и иные духовные и культурные традиции, внешнеполитические влияния.

§ 5.1. Влияние историко-культурного фактора на становление политической системы

Начиная с V века на территории современных Филиппин сформировалась цивилизация, основанная на смешении различных культур и народностей. Коренное население островов, широко известное как негритосы аэта,

преодолели доисторические земли и материковые ледники и, в конце концов, поселились в пышных лесах островов. Позднее через Тайвань на острова прибыли говорящие на австронезийских языках переселенцы из Южного Китая. Китайские купцы прибыли в VIII веке. В XIV веке на островах появились первые арабы. Ко времени прибытия первых европейцев на севере островов (на территории нынешней Манилы) правили раджи, которые в силу исторических условий платили дань государствам Юго-Восточной Азии, а именно королевству Шривиджая. Однако, по существу, Филиппинские острова уже тогда являлись самодостаточными и обладали собственным внутренним управлением.

Для европейцев Филиппинские острова были открыты Фернаном Магелланом в 1521 г. Филиппины (названные так испанцами в честь короля Филиппа II) с середины XVI в. до конца XIX в. были колонией Испании, которая активно насаждала среди местного населения католичество. Затем после испано-американской войны 1898 г. Филиппины первую половину XX в. находились под контролем США (1901–1946). США во время своего господства на Филиппинских островах проводили курс на американизацию и модернизацию филиппинского общества, филиппинизацию аппарата управления с целью сохранения своего влияния в этой стране после ухода американцев. Основное направление политики колониализма США – внедрение на Филиппинах западных (американского образца) ценностей, создание политической демократической модели.

В 1935 г. Филиппины получили статус автономии в рамках американского Содружества (Commonwealth). Была введена конституция 1935 г., декларирующая демократические права и свободы, созданы органы власти по модели президентской республики, аналогичной США, из филиппинцев, действовавших под контролем американ-

ского верховного комиссара. Стране была обещана независимость по истечении 10-летнего срока.

Перемены коснулись, прежде всего, верхушки общества, в малой степени затронув глубинные пласты. Колонизаторы ориентировались в основном на филиппинскую землевладельческую элиту – *касики*, сформировавшуюся ещё во времена испанского господства. К ним примыкала и интеллектуальная элита – *иллюстрадос*, выходцы из тех же касиков. Именно из их среды выбирались кандидаты на высокие чиновничьи должности. При американцах важную роль в социально-экономической сфере стали играть торгово-буржуазные слои, в основном китайские метисы по происхождению. Верхние прослойки филиппинского общества были тесно связаны с США экономически: касики производили на своих плантациях экспортную продукцию (сахар, абаку, табак и т.д.), а торговая буржуазия занималась посреднической торговлей между ними и американскими крупными экспортными компаниями, выполняя компрадорские функции. В разных районах Филиппин сложились экономико-политические династии и кланы – старая олигархия. В целом американский колониализм способствовал более быстрому капиталистическому развитию Филиппин. В результате американцы подготовили верхи филиппинского общества к заинтересованности в «особых отношениях» с США после окончания американского господства на Филиппинах.

С 1942 по 1945 гг. страну оккупировала Япония. После окончания Второй мировой войны США вновь вернулись на Филиппины. 4 июля 1946 г. Филиппины получили независимость из рук США. Американская политика, введенный в 1935 г. «режим филиппинской автономии» и принятая тогда же конституция сформировали представления филиппинской элиты об оптимальном пути развития после достижения независимости: в политике – либеральная демократия, в экономике – капитализм.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Перечислите факторы, которые оказали влияние на формирование и функционирование политической системы современных Филиппин.
2. Расскажите об основных задачах американской колониальной политики на Филиппинах.
3. Какие слои населения Филиппин в американский период приобрели статус верхов и за счет чего?

Рекомендуемая литература:

1. *Левтонова Ю.О.* Филиппины в период автономии (1935–1941) / Левтонова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. М.: Наука, 1979. С. 198–211.
2. *Левтонова Ю.О.* Становление американского колониального режима (1901–1916) / Левтонова Ю.О. История Филиппин. XX век. М.: ИВ РАН, 2011. С. 107–136.
3. *Левтонова Ю.О.* Режим автономии (Commonwealth) – 1935–1941 / Левтонова Ю.О. История Филиппин. XX век. М.: ИВ РАН, 2011. С. 136–151.

§ 5.2. Становление и эволюция политической системы в XX веке

Историю независимых Филиппин можно разделить на несколько периодов: 1946–1954 – деколонизация «по-филиппински», 1954–1965 – «витрина демократии», 1965–1972 – переход к авторитаризму, 1972–1986 – «новое общество», с 1986 г. – «новая демократия».

Деколонизация на Филиппинах проходила противоречиво, в напряженной обстановке. После провозглашения независимости продолжала действовать конституция 1935 г., объявлявшая страну президентской республикой с выборным двухпалатным парламентом (конгрессом),

утверждавшая принцип разделения властей, многопартийную систему, широкие демократические права и свободы.

С первых шагов деколонизации американцы старались восстановить господствующие позиции довоенной консервативной местной верхушки – землевладельческой элиты (лендлорды), из среды которой сформировались «экономические империи», зависимые от американского рынка, и политические династии, представители которых заняли доминирующие позиции в политической системе. Была распущена руководимая компартией (КПФ) организация Хукбалахап (Народная антияпонская армия), наиболее организованная сила движения Сопротивления в годы оккупации. Из среды «старой олигархии» (блока богатейших династий землевладельческой элиты, крупного довоенного капитала торгово-посреднической, финансовой и промышленной буржуазии, выходцев из той же землевладельческой верхушки), – американцы выбрали кандидатуру на пост первого президента независимых Филиппин М.Рохаса, человека крайне реакционных взглядов, известного коллаборациониста в период японской оккупации.

Филиппинский вариант деколонизации предусматривал создание системы «особых отношений» между бывшими метрополией и колонией. «Особые отношения» предполагали зависимость «младшего партнера» (Филиппин) от «старшего» (США) в разных сферах взаимоотношений.

Появился быстро растущий слой нового послевоенного поколения национальных предпринимателей из филиппинцев и китайских метисов (лиц от смешанных филиппино-китайских браков, католиков по вероисповеданию). В отличие от довоенных экономических магнатов, они не были тесно привязаны к американскому рынку,

были заинтересованы в ликвидации колониальной структуры хозяйства.

С точки зрения внутреннего развития филиппинского общества первые послевоенные годы были временем его крайней раздробленности по идейно-политическим мотивам, преобладания в политическом спектре левых и ультралевых сил. Неспособность и нежелание администрации решать задачи по преодолению хозяйственной послевоенной разрухи, борьбе с коррупцией, повышению уровня жизни населения усугубляли обстановку хаоса и политической нестабильности, чреватых вспышками социальных конфликтов. Детонатором крупнейшего в истории послевоенных Филиппин социального взрыва оказалась КПФ, в руководстве которой возобладали сторонники перехода к вооруженным методам борьбы за свержение правительства и захват власти. Установка на «революционную борьбу» вылилась в кровавый затяжной социальный конфликт 1948–1953 гг.

Новая национальная буржуазия выработала свою идеологию «экономического национализма», превратив ее в стимул для ломки колониальной структуры экономики и способ давления на правительство в пользу реформирования экономической системы. Был провозглашен официальный курс под лозунгом «Филиппинцы прежде всего» (*Pilipino Muno*) – таково было название националистического движения новой буржуазии, направленное на ограничение в стране американского бизнеса и зависимых от него довоенных «экономических империй». Благодаря законам, принятым конгрессом, бизнесмены-филиппинцы получили возможность вкладывать капиталы в производственную сферу.

Идеи национализма начали пронизывать и культурную сферу. Развернулись поиски своей азиатской, а не испанизированной или американизированной филиппинской идентичности. В 1959 г. государственным языком

страны был объявлен тагальский язык – язык наиболее крупной коренной этнической группы – тагальцев.

Период 1954–1965 гг. в политическом развитии Филиппин часто называют *«витриной демократии»*. Либерально-демократическая модель, которая утвердилась в стране, представляла собой разновидность элитарной и так называемой олигархической демократии, когда при формальном функционировании институтов представительной системы реальная власть была сконцентрирована в руках социально замкнутого правящего блока – «старой олигархии», включавшего представителей династий лендлордов, крупного капитала довоенной формации, бюрократическую элиту и собственно политиков – выходцев из той же олигархической верхушки.

Одна из особенностей филиппинской правящей элиты заключалась в раздробленности на многочисленные региональные кланы, включавшие местные политические династии или семейства, представители которых перманентно находившиеся в состоянии межличностной, межфракционной борьбы, пополняли общефилиппинскую политическую элиту. Эта особенность обуславливала низкую эффективность политической власти, способствуя хаотичности политического процесса, консервации патерналистских отношений, создавая почву для роста коррупции в треугольнике «политика – бюрократия – бизнес». Партийно-парламентская система, обладая внешними чертами демократизма, на деле служила инструментом перераспределения власти между соперничающими политическими кланами.

К середине 1960-х гг. нежизнеспособность политической системы осознавалась в самых разных слоях филиппинского общества. К назревавшему политическому кризису прибавилась неопределенность в экономике, связанная с поисками эффективной модели развития. В социальной сфере возрастали неравномерность в распределе-

нии доходов, углубление разрыва между полюсами богатства и нищеты. При слабости государства, неспособного защитить интересы массовых слоев общества, наблюдался неизбежный рост оппозиционных протестных настроений. В городах, прежде всего в столичном мегаполисе, в пёстром спектре оппозиционных сил усилился левый фланг – радикально-националистическое течение и легализовавшаяся компартия, в составе которой активную роль стали играть ультралевые последователи маоизма.

Брожение в филиппинском обществе вызывало в правящих кругах стремление к сильной власти, которая смогла бы навести порядок в стране. В это время на политической арене выдвинулся новый лидер – Фердинанд Маркос. Он выступал за модернизацию страны и сильную власть.

На президентских выборах 1965 г. Маркос победил с большим перевесом голосов. Его поддержала новая национальная бизнес-элита, технократы, а также простые филиппинцы. Новое правительство приступило к экономическим реформам, направленным на преодоление промышленной отсталости, на смену импортозамещению пришла экспортная ориентация. Национальному предпринимательству оказывалась широкая поддержка. В сельском хозяйстве центральным звеном стала «зеленая революция» – внедрение современной агротехники и высокоурожайных сортов риса и кукурузы.

Сначала эти меры привели к самообеспечению страны рисом. Но к 1970-м гг. «зеленая революция» зашла в тупик, так как основная масса крестьянства – бедняки не имели средств для использования современных технологий и семян. К тому же плата за аренду земли поглощала все доходы крестьян.

В результате полностью стабилизировать положение в стране не удалось. Усилились митинги и демонстрации с требованиями проведения аграрной реформы, борьбы с

коррупцией, пересмотра «особых отношений» с США. Распространялись идеи Мао Цзэдуна о том, что вооруженная борьба – единственный путь социального освобождения. В 1969 г. возникла Новая народная армия (ННА) – «новые хуки». Начали поднимать голову мусульманские сепаратисты южных островов, недовольные политикой переселения христиан из северных провинций на юг, где проживали в основном приверженцы ислама. В 1969 г. возник Национальный фронт освобождения мусульман (НФОМ).

Тем не менее, в 1969 г. Маркос был избран президентом на второй срок. Для наведения порядка в стране он первым из филиппинских президентов обратился за прямой поддержкой к армии. Ядро вооруженных сил он создавал из своих сторонников, армия получала большие финансовые ассигнования. Одновременно, Маркос начал отход от системы либеральной демократии, которая, по его словам, рождала политический хаос.

В обществе стала витать идея установления авторитарной модели правления. Её поддерживал не только Маркос, но и выдвинувшийся из среды зажиточной олигархии молодой журналист Бенигно Акино. В 1970 г. был созван Конституционный конвент для разработки новой конституции, который работал очень медленно.

В ситуации политической нестабильности 22 сентября 1972 г. неизвестные террористы обстреляли автомобиль министра обороны. Это было использовано Маркосом как повод для введения в стране военного положения. Выборный конгресс распускался, партии запрещались, были развернуты репрессии против оппозиционеров всех мастей. Б. Акино арестовали. В 1973 г. путем референдума утверждалась новая конституция, действие которой, однако, откладывалось до отмены военного положения.

Маркос провозгласил строительство *«нового общества»*, призванного обеспечить социальную справедлив-

вость. Но по сути это был режим личной авторитарной власти Маркоса при гражданской форме правления, но при опоре на армию. Маркос создал новые органы власти в центре и на местах, частично разрешил деятельность партий, в том числе и партию своих сторонников Движение за новое общество. Главной фигурой оппозиционного блока стал Б. Акино.

Резкий перелом во внутриполитической ситуации произошел летом 1983 г. как следствие убийства Б. Акино. Это вызвало всплеск антимаркосовских настроений и углубило политический и социально-экономический кризис. Усилились демонстрации протеста против личной диктатуры, роскоши семьи президента, коррупции среди его ближайшего окружения, сводившие на нет попытки реформ в сфере промышленности и сельского хозяйства. Против Маркоса объединились все социально-политические группировки, включая католическую церковь во главе с кардиналом Сином.

Чтобы упрочить позиции Маркос назначил внеочередные президентские выборы, которые состоялись в феврале 1986 г. Единым кандидатом от оппозиции стала вдова Б. Акино Корасон Акино. Сторонники Маркоса объявили о его победе, а сторонники Акино – о её. Обе стороны обвиняли друг друга в фальсификации при подсчете голосов.

25 февраля 1986 г. К. Акино была провозглашена своими сторонниками президентом Филиппин. Аналогичная церемония прошла в президентском дворце, где президентом был объявлен Маркос. Кардинал Син призвал народ выступить против Маркоса. От Маркоса отошла и значительная часть военных. Массовые демонстрации в Маниле 22–25 февраля 1986 г. привели к свержению диктатуры Маркоса и утверждению К. Акино в качестве президента. Эти события получили название «Революции

ЭДСА» (аббревиатура названия главной улицы, где проходили демонстрации) или «Революции власти народа».

В этой ситуации США отказались от поддержки Маркоса, признали победу К. Акино. По указанию президента Р. Рейгана Маркос с семьей были вывезены на Гавайи (где через несколько лет Маркос скончался).

С 1986 г. начался современный период в истории Филиппин – *«новая демократия»*. К. Акино (годы президентства 1986–1992) стала первым президентом поставторитарных Филиппин и первой женщиной-политиком такого высокого ранга. В противовес маркосовскому «новому обществу» годы президентства К. Акино были названы «новой демократией», символизируя переход к редемократизации. Позитивный итог её президентства – конституционно-правовое оформление нового режима. В 1987 г. была принята новая конституция, базирующаяся на демократической концепции прав человека, верховенства закона, легитимности политической власти. Сохранялась президентская форма правления с 6-летним сроком президентства, но президенты лишались права переизбираться на второй срок (дабы не повторялся прецедент Маркоса).

В остальном же правительство К. Акино оказалось бессильным в попытках реализации программ по стабилизации и оздоровлению обстановки. Наскоро объединенный блок антимаркосовских сил, придя к власти, тут же стал распадаться, возобновив прежние межфракционные и межличностные конфликты. К активной деятельности вернулись традиционные политические кланы и династии.

Важнейшим дестабилизирующим фактором была «триада» радикальных оппозиционных течений: левое повстанчество (численно ННА доходила до 30 тыс. человек), вооруженная борьба сепаратистов-мусульман на юге страны, возникло и новое явление – вооруженная оппозиция в среднем эшелоне офицерского корпуса, которая

предприняла семь попыток переворотов с целью устранения К. Акино от власти.

С окончанием холодной войны США заметно снизили уровень своего присутствия в ЮВА. В 1992 г. с территории архипелага были выведены самые крупные базы ВВС – в Кларк-филд и ВМС – в Субик-бэй.

Несмотря на падение своего рейтинга к концу президентства, К. Акино удавалось сохранять баланс сил: президент – верхушка армии – церковь, что сдерживало политическую дестабилизацию. Она сумела продержаться на посту президента в отведенные конституцией сроки и обеспечить демократическую смену власти на очередных выборах 1992 г.

Проблема стабилизации была ключевой в годы президентства Фиделя Рамоса (1992–1998). Впервые во главе государства оказался профессиональный военный – генерал. При Ф. Рамосе обозначились новые тенденции – к усилению власти президента, ускоренной модернизации экономики как основы стабилизации, но без деформации демократических институтов и правопорядка.

За 1992–1998 гг. Филиппины совершили прорыв, от многолетней экономической разрухи к экономической стабилизации. Динамика экономического роста изменилась от нулевых показателей рубежа 1990-х годов до 6,5% роста ВВП в 1996 г. В основу модернизации экономики была положена программа экономической либерализации.

В ходе политической стабилизации произошли сдвиги в сдерживании радикальной оппозиции. На сторону правительства перешла часть военных оппозиционеров, сократились масштабы левого повстанчества, благодаря амнистии участников вооруженной борьбы.

В сентябре 1996 г. при посредничестве Индонезии, было подписано соглашение между администрацией Ф. Рамоса и руководством наиболее в то время крупной сепаратистской организации – Национальным фронтом

освобождения моро (НФОМ). Впервые была принята вполне реалистичная программа развития Юга и создан Особый автономный мусульманский район (ARMM). Однако замирение не было прочным.

В 1998 г. президентом был избран Дж. Э. Эстрада, в прошлом популярный киноактер. Основной электорат Дж. Эстрады составляли маргиналы, городские низы, жители трущоб. С приходом к власти Дж. Эстрады были быстро сведены на нет реформаторские начинания его предшественника: свертывание курса на модернизацию, упадок экономики, новый виток дестабилизации. Был взят курс на жесткое подавление радикальной оппозиции, что привело к взрыву левого повстанчества в христианских районах, насилия и кровопролития на мусульманском Юге.

Однако вскоре Эстрада был уличен в крупномасштабной коррупции и махинациях с игорным бизнесом. Инициативу отрешения президента от власти взял на себя «парламент улиц», внешне повторив февральские события 1986 г. («Революция власти народа-2»). В 2001 г. Дж. Эстраду на посту президента (до очередных выборов в 2004 г.) сменила его вице-президент Глория Макапагал Арройо, вторая в истории страны женщина-политик, достигшая вершины власти. На выборах 2004 г. она одержала победу, продлив срок пребывания в качестве главы государства еще на десятилетие (до 2010 г.). Затянувшееся десятилетие президентства Глории Макапагал было одним из самых стагнационных этапов в развитии страны. Его наиболее характерной чертой, стала «стабильность нестабильности». Она проявлялась в неопределенности экономики, хаотичности политического процесса, запущенности социальных проблем. Как лидер реформаторского типа она пыталась продолжать курс на модернизацию экономики. В то же время следовала традиционным стереотипам филиппинского лидерства, поощряла систему па-

тернализма, фактически не принимала мер по борьбе с разросшейся коррупцией, которая приобрела системный характер. Нерешаемыми оставались острые социальные проблемы, в первую очередь, проблема бедности. За официальной чертой бедности жили 30% филиппинцев.

В политической сфере наблюдался «отход» к традиционным стереотипам политического поведения, усиление соперничества политических династий и кланов.

На выборах в мае 2010 г. с большим отрывом от своих соперников победил Бениньо Симеон (Нойной) Акино III, кандидат от Либеральной партии, сын национальных героев Филиппин Бениньо Акино и Корасон Акино. Б. Акино пришел к власти как президент-реформатор, самодостаточный, амбициозный политик. Основными направлениями президентского реформаторского проекта стали борьба с коррупцией и бедностью, либерализация и технологическая модернизация экономики, решение проблемы радикальной оппозиции.

По этим направлениям произошли определенные позитивные сдвиги. Рост ВВП в 2013 г. составил 7,8%, наивысший показатель в ЮВА. В экономической политике опорой президента стали некоррупцированные динамичные круги деловой элиты, заинтересованные в либерализации и модернизации экономики, создании благоприятного инвестиционного климата.

Но снижение масштабов коррупции и решение проблемы бедности оставались трудными задачами для правительства.

В октябре 2012 г. было подписано (при посредничестве Малайзии) рамочное соглашение между правительством и руководством наиболее влиятельной организацией Исламский фронт освобождения моро (ИФОМ) о прекращении огня, создании самоуправляющегося автономного района Бангсаморо (на значительной части о. Минданао и архипелаге Сулу). Однако угроза дестабилизации

в результате вооруженных вспышек со стороны радикальных группировок осталась.

Обострилась внешнеполитическая проблема – активное участие Филиппин в территориальных спорах между Китаем и некоторыми государствами АСЕАН вокруг островов Южно-Китайского моря. Филиппины вновь стали рассчитывать на поддержку Америки. При Б. Акино III появилась тенденция возврата к системе «особых отношений» с США.

Эта тенденция была нарушена с приходом к власти в 2016 г. нового президента – Родриго Роа Дутерте – авторитарного популиста. В своей внешней политике Дутерте взял курс на замирение с Китаем, поиск и укрепление новых двусторонних отношений с другими странами, кроме западных, в том числе с Россией. Напротив, наблюдался формальный, показательный «разрыв» отношений с США, в адрес которых, а также в адрес ЕС Дутерте зачастую высказывался весьма нелицеприятно, если не сказать грубо. Тем не менее риторика президента не означала реальный разрыв всех дипломатических и экономических отношений с главным партнером Филиппин – Соединенными Штатами. При этом, Дутерте отверг решение Гаагского суда по иску, поданному против Китая Акино III, как несущественное, и сел с КНР за стол переговоров на двусторонней основе. Такая политика позволила возобновить дипломатические отношения с Китаем, однако, как показало время не привела к каким-либо существенным подвижкам в решении территориального спора в ЮКМ или, как рассчитывал Дутерте, к значительным финансовым вливаниям в инфраструктуру Филиппин со стороны Китая.

Внутренняя политика президента Дутерте характеризовалась жесткими мерами по борьбе с торговлей, распространением и употреблением наркотиков в стране, продолжением фискальной реформы, попытками при-

влечения иностранных инвесторов в экономику Филиппин, окончательным разрешением конфликта на юге страны с исламистами моро, а также сложной экономической ситуацией в связи с пандемией коронавируса, разразившейся в мире с начала 2020 г. и пришедшейся на последние 2 года Дутерте у власти.

Международное сообщество сильнее всего критиковало президента Дутерте за его политику насилия в ходе «войны с наркотиками», поскольку этот процесс сопровождался многочисленными нарушениями прав граждан и многими жертвами среди филиппинского населения. На самих Филиппинах Дутерте осудили за его слишком мягкую политику в отношении Китая, провал с привлечением денежных средств в инфраструктуру страны и неспособность своевременно отреагировать на угрозу пандемии и справиться с последствиями 2-годового жёсткого карантина, которые в первую очередь сказались в экономике Филиппин. Со многими из уже традиционных для Филиппин проблем, равно как и с экономическим провалом в ходе и после пандемии предстоит теперь разбираться новому президенту страны – Фердинанду «Бонгбонг» Маркосу-мл. (сын Фердинанда Маркоса президента Филиппин в 1965–1986 гг.), избранному на пост главы государства 9 мая 2022 г.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Расскажите об особенностях периода деколонизации Филиппин.
2. Чем характеризовался период «витринной демократии»?
3. В чем состояла и как реализовывалась идея «нового общества» Ф. Маркоса?
4. Расскажите об успехах и провалах периода «новой демократии» на Филиппинах. Дайте краткую харак-

теристику правящим президентам данного периода и их деятельности.

Рекомендуемая литература:

1. *Левтонова Ю.О.* История Филиппин. XX век. Главы 5–7. М.: ИВ РАН, 2011. С. 180–426.
2. *Панарина Д.С.* Бениньо Симеон Акино III: символ демократии на Филиппинах / Многоликая элита Востока. (Коллективная монография) / отв. ред. – сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2022.
3. *Панарина Д.С.* Родриго Дутерте – филиппинский президентпопулист или «Гарри Дутерте»? / Многоликая элита Востока. Т. 1 (Коллективная монография) / отв. ред. – сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. С. 340–378.
4. *Panarina D.S.* Rodrigo Duterte – Who Is He? // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2017. Vol. 17. No. 3. Pp. 588–597.
5. *Рачинская-Спивакова Ю.О.* Итоги правления Дутерте на Филиппинах: достижения во внутренней политике и взаимодействие с гражданским обществом // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Том 2. № 2 (55). С. 171–183.

§ 5.3. Конституционный строй

Конституционная история Филиппинской Республики берет свое начало со времени национально-освободительного движения филиппинского народа против колониального господства Испании и США в 1896–1902 гг. 1 ноября 1897 г. в городке Биак-на-Бато Ассамблея народных представителей, в состав которой вошли активные участники антииспанской борьбы, приняла первую в

истории Филиппин «временную Конституцию», или Основной закон Филиппинской Республики. Биакнабатская Конституция 1897 г. состояла из 34 статей и носила временный характер. Главной целью конституция провозглашала «отделение Филиппин от испанской монархии и превращение их в независимое государство со своим собственным правительством».

Конституция впервые в государственно-правовом развитии провозгласила основные буржуазно-демократические права и свободы (свобода личности, организаций, прессы, религиозных верований, образования, получение профессии и т.д.). Конституция впервые декларировала всеобщее избирательное право для всех филиппинцев и объявила их основным источником формирования государственных органов Филиппинской Республики. Конституция установила довольно стройную систему государственной власти образованной республики.

Ассамблея народных представителей избирала Верховный правительственный совет в составе президента и вице-президента республики и четырех министров. Этот Совет обладал довольно значительными полномочиями. Большинство статей Конституции (22 из 34) было посвящено установлению полномочий и функций Верховного правительственного совета.

Следующим важным этапом Конституционного развития Филиппин явилось принятие Малолосской Конституции. Она была принята Революционным конгрессом Филиппин в городе Малолос в ноябре 1898 г. и вступила в действие 28 января 1899 г. Конституция явилась очередным этапом национально-освободительной борьбы. В отличие от временной Биакнабатской Малолосская Конституция Филиппинской Республики была официально провозглашена «политической Конституцией государства» и

предназначалась в качестве постоянно действующего Основного закона независимых Филиппин.

Конституция состояла из 102 статей, сгруппированных в 15 разделов, и содержала детально разработанные положения об основных государственных институтах Филиппинской Республики. В первой же статье она провозглашала суверенитет, принадлежащий исключительно народу. Конституция включала специальный раздел «Билль о правах», который провозглашал свободу и равенство религиозных учреждений, отделение церкви от государства, свободу от произвольного ареста и тюремного заключения, действие Habeas Corpus, неприкосновенность жилища, свободу места жительства, свободу и неприкосновенность корреспонденции, свободу слова и печати, свободу совести, свободу ассоциаций, право на подачу петиций, свободное и обязательное народное образование, обязанность защищать страну и вносить свой вклад в государственные расходы, запрещение получения почетных званий от иностранных государств без разрешения национального правительства.

Филиппинские исследователи Конституционного права, подчеркивая значение норм Малолосской Конституции, отмечали, что это была первая республиканская Конституция в Азии, которая установила также первую республику в Азии. Она вводила принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Две из этих властей никогда не должны быть передаваться одному лицу или организации, так же как законодательная власть не могла быть передана одному лицу. Конституция определяла общие принципы деятельности муниципальных и провинциальных органов власти. Малолосская Конституция явилась ярким образцом демократической Конституции, и для своего времени она была одной из самых демократических конституций по сравнению с Конституциями других зарубежных государств.

Важное значение Малолосской Конституции заключалось в том, что она явилась фактически одним из первых юридических документов национально-освободительного движения филиппинского народа против колониализма. Однако в период действия Малолосской конституции Филиппины все еще оставались под управлением США и не могли считаться полноценным суверенным государством.

Следующим этапом в обретении независимости Филиппинами стало принятие Соединенным Штатами в 1934 г. Закона Тайдингса-Макдаффи, получившего наименование «Акта о независимости». В соответствии с нормами этого закона США обещали ликвидировать свой суверенитет над Филиппинами через 10 лет и гарантировали полную независимость страны в будущем. Одновременно предусматривалась разработка постоянной Конституции страны. Закон закреплял переходный период, в течение которого страна оставалась в статусе автономии, в соответствии с которым Госдепартамент США сохранял полный контроль над внешней политикой Филиппин, а внутренняя политика контролировалась Верховным комиссаром США при правительстве Филиппин, то есть бывшим американским генерал-губернатором.

«Акт о независимости» закреплял прямой экономический контроль со стороны США, особенно в сфере денежного обращения, импорта, экспорта и иммиграции. Законы, регулирующие эти сферы и принятые филиппинским парламентом, не могли вступить в силу без утверждения их со стороны президента США. Филиппинский государственный долг устанавливался Конгрессом США, а соглашения о займах с иностранными государствами могли быть заключены только с разрешения президента США. Имущество США на территории Филиппин освобождалось от любых налогообложений, и при этом закреплялись паритетные права американских гражд-

дан и компаний на Филиппинах с филиппинскими гражданами и компаниями на неопределенное время.

В соответствии с законом устанавливалось семь этапов на пути к полной независимости. Эти этапы включали в себя:

- созыв Учредительного собрания для выработки Конституции;
- представление Конституции Филиппин на одобрение президента США;
- вынесение Конституции после одобрения президентом США на референдум населения;
- обнародование результатов референдума;
- провозглашение создания филиппинского содружества;
- выборы властей филиппинского содружества;
- провозглашение независимости Филиппин 4 июля того года, который последует через 10 лет после провозглашения содружества.

Таким образом, процесс предоставления Филиппинам независимости был разработан довольно детально. В 1934 г. было избрано Учредительное собрание в составе 202 делегатов, которое в 1935 г. приняло Конституцию содружества, в качестве составной части в которую был включен Закон Тайдингса-Макдаффи («Акт о независимости»). В том же году президент США Франклин Д. Рузвельт утвердил ее, а 14 мая 1935 г. текст Конституции был одобрен филиппинскими избирателями на референдуме.

В соответствии с одобренной на референдуме Конституцией состоялись президентские выборы, и 15 ноября 1935 г. вступили в должность президент Мануэль Кесон и вице-президент Зирит Серхио Осменя.

Конституция Филиппин 15 ноября 1935 г. состояла из 18 статей. Каждая статья по аналогии с американской Конституцией регулировала какой-либо один государственно-правовой институт. Конституция была построена

с учетом фундаментальных основ американского Конституционного права и явилась прообразом всех последующих филиппинских Конституций, она же послужила базой для развития и укрепления нового законодательства. Ее базисными принципами были:

- суверенитет народа;
- сильная исполнительная власть;
- разделение власти с введением системы сдержек и противовесов;
- независимая судебная система;
- национализация природных ресурсов и их общественное использование;
- государственная служба, построенная на высоких моральных принципах;
- национальная солидарность, обеспечение личного и общественного благосостояния;
- принцип социальной справедливости.

Государственно-правовые институты Филиппин строились по аналогии с американскими до сентября 1972 г., когда декретом тогдашнего президента Филиппин Фердинанда Маркоса в стране было введено чрезвычайное положение, отменена действовавшая Конституция 1935 г., распущен конгресс и местные органы власти, запрещена деятельность легально существовавших политических партий и общественных организаций, запрещены забастовки и демонстрации. Вся полнота власти перешла в руки президента Маркоса и командующих военными округами. Период чрезвычайного положения явился новым и особым этапом в развитии филиппинской государственности. Режим был официально объявлен Маркосом как Конституционно-авторитарный.

17 января 1973 г. в условиях чрезвычайного положения на всеобщем референдуме путем открытого голосования была утверждена новая Конституция Республики

Филиппины. Она предусматривала переход Филиппин от президентской к парламентской форме правления путем формирования однопалатной Национальной ассамблеи и образования правительства во главе с премьер-министром, ответственным перед Национальной ассамблеей. Однако на период чрезвычайного положения президент Маркос обладал всей полнотой исполнительной и законодательной власти. В ходе последующих реформ 1976–1977 гг. избиратели высказались за предоставление Маркосу полномочий и президента, и премьер-министра и за создание временной Национальной ассамблеи из избираемых и частично назначаемых президентом депутатов.

В 1978 г. состоялись первые со времени введения чрезвычайного положения выборы во временную Национальную ассамблею. Было избрано 165 депутатов, абсолютное большинство которых принадлежало к проправительственной партии «Движение за развитие нового общества». Несколько депутатов было избрано путем косвенных выборов от профсоюзов и молодежных организаций, а 20 депутатов были назначены президентом из числа представителей исполнительной власти.

Конституция 1973 г. была ликвидирована после крушения авторитарного режима президента Маркоса и после принятия на всеобщем референдуме ныне действующей Конституции 1987 г. С принятием демократической Конституции 1987 г. начался новый этап государственно-правового развития Филиппин. Он характеризовался восстановлением старых и развитием новых демократических Конституционных принципов, новым содержанием прерогатив органов государственной власти и правового положения личности.

Ныне действующая Конституция утверждает суверенитет Филиппин в описанных границах. Согласно Конституции, Филиппины определяются как демократическое республиканское государство, в котором суверенитет

принадлежит народу, и вся государственная власть исходит от него. Филиппины отвергают войну как инструмент национальной политики, принимают общепринятые принципы международного права как часть права страны и придерживаются политики мира, равенства, справедливости, свободы, сотрудничества и дружбы со всеми нациями. Гражданская власть провозглашается всегда превыше военной. Вооруженные силы Филиппин – защитники народа и государства. Их цель – обеспечить суверенитет государства и целостность национальной территории. Основная обязанность правительства – служить народу и защищать его. Правительство может призывать народ защищать государство, и для выполнения этой задачи от всех граждан может потребоваться в соответствии с условиями, предусмотренными законом, нести личную, военную или гражданскую службу. Поддержание мира и порядка, защита жизни, свободы и собственности, а также содействие общему благосостоянию необходимы для того, чтобы все люди могли пользоваться благами демократии. Отделение церкви от государства неприкосновенно.

Раздел Конституции «Биль о правах» провозглашает неприкосновенность и свободу личности, свободу слова, вероисповедания, передвижения; право на получение информации, право на личную собственность, в том числе на недвижимость, право на неприкосновенность жилища за исключением некоторых экстренных случаев; а также подробно регламентирует права гражданина, находящегося под следствием. В Конституции подробно прописано что представляют из себя законодательная, исполнительная и судебная ветви власти и как они должны работать; отражены все сферы жизни, в том числе гарантируется получение населением социальных благ (права на трудоустройство, медицину, образование, участие в спорте, культуре и т.д.), утверждается необходимость экономического развития для достижения целей устранения классов-

вых различий. Отдельно регламентируется жизнь автономных регионов страны. Это далеко не все содержание Конституции 1987 г., лишь основные моменты.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Когда была принята и что представляла собой первая Конституция Филиппин?
2. Расскажите о Малолосской конституции.
3. Какие особенности были у Конституций 1934 и 1935 гг.?
4. Что представляет собой нынешняя Конституция Филиппин, принятая в 1987 г.?

Рекомендуемая литература:

1. *Панков А.Н.* Конституционно-правовое развитие Республики Филиппины // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 275–281.
2. *Панарина Д.С.* Политическая система Филиппин: западная демократия в азиатском мире / Политические системы и политический процесс в странах ЮВА / отв. ред. Е.М. Астафьева М.: ИВ РАН, 2021. С. 225–272.
3. The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines / Commission on Elections. Republic of the Philippines. URL:<https://comelec.gov.ph/index.html?r=References/RelatedLaws/Constitution/1987Constitution>.

§ 5.4. Структуры власти

Филиппины можно определить как демократическое унитарное государство, как республику с президентской формой правления. В стране действует Конституция, принятая в 1987 г. В административном отношении Филиппины делятся на провинции (73), объединённые в 17

административно-экономических районов, муниципалитеты, барангаи (сельские округа или городские кварталы). Крупными провинциями являются: Пампанга, Рисаль, Кесон, Илокос (Северный и Южный), Себу, Илоило, Магинданао и др. К наиболее крупным городам относятся Большая Манила, Давао, Себу, Илоило и др.

Принципы государственного управления основаны на выборности органов власти и разделении её ветвей на законодательную, исполнительную и судебную.

Высшим органом **законодательной власти** является двухпалатный конгресс. Верхняя палата Конгресса – Сенат состоит из 24 сенаторов в возрасте не менее 35 лет и избирается на 6 лет с промежуточными выборами каждые 3 года и правом переизбрания на второй срок. Глава верхней палаты выступает президентом Сената, избираемым сенаторами. В свою очередь, Палата представителей, спикер которой является ее главой, избирается на 3 года в составе не более 250 депутатов (с 25-летнего возраста) с правом переизбрания на 3 срока.

Члены Палаты представителей избираются либо по округам, либо по партийным спискам. В настоящее время Филиппины разделены на 243 законодательных округа. Каждый законодательный округ избирает одного человека, который будет представлять округ в Палате представителей.

Таким образом, Палата представителей Филиппин состоит из 253 членов, выбранных с использованием метода одномандатных округов (SMD). Однако Конституция Филиппин 1987 г. также позволяет выбирать дополнительные 20% членов Палаты с использованием метода партийных списков. Когда филиппинцы голосуют, они отдают два голоса в Палату представителей, один за представителя округа и один за политическую партию. Политические партии, получившие не менее 2% голосов в стране, получают место в Палате представителей. Ни одна

политическая партия не может получить более 3 мест в процессе голосования по партийным спискам. Метод голосования по партийным спискам является формой пропорционального представительства и предназначен для обеспечения представительства третьих сторон и недостаточно представленных групп в законодательном органе. Сейчас в партийном списке 57 представителей.

Палата представителей может принять резолюцию о вакантном месте в законодательном органе, что подготовит почву для дополнительных выборов. Победитель внеочередных выборов будет отрабатывать незаконченный срок предыдущего представителя округа, и это будет считаться одним выборным сроком. То же правило применяется в Сенате, однако только в том случае, если место освобождается до очередных выборов в законодательные органы.

Верхняя палата Конгресса заседает в Пасай Сити, тогда как нижняя палата – в Кесон Сити.

Верховной **исполнительной властью** обладает президент Филиппин. На данный пост может быть избран человек не моложе 40 лет, проживавший на Филиппинах не менее 10 лет перед выборами. Президент и его вице-президент оба избираются сроком на 6 лет, и не могут быть переизбраны на второй срок. Одновременно, президент является главой государства, правительства (формирует ответственный перед ним кабинет), верховным главнокомандующим. Президент не может распускать парламент, но обладает правом вето при прохождении через Конгресс законопроектов. В экстремальных ситуациях президент имеет право ввести чрезвычайное положение на срок, ограниченный Конгрессом.

Второе высшее должностное лицо, вице-президент, также избирается всенародным голосованием. Вице-президент является вторым в очереди, если президент уходит в отставку, подвергается импичменту или умирает

при исполнении служебных обязанностей. Вице-президент обычно входит в состав кабинета президента, но не всегда. Если на должности вице-президента появляется вакансия, президент назначает любого члена Конгресса, который обычно является членом партии, новым вице-президентом. Назначение будет подтверждено тремя четвертями голосов Конгресса, голосующих отдельно.

Официальной резиденцией президента и правительства является дворец Малакананг в столице страны Маниле.

Судебную ветвь правительства возглавляет Верховный суд, в состав которого входят председатель Верховного суда и 14 помощников судей, все из которых избираются президентом по рекомендации Совета судей и адвокатов и исполняют обязанности до достижения 70-летнего возраста. Апелляционный суд состоит из одного судьи-председателя и 68 младших судей. Эти судьи также назначаются президентом Филиппин по рекомендации Совета судей и адвокатов. Суд, который называется Сандиганбаян, является специальным судом для рассмотрения дел о коррупции государственных чиновников. Этот суд состоит из 15 судей, назначаемых президентом по рекомендации Совета судей и адвокатов. Еще ниже по статусу находятся региональные и муниципальные суды. На Филиппинах также существует параллельная система шариатских судов для мусульманского населения страны. Дела, связанные с Кодексом мусульманских личных законов, могут подаваться в шариатский суд. Однако шариатские суды контролируются Апелляционным судом и Верховным судом.

Органы местной власти, такие как губернаторы провинций, мэры городов, провинциальные законодательные ассамблеи, муниципальные советы формируются на основе той же системы выборов, что и высшие органы власти. На местах введены принципы децентрализованного

управления, органам власти предоставлены широкие полномочия в области бюджетной, налоговой политики и т.п. Их деятельность контролируется Конгрессом, который представляет собой источник коррупции и среди конгрессменов, и среди местных лидеров. Следует отметить, что коррумпированность практически всех органов власти на Филиппинах – как высших, так и местных – одна из отличительных черт работы политического управления в стране.

Местные органы самоуправления. Конституция Филиппин, о которой рассказывалось выше, в числе прочего закрепляет за органами местной власти довольно обширные законодательные полномочия на уровне провинций, городов, муниципалитетов и барангаев. Местным органам власти на Филиппинах предоставляется довольно обширный круг полномочий и автономной работы, в том числе в сфере законотворчества, поэтому интересно остановится на этом вопросе подробнее.

Филиппины поделены на 17 регионов, которые не обязательно представляют собой политические или административные единицы, подчиняющиеся национальному правительству.

Органы местного самоуправления подразделяются на провинции или высокоурбанизированные города, такие как столица Филиппин Манила, которая не является частью провинции, но отдельной политической единицей. Провинции в свою очередь делятся на муниципалитеты и барангаи. Барангай (также иногда барантай) – наименьшая единица административного деления на Филиппинах. В провинции может представлять собой деревню, в городе – отдельный квартал, обычно имеющий зримые границы своего расположения, поскольку ограничен двумя или более воротами, которые запираются на ночь. На воротах также как правило висит табличка с названием данного барангая и временем его «работы», т.е. времен-

ным промежутком, когда на территорию барангая можно попасть, не нарушая правил.

Чтобы административная единица на Филиппинах имела соответствующий административный статус, численность населения на данной территории должна быть: в каждом высокоурбанизированном городе – не менее 200 тыс. жителей, в каждой провинции – не менее 250 тыс. человек. В каждом барангае должно быть не менее 2 тыс. жителей, а в барангаях в крупных городах – не менее 5 тыс. жителей.

Как и в американской федеральной системе, каждая единица местного самоуправления является суверенной и имеет свои собственные права и обязанности, но каждая местная единица также подчиняется соответствующему высшему правительственному органу. В случае с Филиппинами цепочка следующая: барангай находится в ведении муниципалитетов, муниципалитеты подчиняются провинции, провинция управляется федеральным правительством. Каждая единица местного самоуправления имеет право на существование, и ее границы не могут быть изменены без проведения плебисцита местным населением. Конституция Филиппин 1987 г. ограничивает работу местных должностных лиц сроком до трех лет и не более трех сроков подряд. Должностные лица местного самоуправления выбираются путем голосования в органах местного самоуправления. Каждая единица местного самоуправления имеет право самостоятельно получать доход, который будет использоваться исключительно на нужды соответствующей политической единицы и строго определенной административной территории.

Нынешняя система барангаев и местного самоуправления на Филиппинах является результатом революции Власти народа 1986 года, которая свергла режим диктатуры Ф. Маркоса. Последующая Конституция 1987 г. кодифицировала существование единиц местного само-

управления, включая систему барангаев, и предоставила каждой единице определенный уровень автономии. Стремление к децентрализации власти при Корасон Акино, выразившееся в том числе в целях программы развития общества новой администрации (The Policy Agenda for People Oriented Development) в некотором смысле стало реакцией на централизацию власти в условиях военного положения при Маркосе.

В Конституции 1987 г. 25 раздел 2 статьи, посвященной основным принципам, гласит: «Государство обеспечивает автономию самоуправлений». Но кроме того, местному самоуправлению в Конституции посвящена целая статья (статья 10), которая в том числе постулирует, что:

- В мусульманском Минданао и Кордильерах должны быть автономные районы, как это предусмотрено ниже.
- Каждая единица местного самоуправления имеет право создавать свои собственные источники доходов и взимать налоги и сборы в соответствии с такими руководящими принципами и ограничениями, которые может установить Конгресс, в соответствии с основной политикой местной автономии. Такие налоги и сборы должны составлять капитал исключительно органов местного самоуправления.
- Единицы местного самоуправления должны иметь справедливую долю, установленную законом, в национальных налогах, которая автоматически выплачивается им.
- Органы местного самоуправления имеют право на справедливую долю в доходах от использования и развития национального богатства в пределах их соответствующих территорий в порядке, предусмотренном законом, включая разделение их с жителями в качестве прямых выплат.

- Президент должен обеспечить создание советов регионального развития или других аналогичных органов, состоящих из должностных лиц местных органов власти, руководителей региональных департаментов и других государственных учреждений, а также представителей неправительственных организаций в регионах для целей административной децентрализации с целью усиления автономии их подразделений и для ускорения экономического и социального роста и развития подразделений в регионе.

В дальнейшем полномочия и обязанности местных органов власти были дополнительно определены и децентрализованы с принятием Кодекса местного самоуправления 1991 г. с целью получения поддержки со стороны местных властей. Закон 1991 г. был революционным в том плане, что «он отходил от традиции централизации власти в большинстве стран Юго-Восточной Азии». Как отмечает Атьенза, принятие закона было важно для Филиппин по пяти причинам:

- 1) он дал местным органам власти контроль над многими основными социальными услугами, такими как здравоохранение и сельское хозяйство;
- 2) он предоставил местным органам власти право применять многие законы и постановления, включая законы об охране окружающей среды и инспекции пищевых продуктов;
- 3) он предоставил местным органам власти право взимать налоги и увеличил долю финансирования от национального правительства местным барангаям;
- 4) он укрепил местное гражданское общество, предоставив местным политическим единицам возможность создавать местные выборные руководящие собрания, в том числе на уровне барангаев, для управ-

ления местным населением и возможности населения голосовать на местном референдуме; и

- 5) он побуждает органы местного самоуправления к формированию партнерских отношений с частным сектором для содействия развитию на местном уровне.

В настоящее время барангай является мельчайшей единицей самоуправления на Филиппинах. Каждый барангай управляется капитаном и собранием барангая, которые выбираются населением барангая. В состав собрания барангая входят 9 членов: 7 членов совета, капитан и председатель местного совета молодежи.

Барангаи ответственны за управление населением и территорией в пределах своих границ. Подобно городскому совету в Соединенных Штатах, собрание барангаев и капитан встречаются на регулярных общественных форумах, чтобы обсудить местные проблемы и законы. Их деятельность может включать выделение средств на дороги и инфраструктурные проекты, оформление запросов на финансирование в вышестоящие муниципальные или провинциальные органы власти, создание бюджета барангая, установление местного комендантского часа, организацию и спонсирование общественных и культурных мероприятий.

Барангаи также важны, потому что они предлагают филиппинцам систему альтернативного правосудия и разрешения споров по сравнению с официальной филиппинской судебной системой. Система правосудия барангая, или *Katarungang Pambarangay*, полагается на традиционный метод филиппинского сообщества по разрешению споров. Старейшины и руководство общины выступают посредниками для взаимоприемлемого урегулирования между двумя спорящими сторонами. Истец может подать жалобу в барангай, которую затем рассматривает капитан барангая. Если капитану не удастся разрешить спор, к

процессу могут быть привлечены взаимно согласованные третьи стороны. Если стороны по-прежнему терпят неудачу в процессе урегулирования, то стороны могут решить обратиться в судебную систему. Преимущество барангайской системы правосудия заключается в том, что она предназначена для создания бесприоритетного решения и может быть быстрее и дешевле, чем классическая судебная система.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Расскажите о законодательной ветви власти на Филиппинах.
2. Что представляет собой и как работает исполнительная ветвь власти?
3. Какими структурами представлена судебная ветвь власти?
4. Расскажите об органах местного самоуправления на Филиппинах. Какие законы регулируют функционирование органов местного самоуправления? Что такое барангай?

Рекомендуемая литература:

1. Государственное устройство Филиппин / Best Country. August 3, 2019. URL: http://www.best-country.com/ru/asia/philippines/political_structure.
2. Philippine Political System / Department of Philippines. URL: <https://sites.google.com/site/departmentofphilippines/philippine-political-system>.
3. *Edleman, Paul R.* Philippine Government Structure with a Focus on the Philippine Barangay. Sauk Valley Community College. URL: https://www.niu.edu/clas/cseas/_pdf/lesson-plans/fulbright-hays/philippine-political-structure.pdf.

4. *Atienza, Maria Ela L.* Local Government and Devolution in the Philippines // *Philippine Politics and Governance. An Introduction.* Ed. by Noel M. Morada, Teresa S. Encarnacion Tadem. Department of Political Science, College of Social Sciences and Philosophy, University of the Philippines. Diliman, Quezon City, 2006. P. 425. URL: <https://polisci.upd.edu.ph/philippine-politics-and-governance-full-text/>.
5. The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines – Article II / Commission on Elections. Republic of the Philippines. URL: <https://comelec.gov.ph/index.html?r=References/RelatedLaws/Constitution/1987Constitution/Article2>.

§ 5.5. Избирательная система

Избирательная система Филиппин – система смешанного типа, она включает элементы мажоритарной (подразумевает выборы президента и вице-президента, а также сенаторов общим прямым тайным голосованием) и модифицированной пропорциональной системы (принцип пропорционального представительства при голосовании по избирательным округам и партийным спискам, присутствует на выборах в нижнюю палату парламента). Президентские выборы проводятся каждые шесть лет. Последние выборы состоялись в мае 2022 г. Выборы в Конгресс, Сенат и местные органы власти проводятся в годы президентских выборов, а также за три года до и после них. Во время выборов 2022 г. было установлено некоторое количество новых рекордов: проголосовало свыше 56 млн избирателей, а новоизбранный президент Маркос-мл. победил со значительным перевесом в 58,77% голосов. Это самый лучший показатель со времен его отца Фердинанда

Маркоса, который во время выборов 1981 г. набрал 88% голосов.

Участие избирателей обычно составляет от 70 до 85 процентов. В 2004 г. было 43 млн избирателей, имеющих право голоса; 36,1 млн в 2001 г.; и 34 млн в 1998 г. Филиппинцам, проживающим за границей, впервые было разрешено голосовать на президентских выборах в 2004 г. Уровень голосования на национальных выборах высок, несмотря на такие препятствия, как трудности с транспортом, необходимость писать имена всех кандидатов от руки и, иногда, угроза насилия.

Возраст для голосования на Филиппинах – с 18 лет. Избирателям обычно приходится терпеть длинные очереди, дождь и жару. Оказавшись на избирательном участке, они ищут свое имя и номер в регистрационных списках, берут бюллетень у работника избирательного участка и пишут от руки имена примерно 20 кандидатов, за которых они голосуют на разных избирательных участках. Филиппинские бланки для голосования иногда называют самыми длинными в мире, а люди обычно ждут своей очереди для получения бюллетеня по 45 минут. Избирателям ставят печать несмываемыми чернилами, чтобы они не проголосовали дважды.

Выборы на Филиппинах характеризуются большим количеством кандидатов и большим количеством должностей. На выборах 1998 г. было 17 000 избирательных мест. В 2013 г. более 800 тыс. кандидатов боролись за пост председателя и другие посты в городских и сельских барангях – наименьших административных единицах на Филиппинах. В бюллетенях избиратели указывают имена, фамилии или прозвища кандидатов. Это одна из причин, по которой кандидаты продвигают прозвища, такие как «Кори» Акино или «Эрап» Эстрада.

До 2010 г. и введения автоматизированной системы подсчета голосов, часто проходили недели, прежде чем

становились известны официальные результаты выборов. Прошло пять недель, прежде чем Ф. Рамос был объявлен победителем президентских выборов в 1992 г., и шесть недель, прежде чем Г. Арройо была объявлена победителем в 2004 г. Однако, на последних выборах в 2022 г. предварительные результаты выборов были известны на следующие сутки, а официальные результаты были обнародованы через 2 дня после выборов, состоявшихся 9 мая. 25 мая на совместной церемонии Бонбонг Маркос был объявлен новым президентом, а Сара Дутерте – новым вице-президентом.

В 2004 г. насчитывалось 215 тыс. избирательных участков по сравнению со 175 тыс. в 1998 г. В 2022 г. по данным Comelec (Избирательной комиссии) насчитывалось 412 874 избирательных участка, плюс 106 174 объединенных избирательных участка. В большинстве случаев избирательные участки организуют в зданиях школ. Выборы проводятся избирательными комиссиями (Comelec) и контролируются группой наблюдателей Национальное движение граждан за свободные выборы (Namfrel).

Национальное движение за свободные выборы – это организация, созданная в 1950-х годах при совете и помощи Соединенных Штатов для проведения честных выборов. В момент своего появления Namfrel привлекла граждан с высокой гражданской ответственностью (320 тыс. добровольцев на 104 тыс. избирательных участков на выборах в Конгресс 1987 г.) для наблюдения за голосованием и контролем за подсчетом бюллетеней, а также подготовила «быстрый подсчет», основанный в первую очередь на городских отчетах, для немедленного обнародования результатов. Поскольку ранее Избирательной комиссии могли потребоваться недели или даже месяцы для подтверждения официальных результатов, Национальное движение за свободные выборы мешало недобросовестным политикам исказить результаты. Сама Namfrel ино-

гда осуждалась проигравшими на выборах как инструмент вмешательства Соединенных Штатов и не всегда была беспристрастной. Так, например, в 1986 г. Namfrel оказали поддержку Корасон Акино, и впоследствии председатель организации Хосе Консепсьон был назначен министром торговли и промышленности во время ее правления.

Конституция 1987 г. Конституция учредила Избирательную комиссию, уполномоченную контролировать все аспекты избирательных кампаний и выборов. Она состоит из председателя и шести членов комиссии, которые не могли быть кандидатами на какую-либо должность на предшествующих выборах. Большинство членов комиссии должны быть юристами, и все они должны иметь высшее образование. Они назначаются президентом с согласия Комиссии по назначениям на один семилетний срок. Комиссия по выборам обеспечивает соблюдение и администрирует все законы и постановления о выборах, обладает юрисдикцией первой инстанции в отношении всех юридических споров, возникающих в связи с неоднозначными результатами. Для противодействия неблагоприятному влиянию, иногда оказываемому солдатами и другими вооруженными группами, комиссия может назначать своими представителями правоохранительные органы, включая Вооруженные силы Филиппин. В тяжелых ситуациях комиссия может взять под свой контроль целые муниципалитеты и провинции или назначить новые выборы.

Окончательное решение по всем выборам в законодательные органы остается за избирательными трибуналами Сената и Палаты представителей. Каждый избирательный трибунал состоит из девяти членов, трое из которых являются членами Верховного суда, назначаемыми главным судьей. Остальные шесть являются членами Сената или Палаты представителей, избираемых на основе пропорционального представительства партий в палате.

В политической системе Филиппин стабильно сохраняются стереотипы традиционной политической культуры, характерной для данного государства. Сюда относятся клановость в политике, система патерналистских вертикальных связей, кронизм, – все это закономерно негативно сказывается на функционировании избирательной системы страны. Филиппины до сих пор входят в число тех развивающихся стран, для которых характерен стабильно высокий уровень нарушений избирательного закона. Обычным делом здесь являются практика торговли голосами, фальсификации бюллетеней, давление сверху на электорат, вспышки открытого насилия и т.п.

Отличительной чертой филиппинской политической системы является также слабость политических партий. Она, помимо прочего обусловлена некоторым набором условно «технических» моментов организации политической системы и системы выборов, которая иллюстрирует взаимоотношения между кандидатами и их партиями. В ныне существующей системе эти отношения могут быть описаны кратким утверждением: партии вынуждены бороться за то, чтобы дисциплинировать своих членов, призывать их постоянно к порядку. Следующие несколько примеров хорошо иллюстрируют, что имеется в виду.

«Во-первых, многомандатная система с участием многих членов, используемая для избрания 14 000 из 18 000 должностных лиц на Филиппинах (в Сенат, а также в советы на провинциальном, городском и муниципальном уровнях). Эта система гарантирует высокий уровень внутрипартийной конкуренции, что является верным способом построения политической системы, ориентированной на кандидатов, а не на партию.

Во-вторых, президент и вице-президент (а также губернаторы / вице-губернаторы и мэры / вице-мэры) избираются отдельно, а не в рамках единого списка. Это разделение очень редко встречается на международном

уровне, поскольку оно открывает возможность (часто реализуемую) для двух высших должностных лиц страны (а также провинции, города и муниципалитета) представлять разные политические партии. И снова это способствует формированию политического строя, ориентированного на кандидатов, а не на партии.

В-третьих, наиболее странным компонентом филиппинской избирательной системы, который, по-видимому, больше нигде не встречается, является система партийных списков (the Party List System or PLS). Его трехместный потолок не только нарушает принцип соразмерности, но и ведет к увеличению числа небольших и неэффективных партий. Это еще больше усугубляет слабость и непоследовательность филиппинской партийной системы».

Интересная особенность: чтобы максимально исключить участие военных сил в политике и их влияние на принятие решений, важных на национальном уровне, Палатой представителей во время 15-го заседания Конгресса в 2010 г. был принят Закон № 2981, согласно которому «вооруженные силы должны быть изолированы от партийной политики и избирательного процесса. Ни один военнослужащий не может прямо или косвенно участвовать в какой-либо партийной политической деятельности, кроме как голосовать». Участие вооруженных сил в политике, а точнее в избирательном процессе в ходе выборов по данному закону сводилось к следующему: «Ни в коем случае ни одно подразделение или представитель Вооруженных сил Филиппин (ВСФ) не может быть ответственным лицом в деятельности, связанной с обработкой и вскрытием ящиков для голосования; подсчетом голосов, предвыборной агитацией голосов; или же произнесением речей во время любого избирательного процесса. В случае если подразделение или отдельный член ВСФ будет задействован в транспортировке бюллетеней, его роль

должна ограничиваться обеспечением безопасности персонала избирательного процесса, которому поручено перевозить эти бюллетени, и целостности атрибутики выборного процесса». Закон охватывал все виды выборов: национальные, региональные и местные, и, кроме того, включает сюда же референдумы, плебисциты и народные инициативы. Принятие такого закона – отголосок памяти о диктатуре Ф. Маркоса и военном положении в стране, большую роль в котором сыграла именно филиппинская армия.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Перечислите основные характерные особенности избирательной системы Филиппин.
2. Какие организации контролируют избирательный процесс в стране? Расскажите о них.
3. Какие «технические моменты» отличают избирательную систему Филиппин от систем других стран?
4. Возможно ли участие военных в избирательном процессе на Филиппинах? В каком качестве? Почему?

Рекомендуемая литература:

1. Панарина Д.С. Политическая система Филиппин: западная демократия в азиатском мире / Политические системы и политический процесс в странах ЮВА / отв. ред. Е.М. Астафьева М.: ИВ РАН, 2021. С. 225–272.
2. Teehankee, Julio. Electoral Politics in the Philippines // Electoral Politics in Southeast and East Asia. Friedrich Ebert Stiftung, 2002. Pp. 149–202. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/01361006/pdf>.
3. Elections in the Philippines: Electoral system, irregularities and violence. URL: https://factsanddetails.com/southeast-asia/Philippines/sub5_6f/entry-3903.html.

§ 5.6. Партийная система

По недавним данным на Филиппинах зарегистрировано в общей сложности порядка 169 политических партий, которые одобрены Комиссией по выборам (the Commission on Elections or Comelec) и перечислены на их официальном сайте. Сюда входят все крупные и мелкие партии, как национального, так и местного уровня, включая партийные списки. Приведем некоторые интересные факты.

За 5 предвыборных кампаний в период с 1992 по 2016 г. существовало 18 партий, выдвинувших кандидатов в президенты (плюс 3 независимых кандидата); 19 из 24 на данный момент членов Высшей палаты парламента разбросаны по 8-ми различным партиям; в 1998–2016 гг. в среднем около 104 организаций участвовали в выборах, согласно партийным спискам; среднее количество выигравших на выборах партий превышает 25; всего за три года выборов с 2001 г. кандидаты в мэры города баллотировались под 202 партийными знаменами, а избранные политики являются представителями 101 партии. Так как же это все возможно?

Основные характеристики партийной системы на Филиппинах складывались еще на заре первой условной независимости, когда страна вышла из-под гнета испанской метрополии, и во многом эти характеристики базируются на тех сугубо личностных и патерналистских принципах взаимодействия общества, которые складывались еще до колонизации Филиппин испанцами, и впоследствии поддерживались ими. Еще в 1967 г. Карл Ланд писал о ярко выраженных особенностях политических партий того времени, и некоторые из этих особенностей, несмотря на тот факт, что в нынешних реалиях на Филиппинах куда больше 2-х партий, актуальны до сих пор. Это, например, и слабая интегрированность внутри пар-

тий, и политика «перебежчиков», которая подразумевает смену сторон членами партии.

Ланд пишет: «Этот факт (слабая интегрированность партий – *прим. авт.*) демонстрируется большим числом “мятежных кандидатов”, которые баллотируются на официальные должности. Это такие члены партий, которые не смогли добиться статуса “официальных кандидатов” от своих партий, но которые тем не менее выдвигаются на должности несмотря на тот факт, что их действия приводят к поражению официальных кандидатов их партий, которые в ином случае могли бы оказаться в победителях. В ходе предвыборной кампании слабость партийного единства также проявляется в существовании множества договоренностей о взаимопомощи между кандидатами от противоположных партий, баллотирующимися на разные должности. После выборов недостаток партийной солидарности может наблюдаться уже в Конгрессе, где случаи, когда члены одной партии единогласно голосуют за законопроекты, скорее являются исключением, нежели правилом».

Что касается «перебежчиков», то тенденция к частым сменам партий обусловлена тем, что политики стремятся оставаться на стороне власть имущих, тех, кто уже гарантировано выиграет на ближайших выборах. Зачастую, и электорат легко изменяет свои предпочтения, от раза к разу отдавая свои голоса за разные партии, и этот фактор дополнительно подталкивает политиков к смене партии, чтобы иметь максимальную поддержку граждан. Феномен смены партий получил в филиппинской политике название синдром «политической бабочки», красочное описание, очевидно призванное подчеркнуть, что политики здесь как бабочки – «порхают» то там, то тут, каждый новый день – на новом месте.

Еще одной отличительной чертой филиппинской партийной системы является фракционность партий.

Фактически, это следующая ступень после смены партий, которая закономерно приводит не просто к потере одной партией части своих членов, но к раздробленности, дроблению партий на отдельные части. Яркий пример такого явления: в колониальную эпоху старейшая партия в стране (основана в 1907 г.) – Национальная партия (the Nacionalista Party or NP) дважды раскалывалась на 2 фракции – в 1922 и в 1933 гг. Затем в 1946 г. из одной из фракций Национальной партии образовалась Либеральная партия (the Liberal Party or LP). И в дальнейшем фракционные деления обеих партий продолжались на протяжении 25 лет существования двухпартийной системы в поствоенный период.

Кратко историю развития партийной системы на Филиппинах хорошо иллюстрирует следующая цитата: «Система политических партий Филиппин произошла от фракций элиты. Конкуренция между элитами, в свою очередь, ранее провоцировалась местными политическими кланами, являющимися крупными землевладельцами, которые сформировали “кирпичики” филиппинской партийной политики. Позже преобразования в политической экономике страны повлияли на характер фракционного руководства в основных партиях. Авторитарный период при диктатуре Фердинанда Маркоса нарушил основанную на элите фракционную конкуренцию внутри партий, позволив “безземельным” политикам мобилизовать свои политические силы внутри и за пределами доминирующей партии диктатора. С тех пор множество партий было организовано в ходе раскола и слияния политических фракций, которые сформировали многопартийную систему в пост-авторитарный период». При этом Филиппины стали свидетелями существования 4-х видов партийной системы с разными уровнями институционализации: 1) системы с преобладающим влиянием 1-й партии в годы американского господства (1900–1935); 2) фор-

мальной двухпартийной системы в годы послевоенной республики (1946–1972); 3) доминирования единственной партии в политике в период авторитарной диктатуры Маркоса (1978–1986); 4) нынешней многопартийной системы (с 1987 г.). Но несмотря на разноплановость партийных систем в различные периоды истории страны, внутрипартийная фракционность неизменно оставалась ярко выраженной чертой партийной политики, и с течением времени только усложнилась: число фракций увеличилось в ходе развития партийной системы, в то время как уровень партийной институционализации остается сравнительно низким.

За счет чего сохраняется низкий уровень институционализации партий? Введение политических партий и выборов в качестве институциональных механизмов отбора представителей в законодательные органы открыло путь для развития связей между местными политическими кланами на национальном уровне. Зависимость политиков национального уровня (то есть президента и сенаторов) от фракций местных политических кланов как каналов для клиенталистских обменов стала серьезным препятствием для институционализации политических партий. Следовательно, «едва ли будучи стабильными программными образованиями [филиппинские политические партии] на практике оказались не более чем удобными механизмами покровительства, которые могут быть созданы, объединены с другими, разделены, возрождены, низвергнуты, воссозданы, переименованы, переупакованы, переработаны или смыты в унитаз в любое время».

И, наконец, еще одна характерная особенность партийной системы Филиппин, которая заслуживает упоминания – это слабая поляризация политики. В стране имеется некоторый потенциал к поляризации: филиппинцы могут расходиться во мнениях по поводу основных ценностей, таких как демократия или религия, Филиппинам

свойственно этнолингвистическое и региональное разнообразие, здесь сильно выражено социальное неравенство общества. Однако, в отличие от сильно поляризованных стран, таких как Соединенные Штаты, эти идеологические, религиозные и социально-экономические противоречия не пересекаются. Политическое соперничество по-прежнему основывается в большей степени на личностях политиков и фракциях, а не на идеологии или идентичности. Из-за своей системы клиенталистских связей, которые приводят к четкой взаимосвязи между получением политиками поддержки и достижением ими власти с последующей «раздачей слонов» своим сторонникам, в конце 1990-х гг. Альфред МакКой, один из ведущих специалистов по Филиппинам, ввел специальный термин – «анархия семей» – чтобы характеризовать систему, в которой баснословно богатые кланы используют патронаж ради доминирования в политике и в государстве. Закономерно, что при такой системе, выборы превращались в соревнование олигархических кланов, где победители должны были распределять часть полученных благ между своими сторонниками – представителями бедноты, проживающей в основном в провинциальных районах.

Рост среднего класса и насыщенность средств массовой информации несколько изменили эту модель за последние 20 лет, но несколько богатых кланов по-прежнему присутствуют в политике Филиппин и оказывают непропорционально большое влияние, особенно на более локальных уровнях. Политика, как и прежде остается прерогативой исключительно высшего класса общества (в финансовом смысле высшего), а неравенство общества сохраняется практически без изменений. В этой системе, основанной на патронаже, партийные бренды и лояльность своей партии имеют ничтожное значение. После президентских выборов многие члены Конгресса часто переходят на сторону победителя, а некоторые из самых извест-

ных президентов страны, в том числе Рамон Магсасай и Фердинанд Маркос, перешли из одной партии в другую, чтобы выиграть выборы.

Соответственно, можно сделать неутешительное заключение: партийная поляризация на Филиппинах практически отсутствует, партии – всегда были и до сих пор остаются лишь ширмой, второстепенными игроками или вовсе пешками в политике Филиппин. Только небольшие партии крайне левого толка придерживаются четко определенной идеологии. Все крупнейшие так называемые партии вместо этого являются электоральными платформами олигархических кланов. Например, Партия националистов является движущей силой Мануэля Вильяра (второго по уровню дохода человек на Филиппинах), Партия национального единства «кормится с рук» Энрике Расона (пятого по уровню богатства человека в стране), а Народная коалиция националистов целиком и полностью зависит от Эдуардо Кованко-младшего (четырнадцатое место в списке самых богатых людей страны).

И хотя поляризация политики и общества может измеряться еще двумя другими способами, в этом виде она также или не сформировалась на Филиппинах, или присутствует в едва зачаточном состоянии. Несмотря на то, что существование регионального и социально-экономического неравенства подталкивает Филиппины к формированию поляризации, то, как политические партии или фракции структурируются вокруг видных местных и национальных олигархов и знаменитостей, как правило, препятствует развитию политических блоков, в которых пересекались бы многочисленные существенные разногласия. Из-за отсутствия устойчивой политической идентичности судьба любой национальной администрации в значительной степени зависит от ее деятельности, поскольку филиппинцы неоднократно демонстрировали свою готовность выступить против некогда популярных

лидеров. Это подводит нас к следующему выводу: все вышеперечисленные факторы формируют общую слабость политических партий на Филиппинах.

Слабость партийной системы порождает важное следствие – в силу того, что в идеале демократия есть правление народа и для народа, а партии являются непосредственными представителями народа, так, сказать, несут волю народа в политику, без действенной партийной системы, которая бы способствовала прогрессу и развитию общества в целом, настоящая демократия существовать и функционировать не способна. Однако, ситуация в филиппинской политике, равно как и условия, в которых работают филиппинские политические институты, приводят к тому, что политические партии своей деятельностью скорее вредят и препятствуют развитию, нежели способствуют ему. Вот как определяют работу политических партий сами филиппинцы: «Одним из основных факторов, делающих наши политические партии слабыми, является зависимость политических партий от личностей, а не от проблем и политических платформ. Традиционные политики используют политические партии только в качестве финансовых инструментов для победы на выборах. Отсутствует партийная лояльность, равно как и приверженность партийным идеологическим принципам, платформам и программам. Можно утверждать, что в стране отсутствует реальная и демократическая партийная система».

Происходит это в том числе потому, что все политические партии на Филиппинах структурно строятся таким образом, что полностью зависят от патрона (т.е. от действующего президента), который обеспечивает их финансированием, принимает практически все решения, которые изначально должны исходить от партий, а исполнительные комитеты полнятся сторонниками партии. Феноменально, но факт – у партий нет своих офисов, и они не

ведут никакую деятельность – не проводят собраний, не обсуждают никаких вопросов – в течение года, т.е. функционируют исключительно во время предвыборной кампании и выборов.

«У политических партий на Филиппинах нет однозначно последовательного набора убеждений, который отличал бы одну партию от другой; в лучшем случае они предлагают электорату готовые лозунги и общие фразы, представляющие из себя, по сути, “бабкины сказки”, которые подаются как политические доктрины. Их политическая повестка дня предсказуемо направлена на сохранение прерогатив выборных членов, обеспечение постоянного накопления денег и привилегий для них самих, их семей и их союзников. Индивидуальные программы и интересы семьи волей-неволей имеют приоритет над коллективной оценкой политической партией потребностей общества. И как только они получают привилегию управления, государственная политика выстраивается на лету, в рамках традиционных политических практик, их понимания национальных проблем, рассматриваемых субъективно через призму личных и семейных интересов, таким образом увековечивая существующие несовершенные политические институты».

Джой Асерон, академик из Университета Атенео де Манила охарактеризовала партии на Филиппинах как «временные политические союзы», и добавила, что «некоторые эксперты заходят настолько далеко, что выражают мнение будто в стране нет настоящих партий, а то, что есть это “клуб фанатов политиков”».

Есть ли выход из этого непростого положения в филиппинской политике? Каким образом должно действовать общество, чтобы как-то переломить сложившуюся ситуацию – пусть не сразу, постепенно, шаг за шагом? Какие методы доступны для гражданского общества Филиппин в борьбе за истинную демократию? Все это вопросы, требу-

ющие отдельного исследования, здесь же кратко скажем, что, филиппинцам следует бороться за возможность более активного участия в политике, помимо выборов. Это возможно через организацию общественно активных групп, которая сейчас также имеет место быть, однако сильно затрудняется как бюрократическими препонами, так и незаконными методами борьбы, включая насилие. Граждане Филиппин в первую очередь должны заставить свое правительство нести ответственность за проводимую в стране политику.

И если профсоюзы и крестьянские объединения на Филиппинах до сих пор остаются политически достаточно слабыми организациями, то другие организации гражданского общества, такие как неправительственные организации и группы новых общественных движений, включая движение за права женщин и экологические группы, сильны и продолжают наращивать значительный политический потенциал. Инициативы по созданию политических партий нового типа исходят от этой части филиппинского общества. Они также составляют прочную основу для поддержки инициатив по реформированию политики Филиппин, по преобразованию слабого, некомпетентного правительства, в котором доминируют элиты.

Возможно, именно от этих организаций и общественных движений будет зависеть, насколько значительно и быстро изменится политическая система Филиппин в будущем.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Перечислите основные характеристики партийной системы Филиппин. Расскажите о каждом пункте подробно.
2. За счет чего сохраняется низкий уровень институционализации партий?

3. С чем связана слабая поляризация политики и политических партий на Филиппинах?
4. К каким последствиям ведет слабость партийной системы?

Рекомендуемая литература:

1. Панарина Д.С. Политическая система Филиппин: западная демократия в азиатском мире / Политические системы и политический процесс в странах ЮВА / отв. ред. Е.М. Астафьева М.: ИВ РАН, 2021. С. 225–272.
2. Strong Patronage, Weak Parties: The Case for Electoral System Redesign in the Philippines. Asia Foundation. URL: <https://asiafoundation.org/wp-content/uploads/2019/02/Strong-Patronage-Weak-Parties-Briefer.pdf>.
3. Lande, Carl H. The Philippine Political Party System // Southeast Asian History Journal. No. 5. (March). International Studies Center for East Asian Studies. The University of Kansas. Lawrence, Kansas, 1967. URL: <https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/1186/CEAS.1967.n5.pdf;jsessionid=A8D479732735367FDDC7071410CD7A20?sequence=1>.

§ 5.7. Институты гражданского общества

Основой гражданского общества на Филиппинах являются филиппинские концепции *pakikipagkapwa* (целостное взаимодействие с другими людьми) и *kapwa* (общий внутренний мир). Добровольная помощь или благотворительность означает для филиппинцев равный статус между тем, кто оказывает помощь и тем, кто ее получает. Этот равный статус описывается в таких терминах как *damayan* (помощь сверстников друг другу в кризисные времена) и *pagtutulungan* (взаимопомощь). Западное понятие

kawanggawa (благотворительность), возможно, было введено на Филиппинах католическими миссионерами.

В испанский колониальный период римско-католическая церковь и религиозные ордена создали первую систему социального обеспечения. Они основали церковно-приходские школы, детские дома и больницы, предназначенные в основном для местной элиты. Церковь также основала фонды и *cofradías* (братства), которые поощряли добрососедское поведение, такое как посещение больных и помощь в подготовке городских праздников.

Американское колониальное правительство обозначило границы между обеспечением государством общественных благ, религиозной благотворительностью, и частной благотворительностью. Филиппинский закон о корпорациях 1906 г. предоставил гражданам страны право создавать частные некоммерческие организации, а правительство субсидировало деятельность некоторых из этих организаций. Американский Красный Крест и Анти-туберкулезное общество открыли свои отделения в стране. Американские методистские и протестантские церкви, а также Англиканская церковь открыли школы и больницы.

В дальнейшем вплоть до установления на Филиппинах диктатуры Фердинанда Маркоса, когда общественные организации вынуждены были или уйти в подполье, или выступить единым фронтом с коммунистической партией в борьбе против официальных властей, наблюдался активный рост числа институтов гражданского общества. Так, например, в 1920–1930-е гг. значительно выросло количество фермерских кредитных кооперативов, в которых насчитывалось до 100 тыс. членов.

Когда в конце 1980-х гг. начиная с президенства Корасон Акино на Филиппины вернулся демократический строй правления и общественного устройства, настало благодатное время для образования и развития новых институтов гражданского общества и различных обществен-

ных организаций. Быстрый рост общественных организаций в 1986–1992 гг. также был обусловлен попытками правительства институционализировать гражданское общество, упорядочить его участие в планировании национального и регионального развития страны. Однако помимо организаций, чья деятельность была направлена на всеобщее благо, стали появляться и объединения сомнительного характера. Часто они создавались политиками, бизнесменами и бюрократами, чтобы продвигать свои личные, а не общественные интересы и увеличивать опять-таки свое личное, а не народное благосостояние. В ответ на эту тенденцию в 1991 г. 10 крупнейших сетей неправительственных организаций (НПО) сформировали Совет по развитию сетей НПО (the Caucus of Development NGO Networks) для повышения профессионализма, а также чтобы расширить охват организаций гражданского общества (ОГО) и увеличить их эффективность.

Сегодня филиппинские ОГО считаются одними из самых продвинутых в мире. На Филиппинах самое большое количество НПО на душу населения в Азии, и многие считают, что, если где гражданское общество и способствовало демократизации так это на Филиппинах. Многие из ключевых международных НПО базируются на Филиппинах и возглавляются филиппинцами.

В стране существует много типов ОГО, но наиболее важными являются народные организации, НПО по развитию и кооперативы. *Народные организации* являются членскими организациями, представляющими интересы маргинализированных групп населения. Часто они создаются в рамках определённого сектора экономики, для решения конкретных проблем или в какой-либо географической местности/регионе. *НПО, занимающиеся вопросами развития*, выступают в качестве посреднических агентств и учреждений, которые обычно занимаются пополнением штатного персонала и предоставляют широ-

кий спектр услуг первичным организациям, сообществам и отдельным лицам. *Кооператив* – это союз лиц, добровольно объединившихся, чтобы делать «соразмерные взносы в необходимый организации капитал, поддерживать реализацию своих продуктов и услуг и в равной доле разделять риски и выгоды предприятия в соответствии с общепризнанными принципами сотрудничества».

Трудно определить точное количество ОГО в стране, отчасти потому, что многие из них не зарегистрированы. Кроме того, на Филиппинах не существует единой официальной и регулярно обновляемой базы данных, которая бы содержала ОГО, зарегистрированные через правительственные агентства. Помимо этого, исследования, пытающиеся подсчитать организации гражданского общества используют различную терминологию, и поэтому могут включать или исключать различные типы ОГО. Согласно одному из последних и наиболее полных исследований на Филиппинах насчитывается 249 000–497 000,5 зарегистрированных и незарегистрированных ОГО. Порядка 40% из них не зарегистрированы.

Организации гражданского общества на Филиппинах участвуют в широком спектре деятельности, а именно в: 1) сфере образования, обучения и развития людских ресурсов; 2) развитии местных сообществ; 3) развитии предприятий и создании рабочих мест; 4) сфере здоровья и питания; 5) юридическом секторе, адвокатуре и политике; а также в сфере устойчивого развития. Стоит отметить, что политическая активность играет большую роль для филиппинских ОГО, нежели для ОГО других стран. Действительно, ОГО имели важное значение в достижении Филиппинами независимости от испанцев и американцев, в свержении режима Маркоса и в прекращение правления президента Джозефа Эстрады.

Законодательно деятельность ОГО на Филиппинах регулируется Конституцией 1987 г. Так, согласно основ-

ному закону страны «государство поощряет неправительственные, общественные или отраслевые организации, содействующие благосостоянию нации». Также, «государство уважает роль независимых народных организаций в том, чтобы давать людям возможность в пределах демократических норм защищать свои законные и коллективные интересы и устремления посредством мирных и законных средств». И наконец, «право народа и народных организаций принимать эффективное и разумное участие на всех уровнях общественного, политического и экономического развития не должно ограничиваться. Государство должно законом содействовать установлению адекватных механизмов консультаций». Многие законы также законодательно оформляют и поощряют ОГО и их роль в развитии страны.

Филиппинские организаций гражданского общества обладают рядом преимуществ, а именно: 1) их большое количество; 2) обширные связи внутри сектора ОГО и с другими сферами общества; 3) многолетний опыт и навыки, самоотверженность и креативность лидеров ОГО; 4) гибкость самих организаций в связи с небольшим размером большинства из них. Согласно опросу, проведенному для выявления Индекса гражданского общества (CSI) на Филиппинах 46% населения назвали себя активными членами хотя бы одного ОГО, 37% были неактивными членами, и только 17% заявили, что не принадлежат ни к одной общественной организации. Кроме того, большинство ОГО, особенно НПО, отраслевые организации и кооперативы связаны друг с другом через провинциальные, региональные и национальные сети или в рамках федераций или коалиций.

Филиппинское гражданское общество также смогло задействовать корпоративные ресурсы для реализации инициативы по борьбе с бедностью. Организация Philippine Business for Social Progress (PBSP) является

крупнейшим на Филиппинах фондом социального развития, управляемым на кооперативной основе. Нацеленный на сокращение бедности PBSP представляет собой первый в своем роде в Азии и единственный некоммерческий консорциум корпораций, ведущих пропаганду и практикующих принцип корпоративной социальной ответственности. Консорциум расширил свою членскую базу до более 230 малых, средних и крупных корпораций, ежегодно привлекая 1,7 млрд песо (41 млн долларов) за счет членских взносов, которые идут на внедрение, мониторинг и оценку проектов развития по всей стране. Однако было отмечено, что многие ОГО, особенно НПО зависят от внешнего финансирования и страдают от нехватки кадров и по причине слабого внутреннего управления. Филиппинские ОГО обеспечивают свой бюджет за счет членских взносов, пожертвований, субсидий и доходов от некоторых видов своей деятельности. Торговые и деловые ассоциации, трудовые и торговые корпоративы ассоциации домовладельцев полагаются в финансировании в основном на членские взносы, сервисные сборы и доходы с продаж (89%–100%). С другой стороны, НПО получают 70% своих доходов от иностранных вложений, корпоративов и в виде дотаций правительства. Индивидуальные пожертвования и членские взносы составляют 85% доходов религиозных и духовных групп. Зависимость от внешнего финансирования имеет решающее значение с точки зрения снижения внешней или донорской поддержки страны начиная с 1990-х гг.

В стране, совершившей «переход к демократии» в 1986 г. и завершившей несколько бесспорных президентских выборов после этого, демократическая «консолидация» должна быть достигнута. Но консолидация не кажется полной, несмотря на вклад очень большого и активного сообщества НПО и ОГО. Достижения организаций гражданского общества не закрепляются при содействии

надежных политических институтов, т.е. политических партий. Деятельность НПО сама по себе подвержена сильному влиянию патронажно-клиенталистской системы, хотя по сути своей призвана бороться с ней. И даже при появлении новых институциональных процессов, которые могли бы сыграть положительную роль в работе НПО (например, система выборов по партийным спискам), зачастую, их принятие на законодательном уровне тормозится Конгрессом с его традиционалистскими взглядами. Поэтому, вывод прост: демократизацию на Филиппинах нельзя назвать завершенным и необратимым процессом.

Вопросы для самостоятельной работы:

1. Что является основой гражданского общества на Филиппинах?
2. Расскажите об истории появления и развития организаций гражданского общества (ОГО) на Филиппинах.
3. Какие организации гражданского общества существуют на Филиппинах в наши дни? Какую деятельность они осуществляют?
4. В чем преимущества филиппинских ОГО? Какие у них есть недостатки? С какими трудностями они сталкиваются?

Рекомендуемая литература:

1. Civil Society: An Overview. Asian Development Bank. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/30174/csb-phi.pdf>.
2. *Clarke, Gerard*. NGOs in the Post-Marcos Era // Routledge Handbook of the Contemporary Philippines. Edited by Mark R. Thompson and Eric Vincent C. Battalla. Routledge, 2018. Pp. 376–385. URL: <https://www>.

academia.edu/38171798/Routledge_Handbook_of_the_Contemporary_Philippines.

3. *Wurfel, David*. Civil Society and Democratization in the Philippines. Pp. 215–223. URL: https://apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/GrowthGovernance_files/Pub_Growth%20Governance/Pub_GrowthGovernancech17.pdf.

Рекомендуемая литература

- Астафьева Е.М.* Становление политической системы Сингапура: особенности политических процессов в прошлом и настоящем / Политические системы и политический процесс в странах Юго-Восточной Азии: (Колл. мон.). – М.: ИВ РАН, 2021. С. 318–436.
- Астафьева Е.М.* Роль посреднических организаций в отношениях между государством и гражданами в Сингапуре. / Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии (колл. мон.). ИСАА МГУ. – М.: Языки народов мира: Тезаурус, 2015. С. 334–344.
- Государственное устройство Филиппин / Best Country. August 3, 2019. URL: http://www.best-country.com/ru/asia/philippines/political_structure.
- Губер А.А.* Индонезия. Социально-экономические очерки. М.-Л., 1932.
- Другов А.Ю.* Индонезийская армия и демократические реформы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 1, № 1–2 (38–39), 2018.
- Другов А.Ю.* Индонезия на грани столетий (1996–2006). М., 2011.
- Другов А.Ю.* Индонезия: политическая культура и политический режим. М., 1997.
- Другов А.Ю.* История Индонезии: XX век. М., 2005.
- Другов А.Ю.* Политическая власть и эволюция политической системы Индонезии. М., 1989.
- Другов А.Ю.* Религия, общество и власть в современной Индонезии. М., 2014.
- Другов А.Ю., Резников А.Б.* Индонезия в период «направляемой демократии». М., 1969.
- Другов А.Ю., Тюрин В.А.* История Индонезии, XX век. М., 2005.

- Ефимова Л.М.* Политические системы стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины). М.: МГИМО, 2016.
- Ефимова Л.М.* Религиозные традиции в политической жизни современной Индонезии (1965–1992). М., 1992.
- Заказникова Е.П., Латышева И.С.* Рабочий класс и профсоюзное движение // Малайзия. Справочник. М.: Наука, 1989.
- Истон Дэвид.* Подход к анализу политических систем // Вестник Московского Университета. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 5. С. 17–37.
- Колосков Б.Т.* Малайзия. Вчера и сегодня. М.: Мысль, 1984.
- Левтонова Ю.О.* История Филиппин. XX век. Главы 5–7. М.: ИВ РАН, 2011.
- Левтонова Ю.О.* История Филиппин. Краткий очерк. М.: Наука, 1979.
- Мирский Г.И.* «Третий мир»: Общество, власть, армия. М., 1976.
- Национально-освободительное движение в Индонезии (1942–1965). М., 1970.
- Панарина Д.С.* Бениньо Симеон Акино III: символ демократии на Филиппинах / Многоликая элита Востока. (Колл. мон.). – М.: ИВ РАН, 2022.
- Панарина Д.С.* Политическая система Филиппин: западная демократия в азиатском мире / Политические системы и политический процесс в странах ЮВА. – М.: ИВ РАН, 2021. С. 225–272.
- Панарина Д.С.* Родриго Дутерте – филиппинский президентпопулист или «Гарри Дутерте»? / Многоликая элита Востока. Т. 1 (Колл. мон.). – М.: ИВ РАН, 2020. С. 340–378.
- Панков А.Н.* Конституционно-правовое развитие Республики Филиппины // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 275–281.
- Парсонс Талкотт.* О социальных системах. М., 2002.

- Погадаев В. А. Всеобщие выборы как отражение борьбы за власть в Малайзии / Власть и общество в Юго-Восточной Азии. История и современность. Губеровские чтения, выпуск 4. М.: ИСАА МГУ, 2015. С. 215–232.
- Погадаев В. А. Малазийская оппозиция в борьбе за независимость страны и социальный прогресс (1940–1970-е годы). М.: Ключ-С, 2014.
- Погадаев В.А. Рукунегара как отражение национальной идеи в Малайзии // Вопросы истории. 2019. № 3. С. 135–139.
- Политические системы и политический процесс в странах Юго-Восточной Азии (Коллективная монография) / Отв. ред. Е.М. Астафьева. М.: ИВ РАН, 2021.
- Рачинская-Спивакова Ю.О. Итоги правления Дутерте на Филиппинах: достижения во внутренней политике и взаимодействие с гражданским обществом // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Том 2. № 2 (55). С. 171–183.
- Рябова И.А. Рабочий класс и профсоюзы Малайзии. М.: Наука, 1972.
- Самойленко В.В. Политические партии // Малайзия. Справочник. М.: Наука, 1989. С. 125–153.
- Сукарно. Политик и личность. М., 2001.
- Сычев В.Ф. Индонезия и мусульманский мир в XX веке. М., 2009.
- Тюрин В.А. История Индонезии, М., 2004.
- Тюрин В.А., Цыганов В.А. История Малайзии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010.
- Цыганов В.А. История Индонезии. Т. 2. М., 1993.
- Электоральные процессы в современном мире. М., 2020.
- Эндрейн, Чарльз Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.

- Almond, Gabriel A.* Political Theory and Political Science // American Political Science Review. 1966. 60(4). Pp. 869–879.
- Almond, Gabriel A.* The Return to the State // American Political Science Review. 1988. 82(3). Pp. 853–874.
- Almond, Gabriel and Powell, G. Bingham.* Comparative Politics Boston: Little, Brown, 1966.
- Andaya B. W., Andaya L. Y.* A History of Malaysia. L., 1982.
- Atienza, Maria Ela L.* Local Government and Devolution in the Philippines // Philippine Politics and Governance. An Introduction. Ed. by Noel M. Morada, Teresa S. Encarnacion Tadem. Department of Political Science, College of Social Sciences and Philosophy, University of the Philippines. Diliman, Quezon City, 2006.
- Clarke, Gerard.* NGOs in the Post-Marcos Era // Routledge Handbook of the Contemporary Philippines. Edited by Mark R. Thompson and Eric Vincent C. Batalla. Routledge, 2018. Pp. 376–385.
- Crouch M.* The Constitution of Myanmar: A Contextual Analysis. Oxford: Hart Publishing/Bloomsbury, 2019.
- Easton D.* The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York, 1953.
- Edleman, Paul R.* Philippine Government Structure with a Focus on the Philippine Barangay. Sauk Valley Community College. URL: https://www.niu.edu/clas/cseas/_pdf/lesson-plans/fulbright-hays/philippine-political-structure.pdf.
- Elections in the Philippines: Electoral system, irregularities and violence. URL: https://factsanddetails.com/southeast-asia/Philippines/sub5_6f/entry-3903.html.
- Kho Boo Teik.* The Profound Impact of the BERSIH Movement since 2007 // ISEAS Yusof Ishak Institute. Articles and Commentary. Singapore, 2021/167.
- Lande, Carl H.* The Philippine Political Party System // Southeast Asian History Journal. No. 5. (March). International

- Studies Center for East Asian Studies. The University of Kansas. Lawrence, Kansas, 1967. URL: <https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/1186/CEAS.1967.n5.pdf;jsessionid=A8D479732735367FDDC7071410CD7A20?sequence=1>.
- Milne R.S., Mauzy D.K.* Politics and Government in Malaysia. Vancouver, 1979.
- Mohamed Mustafa Ishak.* The Politics of Bangsa Malaysia. National-Building in a Multiethnic Society. Sintok: Penerbit Universiti Utara Malaysia, 2014.
- Panarina D.S.* Rodrigo Duterte – Who Is He? // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2017. Vol. 17. No. 3. Pp. 588–597.
- Perlembagaan Persekutuan (Федеральная Конституция). Kuala Lumpur: International Law Book Services, 2006.
- Philippine Political System / Department of Philippines. URL: <https://sites.google.com/site/departmentofphilippines/philippine-political-system>.
- Routledge Handbook on Contemporary Myanmar. Ed. by Ian Halliday et al. London: Routledge, 2018.
- Samuel E. Finer.* Comparative Government. Baltimore: Penguin, 1970.
- Shils, Edward.* Center and periphery: essays in macrosociology. University of Chicago Press, 1975.
- Shils, Edward.* On the Constitution of Society. University of Chicago Press, 1982.
- Strong Patronage, Weak Parties: The Case for Electoral System Redesign in the Philippines. Asia Foundation. URL: <https://asiafoundation.org/wp-content/uploads/2019/02/Strong-Patronage-Weak-Parties-Briefer.pdf>.
- Teehankee, Julio.* Electoral Politics in the Philippines // Electoral Politics in Southeast and East Asia. Friedrich Ebert Stiftung, 2002. Pp. 149–202. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/iez/01361006/pdf>.

- The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines – Article II / Commission on Elections. Republic of the Philippines. URL: <https://comelec.gov.ph/index.html?r=References/RelatedLaws/Constitution/1987Constitution/Article2>.
- The 1987 Constitution of the Republic of the Philippines / Commission on Elections. Republic of the Philippines. URL: <https://comelec.gov.ph/index.html?r=References/RelatedLaws/Constitution/1987Constitution>.
- Vasil R.K.* Politics in a Plural Society. A Study of Non-Communal Political Parties in West Malaysia. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1971.
- Wurfel, David.* Civil Society and Democratization in the Philippines. Pp. 215–223. URL: https://apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/GrowthGovernance_files/Pub_Growth%20Governance/Pub_GrowthGovernancech17.pdf.
- Zulhilmi Paidi, Rohani Hj. Ab Ghani dll.* Kenegaraan Malaysia (Государственность Малайзии). Universiti Utara Malaysia, 2018.

Дополнительная литература

- Гуревич, Э. М.* Политическая система современного Сингапура М., 1989.
- Ефимова Л.М.* Новые подходы к оценке политической модернизации в Юго-Восточной Азии // Власть и общество в странах Юго-Восточной Азии. МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСАА. М., 2015
- Ли Куан Ю.* Сингапурская история: из «третьего мира в первый». М., 2005.
- Harold Crouch.* The Army and Politics in Indonesia. Jakarta & Kuala Lumpur, 2007.
- Сумский В.В.* Фердинанд Маркос. Зарождение, эволюция и упадок диктатуры на Филиппинах. М., 2002.

- Журнал «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития», ИВ РАН, М., 1999–2021.
- Abdul Aziz Bari*. Perlembagaan Malaysia: teori & praktis (Конституция Малайзии: теория и практика). Kuala Lumpur: Arah Publications, 2008.
- Abdul Rahman Abdul Aziz*. Demokrasi di Malaysia (Демократия в Малайзии). Kuala Lumpur: ITBM, 2014.
- Crouch, Harold*. Government and Society in Malaysia. Cornell University Press, 2019.
- Guzman, Raul P. de*. The Evolution of Filipino Political Institutions: Prospects for Normalization // Philippine Journal of Public Administration, Vol. XXVI, Nos. 3 & 4 (July-October 1982). URL: https://www.pssc.org.ph/wp-content/pssc-archives/Philippine%20Journal%20of%20Public%20Administration/1982/Num%203-4/05_The%20Evolution%20of%20Filipino%20Political.pdf
- Hutchcroft, Paul D*. Electoral System Redesign: An Opportunity for Effective Political Reform in the Philippines. URL: https://www.worldscientific.com/doi/pdf/10.1142/9789811212604_0001
- Jungug Choi*. Philippine Democracies: Old and New. URL: <https://library.fes.de/libalt/journals/swetsfulltext/14218793.PDF>
- Kenny, Paul D*. Why Is There No Political Polarization in the Philippines? // Carnegie. August 18, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/08/18/why-is-there-no-political-polarization-in-philippines-pub-82439>
- Lloyd D Musolf*. Malayasia's Parliamentary System. Representative Politics and Policymaking in A Divided Society. Oxfordshire: Taylor & Francis, 2019.
- Maizatul Azila Binti Chee Din, Hasbollah Bin Mat Saad, Mohd Azizie Bin Abdul Aziz*. Governance And Politics: Malaysian Context. Kuala Lumpur: Pena Hijrah Resources, 2020.

- Malike Ibrahim.* Sistem Demokrasi Berparlimen di Malaysia (Система парламентской демократии в Малайзии). Kuala Lumpur: Pustaka Perdana, 2012.
- Manalo, Jennifer Magno.* An Overview of the Philippine Political System under the 1987 Constitution. URL: <https://cir.nii.ac.jp/crid/1050845764156802432?lang=en>
- Rocamora, Joel.* Formal Democracy and its Alternatives in the Philippines: Parties, Elections and Social Movements. 26 Julio 2005. URL: <https://www.tni.org/es/node/7396>
- Selochan, Viberto.* The Military and the Fragile Democracy of the Philippines // The Military and Democracy in Asia and the Pacific. Edited by R.J. May. Canberra, 2004. URL: <https://press-files.anu.edu.au/downloads/press/p33231/mobile/ch04.html>
- Undang-Undang Dasar Negara Republik Indonesia Tahun 1945. (Конституция Республики Индонезии 1945 г. С последующими изменениями). Jakarta, 2005.
- Wong, Andrea Chloe.* Philippine elections and the politics behind it. Lowy Institute. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/philippine-elections-and-politics-behind-it>

СПИСОК АВТОРОВ

Глава 1. МОСЯКОВ Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, заведующий Центром ЮВА, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва, Россия. mosyakov.d@gmail.com

Глава 2. ДРУГОВ Алексей Юрьевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН. Москва, Россия. alexdrugov37@yandex.ru

Глава 2. ЕФИМОВА Лариса Михайловна, доктор исторических наук, МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Глава 3. ПОГАДАЕВ Виктор Александрович, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России, Москва, Россия. v.pogadaev@my.mgimo.ru

Глава 4. АСТАФЬЕВА Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Центра ЮВА, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва, Россия. katy-ast@yandex.ru

Глава 5. ПАНАРИНА Дарья Сергеевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра ЮВА, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва, Россия. daria2002panarina@gmail.com

Научное издание

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
СТРАН
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
Том 1.**

Коллективная монография
в 2-х томах

Редакторы: *Е. М. Астафьева, Д. С. Панарина*
Верстальщик, оформитель *Е. М. Астафьева*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034–2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 28.11.2022. Формат 60×90/16. Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 12,1. Зак. № 3843

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН — на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных
в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной
почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Белый Ветер»
115093, г. Москва, ул. Щипок, д. 28
Тел.: +7 (495) 651-84-56

E-mail: wwprint@mail.ru. Вебсайт: <https://wwprint.ru>